

AREA SLAVICA

OSTRAVSKÁ
UNIVERZITA

AREA SLAVICA 4

**(Současná rusistika a proměny
univerzitního studia)**

**OSTRAVSKÁ
UNIVERZITA**

Ostrava 2023

Recenzovali:

prof. UG dr hab. Zoja Nowożenowa,
Wydział Filologiczny, Uniwersytet Gdański

doc. PhDr. Jiří Gazda, CSc.,
Filozofická fakulta, Masarykova univerzita

Vědecká redakce:

doc. PhDr. Zdeňka Nedomová, Ph.D.
PhDr. Ljuba Mrověcová, Ph.D.
Mgr. Lukáš Plesník, Ph.D.

Publikace je přístupná v režimu open access pod licencí CC BY-NC-ND
Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

DOI doi.org/10.15452/AreaSlavica4.2023

ISBN 978-80-7599-379-3 (print)
ISBN 978-80-7599-380-9 (online)

Содержание

Вступительное слово..... 7

**Юбилей 70-летия кафедры русистики в Остраве
и 30-летия бакалаврского обучения русскому языку 11**

Зденька НЕДОМОВА, Люба МРОВЕЦОВА, Лукаш ПЛЕСНИК

I

Особенности формирования русского языка цифрового общества 31

Елена МАРИНОВА

**Словообразовательные возможности лексических компонентов
арт и *искусство* на современном этапе развития русского языка 41**

Лукаш ПЛЕСНИК

**Синтаксическая типология современных славянских языков:
русское простое предложение в сопоставлении с чешским..... 51**

Станислав РЫЛОВ

II

**Имена собственные в функции несогласованного препозитивного
определения в русском и чешском языках 63**

Йиндржих КЕСНЕР

Следы имён собственных в апеллятивной лексике русского, чешского и польского языков..... 75

Лукаш МАРШИК

III

О некоторых синтаксических особенностях научного стиля (вводные слова и выражения в русско-чешском сопоставлении) 89

Габриэла МАТЫАШКОВА

Межъязыковая русско-словацкая омонимия в специальных юридических текстах..... 101

Елизавета МАДЕЙ

Специфика лексикографического описания и перевода русских и польских христианских эртонимов (на примере двенадцатых господских праздников)..... 111

Галина ГАДОМСКА

Proměny frekvence a způsobu využití rusismů po roce 1989 123

Anna CALDROVÁ

IV

О специфике передачи заглавий эпизодов сериала «Викинги» на русский и польский языки..... 133

Александра ГНЬП

Antroponyma v ruských pohádkách: jejich původ, význam a využití v současné době (vybrané pohádky)..... 141

Alena DANYIOVÁ

V

**Reflexe vývoje pregraduální přípravy učitelů ruského jazyka
na Pedagogické fakultě Univerzity Karlovy 153**

Jakub KONEČNÝ, Lenka ROZBOUDOVÁ

**Формирование лексикографической компетентности студентов
на продвинутом этапе обучения РКИ 165**

Алена КАЛЕЧИЦ

Концепты культуры в обучении иностранным языкам 177

Наталия ГЕТЬМАНЕНКО, Ленка РОЗБОУДОВА

**Русские непервообразные предлоги и некоторые аспекты
их сопоставительного изучения и обучения 187**

Зденька НЕДОМОВА

**Русский язык в бизнесе. Деловые переговоры – тематика,
лексико-ситуативные упражнения (из опыта работы) 199**

Тадеуш ДОМБРОВСКИЙ

Summary and Abstracts of Articles 209

**Алфавитный список литературы и электронных источников
(источники, записанные кириллицей)..... 217**

**Алфавитный список литературы и электронных источников
(источники, записанные латиницей)..... 235**

Именной указатель (запись кириллицей) 243

Именной указатель (запись латиницей) 255

**Научно-исследовательская деятельность сотрудников кафедры
русистики / отделения русистики кафедры славистики Философского
факультета Остравского университета за 1990–2022 годы 261**

Вступительное слово

В очередном, четвёртом томе серии *Area Slavica* – «Современная русистика и перемены университетского обучения» представлены главы 18 авторов из разных стран: Чешской Республики (11), Польши (3), России (2) и Словакии (2).

Исследования, результаты которых представлены в данном томе, посвящены разным областям лингвистической и лингводидактической науки в области русистики.

Во вступительной главе авторы обращаются к богатой 70-летней истории и одновременно динамичной современности кафедры русистики Остравского университета. Во второй части главы рассматриваются конференции, проводимые остравскими русистами и сборники материалов конференций, посвящённые обучению бакалавров-русистов.

В коллективной монографии можно выделить пять тематических блоков. В первом блоке (I) помещены три главы, отражающие тенденции развития современного русского языка и касающиеся одной из актуальных проблем славистики. Автор первой из них обращает внимание на процесс цифровизации и на особенности формирования негомогенного языка цифрового общества и на его отдельные ключевые слова. В следующей главе блока продемонстрирован словообразовательный потенциал лексем арт и искусство, занимающих важное место в лексическом фонде современного русского языка. Третья глава блока посвящена синтаксической типологии современных славянских языков (русского и чешского), которая остаётся в окончательном виде по-настоящему ещё не разработанной. Оба славянских языка, хотя являются генетически родственными, обнаруживают существенные различия в плане синтактико-типологических описаний.

В следующем, втором, тематическом блоке (II) помещены две главы, связанные с изучением имён собственных, но также с точки зрения проявления тенденций развития современного русского языка. Учёного интересует невиданный ранее рост количества неизменяемых слов в качестве проявления стремления к аналитизму и непрерывно пополняющаяся группа несклоняемых прилагательных (на материале несклоняемого препозитивного определения в русском и чешском языках). Речь идёт о словосочетаниях, состоящих из двух компонентов, из которых первый выполняет по

отношению ко второму функцию определения и не является склоняемым прилагательным, чаще всего он имеет субстантивное происхождение (имя собственное разного типа). Следующая глава сосредотачивается на наименованиях, созданных на основе имён собственных – эпонимах и представляющих особый пласт словарного состава любого языка, автор опирается на материал русского, чешского и польского языков. Как он констатирует, имена собственные представляют важный потенциальный источник формирования огромного количества производных и непризводных наименований в терминологии, отчасти также в общеупотребительной лексике, что и стремится показать на богатом материале трёх славянских языков.

Очередной, третий, тематический блок (III) в монографии образуют четыре главы, посвящённые исследованию специального текста, а также публицистики. В рамках собственно научного подстиля стремления к точности, однозначности и логичности достигается использованием некоторых синтаксических средств (конкретно с помощью вводных слов и словосочетаний в русском и чешском языках), о чём в своей главе пишет исследователь. Автор второй главы блока обращает внимание на специальные юридические тексты и явление русско-словацкой омонимии, являющейся источником отрицательной языковой интерференции и становящейся причиной выполнения некачественного и неадекватного перевода в правовом дискурсе. Основной целью третьей главы данного блока становится исследование одной тематической группы религиозной лексики – эортонимов в двух вариантах религиозного языка русского и польского, их лексикографическое описание и перевод русских и польских эортонимов со значением ‘дванадесятый Господский праздник’. Автор обнаружила случаи полного или частичного совпадения наименований праздников, а также их наложения. В исследовании следующего лингвиста анализируются русизмы, т.е. слова русского происхождения или используемые в русской среде, которых в словарях и специальной литературе насчитывается всего свыше 1000 лексических единиц. В рамках некоторых единиц данного типа наблюдаются семантические сдвиги и применение в других контекстах, но в общем для них характерна очень низкая частота применения в современной чешской публицистике.

Две главы коллективной монографии объединены тематически. Они посвящены художественному стилю, художественному тексту и образуют четвёртый тематический блок (IV). На материале заглавий эпизодов исторической серии о викингах автор показывает выполняемые ими функции и анализирует их с точки зрения перевода на русский и польский языки. По

мнению автора перевод заглавий на русский язык по сравнению с польским переводом в большей степени передаёт лексические и грамматические тонкости исходных форм. В следующей главе на материале русских сказок (семи народных и двух художественных сказок А.С. Пушкина) и их героев учёным рассматриваются антропонимы и гипокористики, выполняющие важную функцию в тексте сказки, показывая характер героя или его свойства и они несут лингвокультурологическое значение.

Последний, пятый, тематический блок (V) монографии, представленный в виде пяти самостоятельных глав, посвящён разным проблемам лингводидактики. В первой главе блока авторы после подробного анализа содержания программ обучения обращают внимание на вузовскую подготовку будущих учителей русского языка в Карловом университете и на изменения, которые осуществились в обоих ступенях их подготовки. Проведённый анализ даёт возможность презентации конкретной точки зрения на данную проблематику и показывает современные тенденции развития в области профессиональной подготовки преподавателей-русистов в Чешской Республике. Компетентностному подходу в образовании и формировании лексикографической компетентности студентов в словацкой языковой среде посвящена следующая глава блока. По словам автора лексикографическая компетенция должна найти своё конкретное отражение в качестве составной части общекультурной, собственно языковой или социолингвистической компетенций в области образования.

В следующей главе в центре внимания учёных поставлены вопросы понимания, толкования, функционирования и взаимодействия концептов культуры в межкультурном пространстве. Авторами предпринята попытка предложить алгоритм работы над концептами культуры при обучении иностранным языкам. Важным дополнительным приёмом овладения искусством межкультурной коммуникации может стать именно работа с концептами культуры. Четвёртая глава тематического блока связана с обучением одному из языковых средств – грамматике русского языка на материале непервообразных предлогов в сопоставлении с чешскими. Автор утверждает, что проблема предлогов требует более пристального внимания к описанию данных единиц, что обусловлено с одной стороны динамикой и разнообразием изменений, происходящих в данной группе слов, а с другой стороны возможными процессами интерференции, стилевой и стилистической маркированностью данных единиц.

В последней главе пятого тематического блока на конкретном материале рассматриваются вопросы делового общения в вузовской подготовке польских студентов, изучающих русский язык бизнеса. По мнению автора необходимо предварять заключение коммерческой сделки продолжительными деловыми переговорами бизнес-партнёров. Так как процесс переговоров способствует выяснению сомнений, раскрытию нюансов, обсуждению всех деталей будущей сделки и достижение консенсуса. Все эти бизнес-постулаты очень важны именно для студентов в процессе их вузовской подготовки.

Монография может представлять интерес для широкого круга специалистов, филологов-русистов, преподавателей и студентов лингвистических специальностей.

Зденька Недомова, Люба Мровецова, Лукаш Плесник

ЮБИЛЕЙ 70-ЛЕТИЯ КАФЕДРЫ РУСИСТИКИ В ОСТРАВЕ И 30-ЛЕТИЯ БАКАЛАВРСКОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Зденька НЕДОМОВА, Остравский университет, Острава
ID <https://orcid.org/0000-0003-1875-0021>

Люба МРОВЕЦОВА, Остравский университет, Острава
ID <https://orcid.org/0009-0004-9837-5763>

Лукаш ПЛЕСНИК, Остравский университет, Острава
ID <https://orcid.org/0000-0002-2680-0837>

Юбилей 70-летия остравской русистики вызывает естественно рефлексию её богатой истории. А также необходимо вспомнить всех учёных и преподавателей, которые создавали кафедру, укрепляли её, и которые сохраняют лучшие традиции, созданные предыдущими поколениями.

1 Из истории кафедры русистики

Остравская русистика имеет семидесятилетнюю традицию, её возникновение связано с кафедрой филологии Высшей педагогической школы в г. Опава, основанной уже в 1953 г. Самостоятельная Кафедра русского языка и литературы возникла в 1960 г. и после основания Остравского университета и Философского факультета (в 1991 г.) она переименовалась в Кафедру русистики. В начале существования Остравского университета на кафедре работало восемь преподавателей, должность заведующей кафедрой занимала Е. Мргачова. Заняв она пост декана Философского факультета Остравского университета, должностью заведующей кафедрой была назначена К. Лепилова. В 1993 г. коллектив кафедры русистики пополнили два знаменитых профессора – литературовед М. Микулашек и лингвист Р. Зимек. В течение последующих нескольких лет преподавательский состав кафедры несколько раз пополнялся новыми преподавателями, главным образом выпускниками остравской русистики.

В 1999 г. кафедра русистики вошла в качестве отделения русистики (наряду и с отделением полонистики) в состав вновь созданной кафедры славистики.

Говоря о преподавательском составе русистики Остравского университета необходимо напомнить фамилии и деятельность всех выдающихся преподавателей, которые оставили неизгладимый след в её истории. Это касается именно трёх профессоров – Л. Риса, Р. Зимека и М. Микулашека. Профессор Л. Рис всю свою педагогическую и научную деятельность посвятил дидактике русского языка, профессор Р. Зимек занимался исследованием синтаксиса русского языка и функциональной стилистикой, профессор М. Микулашек уделяет внимание русской литературе XX века, теории литературы и герменевтике.

В историю остравской русистики вошли пять доцентов – Й. Скацел, М. Вавречка, Е. Мргачова, К. Лепилова и Б. Рудинцова. Доцент Й. Скацел исследовал русский язык с точки зрения социолингвистики, преподавал синтаксис и стилистику русского языка. Доцент М. Вавречка занимался в рамках своей научной деятельности главным образом лексикографией и компьютерным фондом русской коммерческой лексики, является автором многих словарей специальной лексики. Его преподавательская деятельность была связана с лексикологией русского языка, с русским языком для сферы туризма и др. Доцент Е. Мргачова – четыре раза была деканом Философского факультета Остравского университета, продвинула бакалаврское обучение делового направления, была заведующей кафедрой славистики. Доцент К. Лепилова – заведующая кафедрой русистики, организатор нового бакалаврского обучения и международных конференций, исполнитель многих научных проектов и проектов прикладного педагогического направления, инициатор сотрудничества со школами и зарубежными партнёрами. Доцент Б. Рудинцова – заведующая кафедрой славистики, автор и активный сторонник применения практической функциональной грамматики русского языка для чехов в обучении бакалавров, организатор 14 международных конференций «Русский язык в сфере бизнеса (обучение бакалавров)».

Необходимо напомнить фамилии двух старших преподавателей – С. Зидаро и М. Грдлички. С. Зидаро вела занятия по фонетике русского языка и практическому русскому языку. Доктор М. Грдличка гарантировал предметы, связанные с переводоведением (устный и письменный переводы), активно участвовал в организации общегосударственного переводчес-

кого конкурса для студентов, который на факультете осуществляется на всех филологических кафедрах под эгидой декана философского факультета с 2005 года.

В 90-ые годы на кафедре работали и два русских лектора – Н. Вольская (МГУ) и доцент С. Саевич (СПбГУ).

В текущем 2022/2023 академическом году отделением русистики кафедры славистики заведует доктор Лукаш Плесник; в составе отделения русистики входят: один профессор (профессор М. Микулашек – теория и история русской литературы, литературная и философская герменевтика, сравнительная генология), два доцента (доцент Я. Ворел – теория и история русской литературы, литературоведческая компаративистика, русская культура; доцент З. Недомова – синтаксис и стилистика русского языка, дидактика русского языка), пять старших преподавателей (доктор В. Вилимек – переводоведение (устный перевод, специальный перевод, праксиология устного и письменного перевода), межкультурная коммуникация; доктор И. Елинек – теория и история русской литературы, современная русская литература, художественный перевод; доктор Е. Купцевич – фонетика русского языка, практический русский язык, украинский язык; доктор Л. Мрвещова – лексикология, деловой русский язык, РКИ; доктор Л. Плесник – морфология, лексикология и фразеология русского языка, тенденции развития современного русского языка, педагогическая коммуникация в русском языке).

2 Педагогическая деятельность

За период 1960–1989 гг. кафедра подготовила 1048 будущих учителей русского языка. Когда в начале 90-ых годов среди выпускников средних школ и гимназий стал понижаться интерес к изучению русского языка, члены кафедры осознали, что для её дальнейшего существования необходимо содействовать обучению русскому языку в школах. Кафедра постоянно поддерживает тесные контакты с учителями-русистами. Для преподавателей русского языка тогдашняя заведующая кафедрой – доцент К. Лепилова вместе с остальными сотрудниками разработала разные проекты, направленные на инновацию и трансформацию образования учителей русского языка.

В 1993 г. русисты пошли навстречу желаниям предпринимателей Остравского региона, и в качестве первой кафедры в Чехии (и в Цен-

тральной Европе) ввели трёхлетнюю бакалаврскую учебную программу «Русский язык в сфере бизнеса и туризма» и с того же года также началась богатая традиция организации ежегодных международных конференций «Русский язык в сфере бизнеса (обучение бакалавров)», о которых напомним более подробно во второй части данной главы.

Обучение студентов-бакалавров с самого начала осуществлялось в сотрудничестве с кафедрой менеджмента Экономического факультета Технического университета – Горного института Острава. Лекции по основам экономики вели тогда на правах внештатного сотрудника кафедры доцент Й. Блага, позже – доцент В. Ледницки. В качестве внештатного сотрудника на кафедре работала и доктор М. Янковичова, старший преподаватель Философского факультета Университета им. Коменского в Братиславе – специалист по устному переводу.

Таким образом, в очном (и заочном) бакалаврском обучении по учебной программе «Русский язык в сфере бизнеса и туризма» готовились студенты – будущие переводчики, гиды турагенств, работники частных фирм, предприятий и учреждений. Обучение основывалось на междисциплинарных связях (одновременно с изучением русского языка студенты проходили курс основ экономики и управления фирмой, курс психологии, социологии, культурологии, вербальной и невербальной коммуникации и др.). Составной частью этой программы являлся и интенсивный курс украинского языка, который проходил в течение двух недель.

Бакалаврская учебная программа по специальности «Русский язык в сфере бизнеса и туризма», позже трансформировавшаяся в программу «Русский язык в сфере бизнеса», основывалась на применении функционального принципа в процессе обучения студентов. С опорой на этот принцип были в 90-е годы на кафедре созданы многие учебные пособия, которыми студенты пользуются до сих пор.

Прикладная программа для обучения бакалавров «Русский язык в сфере бизнеса» вдохновила и другие кафедры русистики в Чехии и за рубежом, а также филологические кафедры Философского факультета ОУ, на которых студенты стали изучать английский и немецкий языки в сфере бизнеса.

Всё время своего существования после 1990 года самостоятельная кафедра русистики (и отделение русистики кафедры славистики) стремилась помимо магистерской преподавательской программы подготовить также магистерское обучение по транслатологической специальности для

выпускников бакалаврского обучения делового направления. Эти мечты осуществились в 2012 году, когда на всех кафедрах иностранных языков Философского факультета ОУ были одобрены аккредитации двухлетнего магистерского обучения по транслатологической программе «Иностранный язык для переводческой практики» («Русский язык для переводческой практики»), за 10 лет своего существования был накоплен довольно богатый опыт в обучении переводчиков. В 2018 г. программа подверглась аккредитации с новым названием «Русский язык для перевода».

В том же 2018 г. аккредитация коснулась и бакалаврского обучения и системы специальностей в рамках русской филологии. Отделение русистики предлагает с этого года следующие типы обучения: программу *Completus*, специальность «Русский язык для специальной и профессиональной коммуникации», направленную на общение в специальной и профессиональной сферах (обучение реализуется в очном и заочном виде), кроме того осуществляется и обучение русской филологии по двум программам в виде *Major* и *Minor*, а также бакалаврская программа с ориентировкой на сферу образования с подготовкой студентов для магистерской программы «Русский язык для преподавателей средних школ».

На кафедре славистики действует с 2018 г. и докторское обучение (аспирантура) по направленности «Языковедческая и литературоведческая сравнительная славистика», в рамках которого готовятся студенты по русской и польской филологиям. В академическом году 2022/23 по этой программе в рамках русской филологии обучаются 3 аспирантки (две в рамках языковедческой специализации и одна занимается литературоведением).

За период существования бакалаврского обучения (с 1993 по 2022 гг.) остравская русистика подготовила 481 выпускника бакалаврского и 240 выпускников магистерского обучения по преподавательской и транслатологической специальностям.

Кроме выше указанных учебных программ кафедра обеспечивает также обучение русскому языку как иностранному для студентов всех кафедр Остравского университета (включая специальный предмет РКИ для студентов медицинского факультета), проводит консультации и экзамены по русскому языку в подготовке аспирантов и, наконец, обеспечивает также языковой консалтинг.

2.1 Некоторые достижения студентов-русистов в последнее время

Здесь также необходимо вспомнить лишь некоторые успехи студентов отделения русистики, достигнутые ими в последнее время. Студентка заочного отделения бакалаврского обучения по специальности «Русский язык в сфере бизнеса» Л. Старосткова заняла в 2016 году 3 место на V Международной олимпиаде студентов по русскому языку, литературе и культуре в БФУ им. Иммануила Канта в Калининграде. В олимпиаде участвовало приблизительно 40 студентов из 16 государств (Польша, Литва, Латвия, Эстония, Румыния, Бельгия, Вьетнам, Йемен и др.), а также две студентки остравской русистики, которые оказались среди сильных конкурентов, но всё равно одна из них завоевала 3 место.

В III Международной онлайн-олимпиаде СПбГУ по русскому языку как иностранному в 2022 г. среди более 5000 человек из 132 стран участвовали две студентки нашей русистики. В финальном туре олимпиады участники, проявившие себя на отборочном этапе, стали только 729 сильнейших из 84 стран со всего мира. А среди таких успешных участников были и две студентки отделения русистики Остравского университета (Д. Зосимова, изучающая «Русский язык для перевода» на 2 курсе магистратуры, заняла II место, и М. Белицова – студентка 3 курса бакалавриата по специальности «Русский язык и история» заняла III место). Обе студентки среди стольких участников финального тура достигли блестящего результата.

Студентка 2 курса магистерского обучения по специальности «Преподаватель русского и чешского языков для средней школы» – М. Матушкова два раза успешно участвовала в конкурсе начинающих переводчиков «Радуга-DUHA» Русского дома в Праге при поддержке Международного культурного института «Ключ». Участники конкурса переводили на чешский язык русский литературный текст современных российских писателей. В 2021 году М. Матушкова завоевала 2 место в категории участников от 20 до 25 лет, а в 2022 году стала победителем в своей возрастной категории.

Все приведённые призёры являются достойными представителями студентов отделения русистики Остравского университета, что очень радует всех преподавателей отделения русистики и мотивирует остальных студентов-русистов в их учёбе.

2.2 Встречи выпускников русской филологии

По случаю двух юбилеев существования Остравского университета (15-летия и 20-летия) были в 2006 и в 2011 году организованы встречи преподавателей с выпускниками кафедры и отделения русистики, в которых приняли участие выпускники бакалаврского и магистерского обучений по русской филологии, а также преподаватели, но тоже их коллеги, которые вышли уже на пенсию. На обеих встречах собралось всегда примерно 50 выпускников. Из-за пандемии коронавируса и санитарных ограничений встреча по случаю 30-летия существования Остравского университета в 2021 г. не состоялась. Но 2023 год и 30 лет реализации бакалаврской программы по русскому языку дают сильный импульс для организации очередной встречи выпускников с их преподавателями в стенах их университета.

3 Научно-исследовательская деятельность

С 1993 г. члены лингвистической секции кафедры стали заниматься исследованием лексики делового общения. В результате решения проекта «Компьютерный фонд русской коммерческой лексики» в 1999 г. были изданы «Чешско-русский и русско-чешский экономические словари» авторов М. Вавречки, Б. Рудинцовой и М. Грдлички. Словари, содержащие свыше 65 тыс. словосочетаний, стали первыми своего рода в Чехии после 1989 г. и получили всеобщее признание среди лингвистов и профессиональных переводчиков. С этого момента началась традиция составления разных словарей специальной лексики (менеджмента, маркетинга и др.) под редакцией доцента М. Вавречки.

В течение пяти лет с 1999 г. научно-исследовательская деятельность остравских русистов осуществлялась в рамках крупного проекта Минвуза «Иноязычная речевая коммуникация в сфере бизнеса (чешско-английско-немецко-русский проект)», исполнителем которого была доцент К. Лепилова. В рамках проекта, объединяющего 8 учёных по разным специальностям, в центре внимания были: вербальная коммуникация на иностранном языке, исследование коммуникативных барьеров, исследование связей вербальной и невербальной коммуникации в сфере бизнеса.

Для предпринимательской общественности в 1998 и в 1999 гг. кафедра организовала интенсивные курсы «Русский язык в деловом общении». Курс осуществился на базе Договора о совместной деятельности между филологическим факультетом МГУ и Философским факультетом ОУ, за-

ключённого по инициативе заведующей кафедрой доцента К. Лепиловой. Интенсивные курсы под руководством доцента Т. Козловой и доцента И. Михалкиной из ЦМО МГУ завершились успешно сданными экзаменами и участники получили «Сертификат Московского государственного университета и Американской торговой палаты с местопребыванием в России».

Сотрудники кафедры во главе с тогдашней заведующей кафедрой К. Лепиловой разрабатывали многочисленные инновационные проекты, направленные на трансформацию и улучшение, обновление образования учителей русского языка. Для преподавателей русского языка были организованы следующие курсы:

- Два цикла курсов для учителей русского языка (1995–1996) по проекту PHARE, который разработала К. Лепилова, при содействии сотрудников Методического центра в Острове.
- Три проекта «Фонда развития вузов», которые разработала К. Лепилова. В этих курсах принимали участие в качестве лекторов не только остравские русисты, но и видные представители чешской русистики других вузов.
- Проект «Трансформация образования в русистике (регион Северная Моравия)», 1997, в рамках которого проходил интенсивный курс «Открытый урок для учителей и переводчиков» в городе Брно для преподавателей чешских средних школ и гимназий. Курсы вели русские лекторы-специалисты из МГУ, а также преподаватели Института транслятологии Философского факультета Карлова университета в Праге и преподаватели кафедры русистики Остравского университета. Лекции были посвящены методике и практике обучения бизнес-коммуникации, а также устному и письменному переводам.
- Проект «Развитие послевузовского образования преподавателей русского языка (регион Северная Моравия)», 1998.
- Проект «Инновация вузовской и послевузовской подготовки преподавателей русского языка», 2000.
- Проект Минвуза на 2000–2003 гг. с названием «Повышение квалификации учителей русского языка» – гарант К. Лепилова. Семинары проходили в сотрудничестве с преподавателями ЭКО-гимназии в городе Брно и с преподавателями Технического университета в Брно.

Осенью 2002 г. в рамках этого гранта проходил интенсивный курс делового языка под руководством Т. Козловой, из МГУ.

- Проект PHARE Остравского университета «Система прижизненного образования в Моравско-Силезийском регионе», руководитель К. Лепилова, 2003.
- Б. Рудинцова, разработала проект «Фонда развития вузов» с названием «Инновация вузовской и послевузовской подготовки учителей русского языка (Острава – Брно)», 2006.

С исследованием лингвистической терминологии в русском и чешском языках был связан грант Минобразования, которым руководила З. Недомова, – «Корпусы русской и чешской терминологии (подготовительный этап для издания переводных словарей)» в 2017–2018 в рамках которого сотрудничали преподаватели отделения русистики со студентами и аспирантами.

С целью повышения квалификации учителей были организованы и многие лекции в рамках методических семинаров, которые были организованы филиалом Чешской ассоциации русистов при кафедре русистики Философского факультета ОУ.

3.1 Научные издания членов кафедры русистики / отделения русистики кафедры славистики (1990–2022)

Результаты научно-исследовательской деятельности сотрудников кафедры публикуются в монографиях, научных журналах и сборниках выступлений на научных конференциях в Чехии и за рубежом. Научно-исследовательская работа членов отделения русистики, включая библиографию работ, очень богата. В этом смысле отделение русистики относится к лучшим кафедрам на Философском факультете Остравского университета.

Сводные таблицы показывают результаты научной работы всех русистов кафедры русистики / отделения русистики кафедры славистики за 32 года её существования. В обзорные таблицы собраны данные не только по лингвистической секции, а также по русской литературе, переводоведению и др. – все научные издания, опубликованные преподавателями-русистами.

Таблица № 1: Количественная представленность видов научных изданий

	сумма	за рубежом
статья в научном журнале	206	23
статья в сборнике	166	39
глава в коллективной монографии	119	35
монография	24	1
словарь	21	
	536	

Таблица № 2: Количественная представленность и тематика учебных пособий

учебные пособия	78
лингвистика	30
русская культура и литература	8
деловой русский	11
речевая коммуникация, речевой этикет	5
словари специальной лексики	15
чешский язык для русскоговорящих иностранцев	3
методика обучения РКИ	1
русский язык для иностранцев	2
устный перевод	2
славистика	1

Полный обзор научно-исследовательской работы членов кафедры русистики / отделения русистики кафедры славистики даётся в приложении настоящей монографии (см. раздел «Научно-исследовательская деятельность сотрудников кафедры русистики / отделения русистики кафедры славистики Философского факультета Остравского университета за 1990–2022 годы» на с. 271–317).

3.2 Конференции, проводимые отделением русистики

3.2.1 Международные конференции Area Slavica

Название Area Slavica носит, с одной стороны, цикл международных конференций, организованных кафедрой славистики Философского факультета Остравского университета, с другой стороны, ряд коллективных работ, возникших по итогам конференций. Как конференции, так и монографии направлены с тематической точки зрения на ареал славянских языков, поэтому и название Area Slavica не выбрано случайно. Имеется ввиду

пространство, которое необходимо воспринимать как в смысле геоморфологическом, так и социально-политическом. Это ареал, в котором славянские языки формировались, подвергались кодификации, влияли друг на друга, стали средством реальной коммуникации. Пространство, ограниченное границами государств и регионов, но и системами языков, формами национального языка и функциональными стилями. Пространство традиционное и модифицированное, в котором смешиваются явления постоянные и универсальные со специфическими, модными и временными.

Частные исследовательские вопросы решаются как и с точки зрения национальных лингвистик, так и разнообразными научными подходами славянской лингвистической компаративистики. Они включают в себя более широкий фон развития и функционирования отдельных славянских языков, учитывающий знания этно-, социо- или психолингвистики.

Каждая конференция сосредотачивается на конкретную тему, с чем и связаны опубликованные статьи. Конференции проходили в 2015, 2017, 2019 и 2022 гг. По итогам конференций были опубликованы коллективные монографии с тем же названием, а именно в 2017 г., в 2018 г. (с подзаголовком *Славянские языки в свете термина*), в 2020 г. (с подзаголовком *Языки на границе – границы в языке*).

3.2.2 Международные конференции «Паремии народов славянских»

Кафедра славистики организовала каждые два года международную паремиологическую конференцию «Паремии народов славянских», мысль об организации которой выдвинула доцент Е. Мргачова, к.ф.н., в 2002 г. в честь памяти и 150-летия со смерти Франтишека Ладислава Челаковского – чешского поэта, писателя, критика, переводчика, филолога, журналиста, этнографа и деятеля чешского национального возрождения, слависта, педагога, а также в честь издания его сборника славянских пословиц и поговорок *Mudrosloví národa slovanského v příslovích*. В конференции регулярно принимали участие паремиологи отечественных и зарубежных университетов, рабочими языками конференции являлись все славянские языки. Сборники материалов девяти конференций с портретом Ф.Л. Челаковского на обложке известны во всём славистском мире.

3.2.3 Международные студенческие научные конференции *Slavica iuvenum*

С самого начала существования Философского факультета Остравского университета до настоящего времени остравские русисты организуют студенческие научные конференции. Начиная с 1996 г. студенческие научные конференции проходили в конце марта – начале апреля в честь даты рождения «Учителя народов» – Яна Амоса Коменского. Конференции проходили в двух секциях – литературоведческой и лингвистической.

С 1998 г. по 2005 гг. кафедра русистики (позже отделение русистики) организовала Международные студенческие научные конференции под общим названием «*Rossica iuvenum* – Наступающее молодое поколение в русистике». В конференциях принимали участие кроме остравских студентов и студенты из других университетов: Опольского университета (Польша), Университета им. Коменского в Братиславе (Словакия) и др. С 2001 г. регулярными участниками стали студенты-стажёры НГГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия), а также студенты Университета им. Константина Философа в городе Нитра (Словакия), студенты кафедры русистики и Института транслятологии Карлова университета. Доклады, с которыми студенты выступали на конференциях, были опубликованы в сборниках конференций «*Rossica iuvenum* – Наступающее молодое поколение в русистике».

С 2006 года международная студенческая конференция превратилась из русистской в конференцию славянских языков, организованную обеими отделениями кафедры славистики (русистами и полонистами) под названием *Slavica iuvenum*. Конференция предназначена для молодых лингвистов, литературоведов и переводчиков, главным образом аспирантов. Выступления на конференции публиковались в виде рецензированного сборника выбранных научных докладов (до 2022 г.), в настоящее время публикуются в итоговой коллективной монографии с разделами, посвящёнными лингвистике, литературоведению и переводоведению. Коллективные монографии издаются как в печатной форме, так и в электронной форме Open Access с идентификатором цифрового объекта DOI.

Рост популярности конференции молодых славистов *Slavica iuvenum* можно документировать статистическими данными, сравнивая количество участников первой конференции *Rossica Iuvenum* в 1998 г. (с 8 участниками – студентами кафедры русистики), а в 2022 г., когда в конференции приняли участие 55 студентов и аспирантов из четырёх чешских универси-

тетов (Острава, Брно, Прага, Оломоуц), пяти словацких (Братислава, Кошице, Нитра, Прешов, Трнава), трёх польских (Гданьск, Катовице, Ополе), по одному из России (Москва) и Эстонии (Таллинн).

4 Международное сотрудничество

Отделение русистики поддерживает десятилетия богатые отношения с заграничными вузами. В России речь идёт о Филологическом факультете СПбГУ, Центре международного обучения МГУ им. М.В. Ломоносова, Институте филологии и журналистики НГГУ им. Н.И. Лобачевского, МГОУ. С этими российскими университетами происходил обмен студентами и преподавателями. В 2020 году был подписан договор с БФУ им. Иммануила Канта в Калининграде.

С 2007 г. отделение русистики, как и весь Оставский университет, включено в международную программу стран Евросоюза по обмену студентами и преподавателями «Эразмус» и позже в программу «Эразмус+», предоставляющую рамки для сотрудничества между университетами. Оставские русисты активно сотрудничают с одиннадцатью университетами в Польше, с пятью университетами в Словакии, с тремя в Болгарии, с одним университетом в Словении и по одному университету в странах Балтии (Латвия и Эстония).

В отделении русистики за 16 лет существования программы «Эразмус» в Оставском цниверситете уже накоплен довольно богатый опыт по мобильностям студентов и преподавателей.

Университеты-партнёры по программе «Эразмус+»

Польша

Akademia Techniczno-Humanistyczna w Bielsku-Białej

Uniwersytet Gdański

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Uniwersytet Jagielloński

Uniwersytet Łódzki

Uniwersytet Opolski

Uniwersytet Rzeszowski

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

Uniwersytet Warszawski

Uniwersytet Wrocławski

Словакия

Prešovská univerzita v Prešove

Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici

Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach

Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave

Болгария

Великотърновски университет "Св. св. Кирил и Методий"

Нов български университет

Пловдивски университет "Паисий Хилендарски"

Словения

Univerza v Ljubljani

Латвия

Latvijas Universitāte

Эстония

Tallinna Ülikool

5 Международные конференции *Rossica Ostraviensia. Lingua rossica in sphaera mercaturae*

С 1993 г., когда на Философском факультете Остравского университета в Остраве было впервые открыто трёхлетнее бакалаврское обучение по специальности «Русский язык в сфере бизнеса и туризма», ежегодно состоялись международные научные конференции, посвящённые проблематике изучения и обучения бизнес-языку. В 1993–1998 гг. конференции проходили под названием «Русский язык в сфере бизнеса (обучение бакалавров)». В них участвовали специалисты из Австрии, Азербайджана, Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Германии, Казахстана, Польши, России,

Словакии, Украины и Финляндии. Конференции проходили сначала под эгидой Чешской ассоциации русистов, с 1994 г. под эгидой МАПРЯЛ.

Доклады, прочитанные на этих конференциях, были опубликованы в шести сборниках докладов, изданных под названием *Rossica Ostraviensia. Lingua rossica in sphaera mercaturae* (1993–1998), а с 1999 г. в соответствии с решением гранта Минвуза эти сборники издавались (1999–2004) под названием *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica, Britannica, Germanica, Rossica Ostraviensia*. Сборники двух последних конференций (2005 и 2007 гг.) несли другое название. В 2005 г. конференция называлась *Lingua et communicatio in sphaera culturae* и была посвящена памяти профессора доктора Р. Зимека, д.ф.н., стоящего у истоков исследования русского делового языка остравскими русистами и работающего в Остравском университете до своей смерти в 2000 году. Последняя конференция осуществилась в 2007 г. под названием *Lingua et communicatio ...* и была связана с Годом русского языка и со 40-летием МАПРЯЛ при участии учёных из четырёх стран (Словакия, Польша, Россия, Эстония), а также русистов из чешских университетов.

За 15 лет в общем осуществилось 14 конференций, было издано 14 сборников, в которых были опубликованы 364 доклада. Считаем полезным вернуться к ним и напомнить темы и мысли, которые были тогда опубликованы и дать им оценку с точки зрения ретроспективы и сквозь призму лингвистики XXI века.

Вполне обоснованно, что благодаря новизне и актуальности аккредитованной трёхлетней бакалаврской программы по специальности «Русский язык в сфере бизнеса и туризма», на первой конференции под названием «Русский язык в сфере бизнеса (обучение бакалавров)», проходившей в 1993 г., количественно преобладали доклады, в которых обсуждалось само определение лингвистического статуса так называемого «русского языка в сфере коммерции и бизнеса», представлялась концепция новой междисциплинарной области обучения и предлагались соответствующие ей образовательные методы. Указанные вопросы были рассмотрены почти в половине из 23-х докладов, прочитанных на конференции. Подробно определением «русского языка для коммерсантов» занимался Й. Скацел. Актуальные проблемы, связанные с содержанием и целями обучения русскому языку при подготовке специалистов в сфере бизнеса в чешских вузах проанализировали А. Бранднер, М. Балцар и М. Анфилов. Характер обучения русскому деловому языку в университетах в Польше рассмо-

трела в своём докладе Ф. Витковска-Левицка и о некоторых новых методах, применяемых в обучении русскому деловому языку в России, информировали Т. Козлова и Л.И. Байкова и А.Л. Факторович.

На следующих двух конференциях (в 1994 г. и в 1995 г.) проблематика обучения русскому языку преимущественно касалась новой лексики, используемой для вербальной коммуникации в предпринимательской сфере в новых изменяющихся условиях рыночной экономики. Вопросами создания чешско-русских и русско-чешских словарей для нужд предпринимателей и анализом актуальной русской коммерческой терминологии в своих выступлениях занимались М. Вавречка, А. Бранднер, Й. Коростенски, М. Рыковска и Б. Конопелько. На обеих конференциях были представлены статьи, в которых авторы делились опытом подготовки первых учебников и других методических материалов к отдельным семинарам для вышеупомянутого направления по трёхлетней программе бакалавриата, напр. Л. Дидковская, Г. Миронова, М. Балцар и Ф. Витковска-Левицка. Проблемы, которые могут возникнуть на основе национально-культурных специфик вербальной и невербальной коммуникации русских и нерусских, занимался Р. Зимек. Новые наименования в виде аббревиатур, которые стали массово появляться в российской коммерческой прессе, проанализировала Б. Рудинцова, специфике русской деловой переписки уделял внимание М. Балцар и языком бизнеса в связи с вопросами фразеологии занималась Л. Степанова. Интересным и во многом плодотворным было выступление И.В. Михалкиной и Л.П. Клобуковой на конференции 1995 года, в котором была представлена новая международная образовательная программа: «Русский язык в деловом общении».

Количество активных участников конференций и разнообразность тем, публикуемых докладов заметно увеличились в 1996 и 1997 гг. Некоторые из участников рассматривали лингводидактические темы, продолжали работу по вопросам, затронутым на предыдущих конференциях, анализировали актуальные процессы в русской лексике, напр. М. Вавречка, Й. Газда, Р. Зимек и Л.А. Нестерская. Опыт работы с новыми методическими материалами и словарями поделились Б. Конопелько, Ф. Витковска-Левицка, Л.А. Антипенко, С.Н. Белухина, и Н.В. Молочко. В общем можно сказать, что акцент был сделан на необходимость комплексного подхода в обучении русскому языку для делового общения (О. Варданян, Н.В. Лаврова).

После завершения трёх лет обучения по программе бакалавриата по направлению русский деловой язык («Русский язык в сфере бизнеса») в университетах Чехии и других стран была рассмотрена возможность проверки знаний, полученных студентами. Инициатива исходила от государственного института РЯ им. А.С. Пушкина в Москве, который на протяжении долгого времени занимается проверкой знаний в области русского языка. Сотрудниками института была разработана система тестирования уровней владения русским языком как иностранным (3 уровня владения русским деловым языком (B1–C1). В 1996 г. Л.П. Клобукова и И.В. Михалкина подробно рассмотрели систему стандартизации и сертификации уровней владения русским языком в сфере делового общения. В конференции, проходившей в этом же году, принимала участие М.М. Калиновская, главный организатор экзамена в Русском центре в Праге, которая проинформировала присутствующих о возможности сдачи экзамена «Бизнес и коммерция. Русский язык делового общения. Средний уровень» в Чехии. На конференции была также представлена новая тема методики работы на курсах для иностранцев с нулевым знанием русского языка (Т. Козлова). Остальные доклады были ориентированы на лингвистику. Авторы занимались новыми тенденциями русской лексики в коммерческой сфере, анализировали приток интернационализмов (Й. Газда), сленговых и профессиональных выражений (О.А. Покровская), исследовали изменения в языке средств массовой информации (Л.А. Нестерская).

Шестая по счету остравская конференция 1998-го года частично изменила концепцию предшествующих конференций. Главным её направлением была область предпринимательства в туристической сфере (*Lingua Rossica in sphaera mercaturae* / Русский язык в сфере турбизнеса). Большинство докладов было посвящено специфике обучения русскому языку экскурсоводов и переводчиков из области туризма и разностороннему анализу языковых средств в рекламных текстах с тематикой турбизнеса.

В течение следующих пяти лет (1999–2004), когда остравские конференции проходили уже под изменённым названием *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica, Britannica, Germanica, Rossica Ostraviensia*, была предстала разнообразная тематика в рамках обучения русскому языку бизнес-сферы, большое количество статей касалось лингводидактики, социолингвистики, культурологии и анализа актуальных языковых явлений, характерных для текстов экономического содержания в широком смысле, например, процессов заимствования (В. Козакова), интернационализации русской коммерческой лексики (А. Бран-

днер) и языка рекламы (З. Недомова, Б. Рудинцова, Л. Мровецова). Преобладающей темой докладов в 2001–2004 годах была сфера коммуникации. Были проанализированы особенности вербальной и невербальной коммуникации в бизнес-среде, коммуникативные барьеры в русско-чешском общении, интерференции в обучении русскому языку чешских студентов (М. Вавречка, З. Недомова, Б. Рудинцова, Ф. Витковска-Левицка – Б. Дерень) и этикет на различных этапах деловых переговоров.

На последних двух конференциях (в 2005, 2007 гг.) наибольшее внимание было уделено межкультурному общению с российскими деловыми партнёрами, современным тенденциям в лексике русского языка для делового общения (приток англицизмов, новых терминов и эмоционально окрашенных терминов) и применению новых технологий в обучении русскому деловому языку (созданию электронных учебников бизнес-языка и возможностям использования Интернета в процессе обучения).

Если вернуться к первым шести сборникам научных статей, изданным под названием *Rossica Ostraviensia. Lingua rossica in sphaera mercaturae* (1993–1998), и уделить внимание исключительно лингвистическим дисциплинам, следует отметить, что среди рассматриваемых тем встречаются как темы, связанные с проблематикой морфологии и синтаксиса, так и темы, касающиеся области лексикологии.

В плане морфологии уделялось главное внимание выражению количественных отношений, глагольной полисемии или проблематике причастий, встречающихся в роли терминов. Область синтаксиса была представлена темами усваивания пассивных конструкций, выражением приближенности в коммуникативно-речевых ситуациях, вопросами о предположно-падежных конструкциях или конструкциях с первичными предложениями. Следует отметить, что подавляющее большинство тем рассматривалось на примере текстов коммерческого характера. Среди авторов упомянутых выше статей можно назвать таких лингвистов-русистов, как С. Жажа, Р. Зимек, А. Бранднер, Б. Рудинцова или Й. Кеснер.

Область лексикологии представлена, прежде всего, постановлением новых задач сопоставительного изучения чешского и русского языков (данной тематике уделял внимание, например, С. Жажа), дальше исследовались темы так называемого «нового» в русской лексике 90-х гг. XX в. С этой точки зрения рассматривалась тематика, которая была посвящена неологизмам, актуальным словообразовательным процессам, англицизмам и англоамериканизмам того времени. Помимо этого, центром внимания

выступающих стали самые разнообразные номинационные процессы в русском языке эпохи начала рыночной экономики. Авторами статей по таким вопросам были, к примеру, Р. Зимек, Й. Коростенски, М. Рыковска, Й. Газда, Й. Стиессова и др.

Отдельной темой изучения докладчиков стали также актуальные вопросы области лексикографии и словарного дела, заключением которой стало издание «Русско-чешского и чешско-русского экономического словаря» от 1999 г. авторского коллектива М. Вавречка – Б. Рудинцова – М. Грдличка.

Если обратить внимание на сборники докладов, изданные под названием *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica, Britannica, Germanica, Rossica Ostraviensia* (1999–2004), тоже необходимо подчеркнуть ряд тем из области морфологии, синтаксиса и лексикологии. Морфологическо-синтаксическая проблематика была представлена вопросами о предикативности и грамматической категории времени, обсуждалась роль частей речи в текстах коммерческого характера, рассматривались разного вида коммуникативные барьеры синтаксического уровня, были исследованы сложные слова аналитическо-адъективного типа в связи с процессами универбации и законами языковой экономии. К числу докладчиков по данным темам следует отнести таких лингвистов-русистов, как В. Ленделова, Л. Мрвещова, Й. Стиессова, А. Харчарек или М. Чирикова.

В области лексикологии рассматривался целый ряд частных тем, которые были связаны с актуальным прогрессом лексического состава русского языка конца XX – начала XXI вв. К числу такого рода тем можно отнести вопрос о роли разговорной речи и её влиянии на русский литературный язык, важной темой стал также сам процесс заимствования, а именно вопрос о лексико-семантической интеграции англицизмов и американизмов, часто обсуждались частные проблемы перевода заимствованных лексических единиц с английского языка на русский. На передний план постепенно поднялся язык рекламы, авторы докладов стали исследовать коммерческие термины, интернациональную терминологию в речевой коммуникации и в области турбизнеса, интернациональную лексику в общем смысле слова. Авторами научных статей по данным вопросам были, к примеру, З. Гадушова, С. Жажа, Н. Клименко, В. Козакова, Е. Мала, З. Недомова и др.

Подытоживая богатое тематическое многообразие международных конференций *Rossica Ostraviensia. Lingua rossica in sphaera mercaturae /*

Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica, Britannica, Germanica, Rossica Ostraviensia (1993–2007), можно констатировать, что исследуемые докладчиками темы отражали как актуальное состояние языка того времени, так и его развитие и динамику в эпоху значительных общественных, экономических и культурных изменений конца XX – начала XXI вв.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА¹

Елена МАРИНОВА, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород
ID <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>

1 Преамбула

Цифровое общество (ЦО) как новая модель функционирования социальных институтов и институций – посредством компьютерных технологий и Интернета – представляет собой одно из достижений (последствий) цифровой революции, или, по выражению Ю. Стракович, «цифролюции». Формирование ЦО связано с таким хорошо наблюдаемым всеми процессом, как цифровизация (по-другому *переход на цифру*). У этого процесса, в свою очередь, есть чисто технический аспект – оцифровка данных, перевод всей документации в цифровой формат, перевод части функционала, ранее выполняемого специалистами, в ведение алгоритмов, искусственного интеллекта и т.п. В то же время цифровизация обозначает не только определённую технологию, но и концепцию, идею, отражающую видение государственными органами и крупными коммерческими компаниями ближайших и дальнейших перспектив развития общества.

С этой точки зрения интерес представляет лингвистическая сторона данного вопроса. В настоящее время активно формируется лексика, обслуживающая идеологию ЦО. В нашем исследовании её статус мы с некоторой долей условности определили как терминологию, хотя, возможно, предложенные когда-то В.М. Лейчиком термин и понятие *язык для специальных целей* также могли бы быть использованы в качестве рабочей версии. Дело в том, что специфика этой формирующейся на наших глазах лексики состоит в её неоднородности: часть её – действительно термины и даже техницизмы (*цифровая связь, электронный след, алгоритмы* и т.п.),

---

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

а часть – так называемая общественно-политическая лексика, доступная для понимания большинству неравнодушных к жизни государства граждан (*онлайн-голосование, киберпреступность, цифровая грамотность* и др.).

Следует также учесть лексемы повседневного, нередко бытового использования (*портал, голосовой помощник, цифровой пропуск, бот, куар-код, удалёнка* и др.), причём многие номинации проходят относительно быстрый путь от специального слова к общеупотребительному (*аккаунт, браузер, ИТ/ИТ* и др.), что служит ещё одной иллюстрацией негомогенного состава языка ЦО. Цель исследования – выявить особенности его формирования. Материалом для наблюдений и анализа послужили письменные тексты, извлечённые путём специальных поисковых запросов (напр., на слова *цифровой, цифровизация* и т.д.) из электронного медиа-банка «Интегрум» (сервис «Архив СМИ»²). Всего в нашей коллекции около 200 слов и составных наименований, относящихся, на наш взгляд, к концепции ЦО³. В главе мы сосредоточим внимание на отдельных ключевых словах.

2 Ключевые слова в языке ЦО

2.1 Одним из таких слов является прилагательное *цифровой*. Именно оно задаёт границу, или, точнее сказать, точку отсчёта, для новой технологической эпохи, сменившей **аналоговую** обработку данных при передаче информации на **цифровую**. *Цифровой* в этом отношении – семантический неологизм последних десятилетий, представляющий собой кальку английского digital⁴ (ср. digital technology) и выражающий отношение к особому, дискретному способу передачи информации, закодированной числовым образом (в отличие от аналогового способа). Новое значение слова *цифровой* зафиксировано пока только в словаре актуальной лексики XXI века: «переводящий информацию в двоичный код с помощью электронных сис-

---

² Единая полная база СМИ России с возможностью объектного и контекстного поиска. Архив ведётся с 1996 года. Для поиска доступны более 120 000 изданий (<https://search.integrum.ru>).

³ О самом понятии см. в (Selwyn 2019).

⁴ *Диджитал* и *дигитальный* как прямые заимствования, восходящие к тому же прототипу – англ. digital – и адаптированные на русской почве путём транскрипции и транслитерации, встречаются реже, как и вариант в оригинальной графике. Уступает по степени распространённости слову *цифровизация* его синоним *дигитализация* (от англ. digitalization).

тем; предназначенный для обработки, хранения, передачи и т.п. такой информации» (АЛ). В словарях «общего пользования», т.е. толковых, по-прежнему даются лишь те значения, которые сформировались у прилагательного до революционных перемен в технологии, а именно: «1. к Цифра (1 зн.) (...). 2. Обозначенный в цифрах, выраженный в цифрах. (...) Ц-ые показатели урожая» (БТС).

Однако, наряду со значениями, зафиксированными в указанных выше источниках, у слова *цифровой* можно отметить ещё несколько значений. В одном из них слово синонимично целому ряду атрибутивных единиц, активно используемых в настоящее время для номинации виртуальных аналогов различных объектов и явлений реального, физического мира. Это слова *виртуальный, электронный, сетевой, онлайн-, интернет-, кибер-*, имеющие общую семантику ‘реализуемый, осуществляемый, существующий в интернете’; ср. *цифровые медиа* (= *интернет-медиа*), *цифровые деньги* (= *виртуальные*), *цифровой мир* (= *кибермир*) и др.

В ряде устойчивых в узусе номинаций со словом *цифровой* оно реализует значение, близкое к значению причастия *оцифрованный* (*цифровая подпись* <*рукопись, документ, статья, сведения*>). В сочетании со словами общественно-политической лексики с абстрактной по характеру семантикой *цифровой* выступает в значении ‘связанный с использованием ИТ, компьютерной технологии; имеющий к ней отношение’. См.: *цифровая изоляция* <*неравенство, социализация, будущее, суверенитет, безопасность*>. В сочетаниях типа *цифровая экономика* <*общество, образование, медицина*> прилагательное используется в значении ‘опирающийся на цифровые технологии, основанный на них’.

Итак, слово предстаёт не только как ключевой **терминоэлемент** в сфере ИТ (см. *цифровая связь, цифровая передача данных, цифровой канал связи, сигнал* и под.), но и как символ новой эпохи и новых общественных отношений, своеобразная **идеологема**⁵.

2.2 Это замечание (далее оно будет дополнено наблюдениями за особенностями сочетаемости прилагательного) справедливо и по отношению к другим ключевым словам в языке ЦО.

Так, слово *цифра* в контексте ИТ используется как техницизм (о цифровом формате, способе записи – см.: *переводить негативы в цифру, сни-*

⁵ Лексическая единица, в семантике которой присутствует компонент, связанный с определённой системой взглядов, идей и под. (Чапаева 2010, с. 10).

мать кино и монтировать в цифре; а также о самом цифровом устройстве – *пользоваться цифрой, снимать на цифру*, т.е. на цифровую видеокамеру (НСЗ)) и как наименование с более широкой семантикой – о цифровых технологиях, цифровизации как о глобальной политической, если не сказать онтологической, тенденции – напр.: (...) *зачем и как нам (христианам) следует бороться с нынешними попытками навязать обществу жизнь «по цифре»* (В.Ю. Катасонов. В начале было Слово, а в конце будет Цифра. 2019); *Каждый житель России стал чувствовать себя сопричастным к цифре* (...) (Герман Клименко – о победе цифры (...) Экономика (komersweb.ru). 01.03.2022); *При всем моем понимании неотвратимости процесса победы цифры и искусственного интеллекта над человеком, я опасюсь того, что может исчезнуть самое главное – «человек»* (Участники Creative Global Talks обсудят цифровую трансформацию авторского потенциала. ЕАКОП (easop.org). 08.12.2020) и под.

В материалах СМИ нередко с помощью слова *цифра* подчёркивается оппозиция настоящей и прошлой жизни, смена технологии с аналоговой на цифровую, с «бумажной» и даже «пластиковой» на цифровую и под. Напр.: *Победа цифры над плёнкой* (Герман Клименко (...) Экономика (komersweb.ru). 01.03.2022); *Вместо пластика цифра: как экономить на цифровой банковской карте?* (заголовок; Bankiros.ru. 14.06.2021); *Однако говорить о полной и окончательной победе цифры над аналоговой действительностью еще рано* (...) (Цифровая экономика и главные тренды ее развития. Mining-Bitcoin (mining-bitcoin.ru). 22.09.2021).

Для такого рода дискурса сформировался свой набор антонимов (*цифра – плёнка, цифра – пластик, цифра – аналог*), задающих оппозицию двух технологических парадигм, причём каждое из этих существительных представляет собой вторичную номинацию, созданную на основе метонимической компрессии: *цифра < цифровые технологии; плёнка < плёночная технология; пластик < пластиковая карта; аналог < аналоговые технологии*. Вот несколько иллюстраций к последней паре: *Прошлый год стал годом победы цифры над аналогом* (Megagroup.ru попала в топ-5 веб-студий по России в 2020 году. Megagroup.ru. 15.03.2021); *Норма (нашей жизни – Е. М.) сокрушительная победа цифры над аналогом, признание кучки пикселей на экране равными живому теплому собеседнику, друзьям, человечеству* (Выгнать козла. Знамя. 15.12.2020). Выстраивание в речи оппозиции по принципу «старое – новое» характерно, как отмечают исследователи, для идеологического дискурса (Чапаева 2010, с. 10).

2.3 Подобным образом реализуется семантика и у слова *цифровизация*: наряду со значением ‘оцифровка; перевод в цифровой формат, в компьютерную форму, электронную версию’ (НСЗ), слово обозначает саму магистральную для XXI века технологию в целом, сопровождающуюся неуклонным и уже необратимым переводом всех общественных практик на новые рельсы – IT⁶. Отсюда такие, напр., обороты, ставшие газетными штампами, как *всеобщая цифровизация России, полная цифровизация всей страны* и под. (с аллюзией на политические лозунги столетней давности: *Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны*. В.И. Ленин).

3 Комбинаторная экспансия слова *цифровой*

3.1 Отнюдь не случайно в описании особенностей русского языка ЦО возникает аллюзия на иной период в развитии страны, оставшийся далеко в прошлом, – советский. Этот исторический период начался после социалистической революции 1917 года и ознаменовался коренным переустройством общества, что последовательно отражалось в языке. Нечто подобное происходит и сейчас; правда, революция произошла не социальная, а технологическая, и не в отдельно взятой стране, а глобально, в мире, однако последовавшие преобразования нашего бытия весьма значительны. Во всяком случае современные философы, теоретики сетевой культуры, писатели, напр. Алессандро Барикко, Славой Жижек, Герт Ловинк, Евгений Морозов, Юваль Ной Харари, Умберто Эко и многие другие, отмечают произошедшие метаморфозы как удвоение мира: наряду с когда-то единственной Действительностью №1 нас окружает Другая (параллельная) реальность – виртуальный мир.

Изменения в языке, связанные с наступлением новой эры – цифровой, вполне сопоставимы с изменениями, отражающими последствия социальных революций. К ним мы отнесли, опираясь на классическую в русском языкознании работу *Язык революционной эпохи* (Селищев 1928): обновление лексики и фразеологии, лексической семантики и сочетаемости слов; появление новой графики. Для нынешней «революционной» эпохи характерны, кроме того, беспрецедентная (за всю историю русского языка) смена лексических единиц (техницизм), протекающая «на глазах»

---

⁶ Кстати, в английском языке эти значения закреплены за разными лексемами: *digitization* техн. ‘оцифровка’ и *digitalization* ‘цифровизация’ (Brennen, Kreiss 2014).

языкового коллектива (*дискета – флешка – облако*); зависимость повседневного лексикона от развития техники и технологий и, как следствие, прекарность номинаций, их временный и нестабильный характер; детерминизация как активный процесс освоения специальных обозначений постоянно вводимых в обиход технологических новшеств и др. (Маринова 2022, с. 236).

Уместно вспомнить, что социальные революции сопровождаются радикальной сменой старого новым, в том числе сменой **старой идеологии новой**. В отношении технологической революции можно говорить если не о смене, то о зарождении и формировании новых идеологических систем, трансформирующих представление людей о таких вещах, как примат объективной действительности, ценность приватности («культ уединения», по выражению У. Эко), вспомогательная функция машин в жизни человека, уникальность человеческой природы и др. На наших глазах формируется идеологическая лексика, отражающая порой полярные отношение и оценку цифровой эпохи. Заметное место в этой лексике занимают и составные наименования с прилагательным *цифровой*, которое, обладая широким спектром значений, в медиаречи становится маркером новой идеологии и далеко не всегда обозначением специального понятия.

3.2 Нельзя не обратить внимания на чрезвычайно широкую и разнообразную в тематическом отношении сочетаемость слова *цифровой*; она, по нашим наблюдениям, сопоставима разве что с сочетаемостью идеологеми *советский*. Как в недалёком социалистическом прошлом определение *советский* сопутствовало, казалось, неограниченному числу существительных, являясь чем-то вроде знака качества обозначаемого референта, так и лексема *цифровой* сопровождает сейчас множество самых разных номинаций, не ограничиваясь номинациями в технической сфере. Анализ синтагматических возможностей этого прилагательного показывает, что в настоящее время *цифровой* может выступать в качестве определения к существительным не только самых разных тематических групп (ТГ), но и разных лексико-грамматических разрядов (напр., в сочетании с одушевлёнными существительными – *цифровой куратор*, именами собственными – *цифровая Россия* и др.).

Комбинаторная экспансия этого слова – всё сейчас может стать *цифровым* – свидетельствует как минимум о двух важных моментах: в экстралингвистическом плане такая экспансия изоморфна происходящим в обществе процессам, связанным с переходом на «цифру»; в собственно

лингвистическом – является показателем семантических трансформаций исходного техницизма. Кроме того, на этом участке русского языка мы наблюдаем регулярный лингвокогнитивный процесс **переноса** названий из «традиционного», доцифрового мира в виртуальный для обозначения цифровых аналогов объектов и реалий – процесс, который в целом характерен для формирования лексики «удвоения мира» (Там же). Ср., напр.: *цифровые деньги, цифровое похищение, цифровой паспорт, цифровая педагогика* и под.

3.3 Не претендуя на окончательный характер приведённых ниже данных, покажем, к каким ТГ русской лексики относятся базовые существительные, определяемые словом *цифровой* в словосочетаниях разной степени устойчивости и разного происхождения (астериск * обозначает, что составной термин с этим словом представляет собой кальку английского⁷):

«Социальные отношения, общество» – *изоляция**, *личность*, *молодёжь*, *неравенство**, *общество**, *поколение**, *развитие**, *революция**, *сообщества*, *социализация* и др.;

«Финансы, финансовая деятельность» – *активы**, *валюта**, *деньги*, *дивиденды*, *компания*, *рубль*, *экономика** и др.;

«Государственные и общественные институты» – *безопасность**, *государство**, *дипломатия**, *здравоохранение*, *медиа**, *медицина**, *правительство**, *управление* и др.;

«Правовая сфера» – *идентичность**, *подпись**, *похищение*, *право*, *правосудие*, *суверенитет*, *этика** и др.;

«Культура, искусство» – *искусство**, *культура**, *музыка* и др.;

«Педагогика» – *знания*, *навыки**, *образование**, *педагогика* и др.;

«Онтология, бытие» – *бессмертие**, *будущее*, *жизнь*, *мир*, *пространство**, *реальность*, *смерть*, *человек* и др.

---

⁷ Безусловно, наличие английского соответствия у русского термина ещё не показатель калькирования, т.к. процесс номинирования объектов может происходить в языках параллельно, независимо друг от друга. Квалифицируя английский оборот как прототип для русской кальки, мы исходили прежде всего из степени регулярности его использования в англоязычных СМИ в качестве термина.

4 Дериваты от ключевых слова ЦО и их идеологический потенциал

4.1 «Словообразовательный словарь русского языка» даёт такую словообразовательную пару (не гнездо): *цифра* → *цифровой* (Тихонов 2003). На самом деле, в русской речи доцифровой эпохи использовались ещё диминутив *циферка*, шутивное *цифирь* ‘цифра’ (устар.), а в профессиональных сферах глагол *цифровать*: ‘размечать цифрами ноты’ – у музыкантов, отсюда *цифрованные ноты*, ‘размечать страницы’ – в печатном деле, отсюда *цифрация*, *цифровка* (БАС).

Современное словообразовательное гнездо, безусловно, выглядит иначе. Во-первых, вершиной гнезда мы склонны считать прилагательное *цифровой*. Именно оно в своём значении ‘дигитальный’ стало производящей базой для **семантического неологизма** *цифра*. Во-вторых, гнездо заметно пополнилось новыми лексемами: от самого прилагательного образовались *цифровизация*, *антицифровой*, *доцифровой*. От глагола *цифровать*, который, кстати, тоже мотивируется сейчас скорее прилагательным, чем словом *цифра*, образованы *цифроваться*, *оцифровать(ся)* / *оцифровывать(ся)*, *процифроваться*. В свою очередь от глагола *оцифровать* возникли *оцифровка* и *оцифровывание*. Своеобразным дериватом, больше похожим с точки зрения способа образования на окказионализм, но, тем не менее, являющимся официальным наименованием, можно считать слово *Минцифры* – о Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. В прессе встречаются также многочисленные сложные прилагательные-неологизмы, в которых слово *цифровой* или его основа представлены в качестве одного из компонентов, напр.: *цифро-вирусный*, *информационно-цифровой*, *цифро-аналоговый*, *цифрограмотный* и др.

Можно отметить активность ключевых слов ЦО в качестве производящей базы и для окказионального словотворчества, напр. В рекламе: *Цифренно ваш, SAMSUNG!*; в названии компании «*Цифрал*»; *цифролюция* и др.

4.2 Наряду с дериватами словообразовательного гнезда слова *цифровой*, в русской речи распространён и его усечённый вариант *цифро-*, выступающий в структуре номинаций в роли аналитического прилагательного (по другой терминологии, префиксоида). См.: *цифродетокс*, *цифроденьги*, *цифроактивы*, *цифробилеты* и под., а также «*Цифродом*», «*Цифробанк*» (названия компаний), «*ЦифроАрт*» (название выставки), «*Цифробонус*» (программа лояльности) и др.

Особый исследовательский интерес представляет функционирование в медийной речи пейоративных номинаций с *цифро-*, напр. *Цифрофашисты*, *цифросектанты*, *цифрофобия*, *цифрофрения*, *цифробесие*, *цифробесы*, *цифробезумие* и др. Компонент *цифро-* является здесь компактным обозначением процесса цифровизации; вторые же компоненты передают – резко оценочно – негативное отношение к этому процессу некоторой части общества, причём в создании номинации задействованы типичные для публицистического стиля и «протестного» дискурса модели с формантами *-бесие*, *-фобия*, *-френия*, *-безумие* (вспомним совсем недавние *вакцинобесие*, *маскобесие*, *коронафрения*, *пандемиофобия*, *ковидобезумие*).

4.3 Негативную общественную реакцию на реалии ЦО передают и другие новообразования: *эпоха цифрократии*; *цифрофизеющая эстетика*; *цифрофизеющие* – о компаниях, переходящих на «цифру»; *цифровизаторы*, *цифролоббисты* – об идеологах ЦО; ироничное *цифродуховные системы принятия решения*; уничижительное *цифровенькие (технологии)*; авторские слова с *цифро-* в следующем контексте – типичном примере «протестного» дискурса: *Почему я не боюсь победы «цифры», торжества так называемого «цифрового фашизма»? Представим, что «цифровой фашизм» идёт широким фронтом и, кажется, нравится почти всем. Цифровое образование, цифровая медицина, **цифро-книги**, **цифро-спектакли**, **цифро-концерты** (...)* (Акулы и волки. Redsovet.org. 17.01.2021).

Таким образом, словообразовательная деривация на базе ключевых слов ЦО оказывается чрезвычайно востребованной в развернувшемся на наших глазах идеологическом противостоянии сторонников цифровизации и её противников. В этих условиях формируется язык антицифрового сопротивления, или антицифрового протеста. Семантической доминантой для новообразований этого языка является сема ‘ограничение свобод’ (*цифрократия*, *цифровой фашизм*, *цифровой концлагерь*, *цифровые пленники*, *цифровое рабство*). Однако своё словесное оружие есть и у противоположного идеологического лагеря – сторонников ЦО: *цифровой аутизм*, *цифровые аутисты*, *цифровые дебилы* – так в неофициальном сетевом дискурсе оценивается отказ части общества принимать и использовать цифровые технологии.

5 Заключение

Итак, на основе предварительных наблюдений за формированием русского языка ЦО выявлены следующие особенности:

- неоднородный с точки зрения сфер употребления состав номинаций (термины, общественно-политическая лексика и фразеология, общеупотребительные лексические единицы, прошедшие детерминологию);
- доминирующая роль в процессе номинации реалий и понятий ЦО кальки английского *digital* – слова *цифровой*; его комбинаторная экспансия, следствием которой является пополнение его семантической структуры новыми значениями;
- активность калькирования составных номинаций со словом *digital* из английского языка (в духе глобализации);
- основной «сценарий» семантических изменений ключевых слов ЦО – «от техницизма (термина) к идеологеме»;
- идеологический компонент в семантике наблюдается у целого ряда неофициальных номинаций, окказиональных новообразований, созданных на базе ключевых слов ЦО и выражающих нередко отрицательную оценку явлениям, связанным с реализацией концепции ЦО, что свидетельствуют о её неоднозначности, а также сложности в осмыслении новых «вызовов», стоящих перед человечеством в условиях кардинальных технологических новаций.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ *АРТ* И *ИСКУССТВО* НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лукаш ПЛЕСНИК, Остравский университет, Острава
ID <https://orcid.org/0000-0002-2680-0837>

1 Введение

На современном этапе развития русского языка можно наблюдать процессы, касающиеся всех уровней его системного распределения. На всеобщий прогресс языка оказывают влияние как внутренние законы языка, так и в значительной степени социальные факторы различных языковых изменений. К числу такого рода изменений можно отнести явление вариантности, влияние актуальной языковой политики или конкретные активные процессы, происходящие в лексике, грамматике, графике, произношении или словообразовании.

Оценивая состояние языка, необходимо, по мнению Е.А. Земской, разграничивать три вида процессов: 1. в условиях функционирования языка; 2. в построении текста; 3. в системе языка. Относительно функционирования языка отметим, что вопрос касается прежде всего устной публичной речи, так как посредством новых коммуникационных каналов (интернет, телевидение, радио) значительно расширились её рамки. В области построения текста наблюдаем значительное перемещение лексических элементов из периферийных сфер языка в центр системы (жаргон, разговорные элементы, просторечие), характерной особенностью современного языка является также интертекстуальность, которая распространяется и на обычный повседневный язык, и на язык массовой коммуникации, и на тексты художественной литературы. Менее заметны изменения в системе языка, поскольку очевидно, что система языка меняется медленнее, чем условия функционирования языка или структура дискурса. К числу системных изменений в языке следует отнести рост аналитизма и черт агглютинативности в структуре производных слов (Земская 2014, с. 671–697).

Отмеченные выше процессы можно наблюдать также в текстах культурологического дискурса, теории и истории искусства, социологии и психологии искусства, искусствоведения. Прежде чем обратить внимание на семантический анализ и словообразовательные возможности лексических компонентов *арт* и *искусство*, стоит отметить, что «искусство представляет собой неотъемлемую часть общественного сознания, обеспечивающей его цельность, поисковую устремлённость в будущее; содействуя изменениям в социальном укладе жизни, обеспечивая преемственность культуры. Происходящие в мире события остаются в памяти народа и находят своё выражение в разных видах и жанрах искусства: музыке, литературе, танцах, архитектуре, изобразительном искусстве и т.д.» (Банькова 2011, с. 34; Абдуллаева 2019, с. 81).

Если затронуть область искусства с лингвистической точки зрения, нередко встречаемся с терминами, содержащими в своей структуре полифункциональные компоненты *арт*- и *искусство*-. Формируется разряд новых аналитических, грамматических, полифункциональных, именных лексем, способных в зависимости от контекста функционировать то как существительное, то как аналитический определитель. Оба лексических компонента имеют своё место в лексиконе современного русского языка, их частота сравнительно высока, поэтому, по нашему мнению, они заслуживают более подробное рассмотрение. Итак, цель настоящей главы – представить семантический анализ полифункциональных лексических единиц (ЛЕ) *арт* и *искусство* и указать их словообразовательный потенциал. Некоторые оттенки значения дополняются происхождением.

2 Семантический анализ

Лексема *искусство* в «Этимологическом онлайн-словаре русского языка» М. Фасмера ссылается на цслав. *искусъство*, которое происходит от ст.-слав. *искоушь*, а оно в свою очередь от лат. *experimentum*. В целях семантического анализа ниже представлены значения лексемы *искусство* по данным словарей трёх лексикографических источников.

«Большой универсальный словарь русского языка» под ред. В.В. Морковкина представляет всего четыре значения: 1. творческая деятельность, содержанием которой является воспроизведение реальной или мнимой действительности в художественных образах (*искусство Возрождения*); 2. отрасль творческой художественной деятельности (*танцевальное искусство*); 3. система приёмов и методов в какой-либо отрасли прак-

тической деятельности, а также сама эта отрасль (*забытое искусство*); 4. профессионализм, высокий уровень в осуществлении какой-либо деятельности (*поразительное искусство*) (Морковкин (ред.) 2016, с. 394). «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой фиксирует три значения: 1. творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах (*искусство музыки*); 2. умение, мастерство, знание дела (*искусство шитья*); 3. самое дело, требующее такого умения, мастерства (*военное искусство*) (Ожегов, Шведова 2017, с. 243). «Большой толково-объяснительный словарь русского языка» Л.И. Скворцова предлагает также три главных значения: 1. творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах; творческая, художественная деятельность (*произведение искусства*); 2. вид, отрасль творческой художественной деятельности (*сценическое искусство*); 3. сфера практической деятельности, требующая высокой степени умения, мастерства (*искусство воспитания*) (Скворцов 2020, с. 844).

Интернациональная единица *art* была по материалам онлайн «Вики-словаря» заимствована из старофранц. *art*, происходящее в свою очередь от лат. *artem* (в им. и вин. падежах *ars*). Ниже указаны значения ЛЕ *art* на основе трёх лексикографических источников современного русского языка.

«Новый словарь иностранных слов» Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комаровой и И.В. Нечаевой приводит ЛЕ *art* в качестве первой составной части сложных слов, соответствующую по значению: 1. слову «артистический» (*арт-клуб*); 2. слову «художественный» (*арт-директор*) (Захаренко, Комарова, Нечаева 2008, с. 87). «Словарь новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой фиксирует два главных значения ЛЕ *art*: 1. первая составная часть сложных слов, которая обозначает отнесённость чего-либо к искусству, а также соответствует по значению слову «художественный» (*арт-галерея*); 2. вторая составная часть сложных слов, которая обозначает искусство того направления, которое указано в первой части (*поп-арт*) (Шагалова 2017, с. 35). «Современный словарь иностранных слов» Л.П. Крысина представляет одно основное значение: первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову «артистический» (*арт-кафе*) (Крысин 2020, с. 40).

3 Словообразовательный анализ

Ниже рассмотрим словообразовательные возможности ЛЕ *искусство* и *арт* в современном русском языке. Главное внимание уделяется лексической единице *арт*, так как её продуктивный потенциал гораздо больше. Представленный ниже анализ опирается на лексический материал, подобранный методом сплошной выборки из «Русского орфографического словаря» под ред. В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой, «Словаря новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой, «Современного словаря иностранных слов» Л.П. Крысина и НКРЯ, точнее Основного корпуса НКРЯ, фиксирующего всего 1 570 вхождений.

3.1 Словообразовательный потенциал ЛЕ *искусство*

Если коснуться морфемного состава лексемы *искусство*, «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова выделяет корневую морфему *искусств-* и окончание *-о* (Тихонов 1985, с. 399). Корневая морфема служит производной основой нескольких лексических единиц, к примеру, *искусствовед*, *искусствоведение*, *искусствоведка*, *искусствоведческий*, *искусствознание* (Лопатин, Иванова 2015, с. 247). Такого рода производные слова образованы с помощью связной морфемы *-о-*.

3.2 Словообразовательный потенциал ЛЕ *арт*

На основе актуальных лексикографических источников лексический компонент *арт* всё чаще и чаще приобретает продуктивность (ср. Лопатин 2015, с. 25; Шагалова 2017, с. 35; Крысин 2020, с. 40; НКРЯ). Данная ЛЕ выступает в русском языке как в роли имени существительного (*интересный арт*), так и в роли неизменяемого лексического компонента, выполняющего функцию аналитического прилагательного (*арт-провокация*).

Относительно ЛЕ *арт* в роли имени существительного отметим, что в данной форме она фиксируется редко, в Основном корпусе НКРЯ можно насчитать лишь несколько единичных примеров, ср. *В свои семьдесят Йоко Оно – заслуженная деятельница авангардного движения и в некотором смысле его идеальный портрет со всеми положенными чертами: её концептуальное искусство непременно крайне радикально и направлено против сексизма, расизма, консьюмеризма и любого другого изма, с которыми увлеченно борется современный арт.* (Известия 2003/02). В такой ситуации гораздо чаще наблюдается лексема *искусство* в любом из своих

возможных значений, ср. *Сперва она не производила вообще никаких объектов: Йоко делала всё, чтобы её искусство существовало только благодаря фантазии зрителей.* (Известия 2003/02).

Намного больше наблюдается ЛЕ *арт* в роли неизменяемого аналитического прилагательного, выступающего в качестве определяющего компонента в структуре аналитической конструкции. Стоит отметить, что вопрос об аналитических прилагательных тщательно рассмотрен в работах М.В. Панова (ср. Панов 1968; Панов 1971; Панов 1999). Наиболее чёткое определение, по нашему мнению, даёт лингвист Е.В. Маринова, определив аналитическое прилагательное следующим образом: «неизменяемая языковая единица, обозначающая непроцессуальный признак и выполняющая в пост- или препозиции (при любом варианте написания, включая слитное) атрибутивную функцию по отношению к имени существительному» (Маринова 2010, с. 628).

Собранный нами корпус ЛЕ насчитывает 187 конструкций на основе вышеуказанных лексикографических источников. Данный собранный материал будет подвергнут анализу по следующим аспектам: графическая адаптация, стилистическая принадлежность и этимологический анализ.

3.2.1 Графический аспект

Можно констатировать, что неизменяемый лексический компонент *арт* способен выступать в трёх основных позициях, т.е. может занимать место перед определяемым существительным (препозиция), после определяемого существительного (постпозиция) или между двумя определяемыми существительными (интерпозиция).

На основе исследованного нами материала в большинстве аналитических конструкций преобладает лексический компонент *арт* в препозиции (*арт-акция, арт-бюро, арт-издательство, арт-колледж, арт-объект, арт-преступление, арт-салон, арт-художник, арт-фестиваль, арт-центр*), их доля достигает 90% от общего количества всех анализируемых примеров. В подавляющем большинстве случаев препозитивный неизменяемый компонент *арт* фиксирован с помощью дефисного написания. Редко наблюдается слитная форма графической записи, такой случай касается лишь примеров *артворк, артсопровождение* и *артцензура*. Помимо вполне однозначной графической записи можно исключительно встретить также варианты формы графической фиксации. Дело касается двух при-

меров (*артгруппа / арт-группа, артхаус / арт-хаус*), в случае которых наблюдается графическая запись и в форме дефисного написания, и в форме слитного написания. Реже встречаются аналитические конструкции с компонентом *арт* в постпозиции (*боди-арт, джанк-арт, интернет-арт, лэнд-арт, медиа-арт, нет-арт, поп-арт, псих-арт, стрит-арт, фолк-арт*), они представляют собой 9% от общего количества всех анализируемых примеров. В принципе, во всех случаях неизменяемый компонент *арт* фиксируется с помощью дефисного написания, лишь в одном отдельном случае наблюдается вариантный способ записи при помощи слитного написания (*видео-арт / видеоарт*). Меньше всего встречается запись ЛЕ *арт* в интерпозиции, такой способ графической фиксации представляет собой лишь 1% от общего количества всех анализируемых примеров (*стрит-арт-художник, медиа-арт-проект, фолк-арт-эксперимент, лит-арт-объединение*). Все такого рода аналитические конструкции записываются исключительно через дефис.

3.2.2 Стилистический аспект

Если рассмотреть стилистическую принадлежность исследуемых нами аналитических конструкций, точнее говоря определяемых в конструкциях имён существительных, преобладающее большинство из них принадлежат к нейтральной лексике. По нашим наблюдениям, они представляют собой всего 98% от общего количества всех анализируемых ЛЕ. В качестве примера можно назвать аналитические конструкции с определяемыми именами существительными типа *арт-активизм, арт-деятель, арт-конкурс, арт-мебель, арт-рынок, арт-столица, арт-фестиваль, арт-школа, медиа-арт, фолк-арт-эксперимент* и др. Помимо определяемых существительных, относящихся к нейтральному стилю, встречаются в нашем корпусе две аналитические конструкции, определяемое имя существительное которых относится к другому стилю речи. Дело касается аналитических конструкций *арт-скарб* и *арт-фото*, составной частью которых являются имена существительные, относящиеся к разговорному стилю речи. Аналитическая конструкция *арт-скарб* образована именем существительным польского происхождения *скарб* со значением ‘домашние вещи, пожитки, имущество’. Конструкцией *арт-фото* управляет имя существительное *фото*, представляющее собой разговорную форму лексемы ‘фотография’.

3.2.3 Этимологический аспект

Этимологический анализ показал, что в собранном нами корпусе аналитические конструкции, образованные определяемыми именами существительными как исконными, т.е. русского, так и иноязычного происхождения. Отметим, что этимологическому анализу мы подвергли все определяемые имена существительные, т.е. 183 ЛЕ, образующие двухкомпонентные аналитические конструкции (в препозиции и постпозиции), а также 8 ЛЕ, образующих четыре трёхкомпонентные аналитические конструкции. Таким образом исходный корпус данного анализа составил 191 ЛЕ.

Исходя из вышесказанного, преобладают заимствованные определяемые имена существительные, доля которых составляет 83%, затем доля исконно русских определяемых имён существительных – 17% от общего количества всех анализируемых лексем.

Среди заимствованных определяемых имён существительных можно выделить 12 языков-источников: английский, латинский, французский, др.-греческий, праславянский, итальянский, немецкий, арабский, др.-скандинавский, персидский, польский и японский. Самую большую группу составляют аналитические конструкции, образованные именами существительными английского происхождения (49 ЛЕ; ср. *арт-андерграунд*, *арт-бестселлер*, *арт-дизайн*, *арт-инсталляция*, *арт-маркет*, *арт-сайт*, *арт-саммит*, *арт-тренинг*, *веб-арт*, *фолк-арт*). Вторая самая многочисленная группа – аналитические конструкции с определяемыми именами существительными латинского происхождения (43 ЛЕ; ср. *арт-абсурд*, *арт-диктатор*, *арт-конкурс*, *арт-лаборатория*, *арт-музей*, *арт-провокация*, *арт-ситуация*, *арт-фонд*, *арт-центр*, *арт-экспозиция*), третья самая многочисленная группа – аналитические конструкции с определяемыми именами существительными французского происхождения (21 ЛЕ; ср. *арт-богема*, *арт-бюро*, *арт-галерея*, *арт-кафе*, *арт-майка*, *арт-мебель*, *арт-салон*, *арт-сезон*, *арт-туризм*, *арт-элита*). Сравнительно многочисленными группами являются также аналитические конструкции, образованные определяемыми именами существительными др.-греческого (19 ЛЕ; ср. *арт-династия*, *арт-история*, *арт-клиника*, *арт-лицей*, *арт-педагог*, *арт-система*, *арт-терапия*, *арт-техника*, *арт-фотография*, *арт-хроника*) и праславянского происхождения (12 ЛЕ; ср. *арт-звезда*, *арт-место*, *арт-мир*, *арт-погреб*, *арт-потолок*, *арт-пространство*, *арт-работа*, *арт-среда*, *арт-столица*, *арт-точка*). Аналитические конструкции, относящиеся этимологически к другим языкам-источникам, составляют лишь не-

большое количество. К ним принадлежат аналитические конструкции с определяемыми именами существительными итальянского (5 ЛЕ; *арт-биеннале*, *арт-группа*, *арт-дуэт*, *арт-мафия*, *арт-студия*), немецкого (5 ЛЕ; *арт-квартал*, *арт-конверсия*, *арт-критик*, *арт-рынок*, *арт-ярмарка*), арабского (1 ЛЕ; *арт-магазин*), др.-скандинавского (1 ЛЕ; *арт-акула*), персидского (1 ЛЕ; *арт-базар*), польского (1 ЛЕ; *арт-скарб*) и японского происхождения (1 ЛЕ; *арт-камикадзе*).

К аналитическим конструкциям, определяемое имя существительное которых относится этимологически к русскому или др.-русскому языку, принадлежат 32 ЛЕ. Следует отметить, что большинство из них – имена существительные, образованные на русской почве средствами русского литературного языка, хотя их корни зачастую ссылаются на праславянский язык. Среди такого рода выражений наблюдаются чаще всего отглагольные имена существительные, ср. *арт-выходка* < гл. выходить < от праслав. *ходъ, *арт-деятель* < гл. деять < от праслав. *dělati, *арт-жизнь* < гл. жить < от правслв. *žiti, *арт-издание* < гл. издать < от праслав. *dātī / *dājātī / *dāvātī, *арт-направление* < гл. направить < от праслав. *pravъ, *арт-преступление* < гл. преступать < от праслав. *stopati, *арт-прическа* < гл. причесать < от праслав. česati, *арт-решение* < гл. решать < от праслав. *rešiti, *арт-склад* < гл. класть < от праслав. *klādō / *klástī / *klādъ, *арт-учеба* < гл. учить < от праслав. *učiti. Также можно выделить группу определяемых имён существительных, которые образовались от первоначальной формы имени существительного, а то посредством дополнительных словообразовательных процессов, наиболее часто за счёт суффиксации, ср. *арт-дворец* < сущ. двор < от праслав. *dvorъ / *dvъгъ, *арт-делец* < сущ. дело < от праслав. *dělo, *арт-торговля* < сущ. торг < от праслав. *търгъ. Несмотря на указанное выше, можно назвать также определяемые имена существительные, ссылающиеся этимологически непосредственно на др.-русский язык, хотя также их первоначальные корни считаются праславянскими или старославянскими, ср. *арт-движение* < др.-русс. движение < ст.-слав. двищи < от праслав. *dviŋi, *арт-площадка* < др.-русс. площадька < от праслав. *ploskědъ, *арт-художник* < др.-русс. худогъ, художество < от ст.-слав. хждожьникъ.

4 Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что компоненты *арт* и *искусство* занимают важное место в лексическом фонде современного русского язы-

ка. Обе лексические единицы функционально трудно определить, причём лексический компонент *art* можно воспринимать или как лексему в прямом смысле слова, или как аффиксоид, выступающий в роли словообразовательного интернационализма. Тем же самым образом можно описать также лексическую единицу *искусство*. Своего рода сложная определённость обоих лексических единиц тесно связана с их нестабильностью по отношению к частеречному переходу от разных частей речи (явление аналитизма). Исследуя процесс развития русского языка начала XXI века, необходимо отметить, что компонент *art* приобретает большую продуктивность. Она проявляется, прежде всего, в повышенной словообразовательной способности в функции аналитического, т.е. неизменяемого прилагательного, образуя таким образом многочисленные аналитические конструкции. Исходя из представленного выше анализа, отметим, что неизменяемый компонент *art* способен выступать в трёх основных позициях, т.е. в препозиции, постпозиции и интерпозиции, из которых в значительной мере преобладает препозиционная графическая запись. Относительно стилистической принадлежности определяемых в аналитических конструкциях имён существительных, преобладающее большинство из них принадлежат к нейтральной лексике. Заключительный этимологический анализ показал принадлежность определяемых имён существительных к языкам-источникам, на основе чего можно сделать вывод, что в рамках нами исследуемых аналитических конструкций преобладают в значительной степени заимствованные определяемые имена существительные, относящиеся чаще всего к английскому, латинскому или французскому языкам.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ: РУССКОЕ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЧЕШСКИМ

Станислав РЫЛОВ, Нижегородский государственный университет им.
Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород
ID <https://orcid.org/0009-0003-2929-7338>

1 Введение

Одна из актуальных проблем славистики – разработка синтаксической типологии современных славянских языков. Благодаря общей генетической базе славянские языки характеризуются очевидными чертами сходства. Вместе с тем, каждый из современных славянских языков уникален. Поэтому важно – при всем их многообразии – выделить у них общие черты и существенные различия. Наличие таких черт и специфических особенностей позволяет глубже понять сущность данного языка, а также группировать современные славянские языки – с учётом их близости и различий – в некоторые типы (ранги).

2 Лингвистическая типология и сопоставительный метод исследования языков

Интенсивно развивающаяся в настоящее время лингвистическая типология – это совокупность исследовательских принципов, направленных на изучение структурных и функциональных свойств данного языка в плане *сопоставления* его с любыми языками независимо от характера генетических отношений между ними. Одной из основных задач лингвистической типологии является систематизация языков путём выявления групп языков одного ранга (Мечковская 2001, с. 15). Центральное понятие лингвистической типологии – **тип языка** (или языковой тип) как эмпирическая реальность. «Тип языка» – наиболее общее понятие, позволяющее дать важную характеристику свойств языка, его строя. Но это понятие базируется не на всех свойствах данного языка, а прежде всего на существенных чер-

тах. Разработка лингвистической типологии тесно связана с сопоставительным методом, который направлен на углубленное познание системно-функциональных закономерностей языковых феноменов с целью выявления в них – на фоне сходных черт – *отличительных* свойств и признаков (Нещименко 1983, с. 31). Необходимость привлечения типологии в сопоставительном синтаксисе славянских языков убедительно аргументировал Й. Андерш (Anderš 2003, s. 17). Сопоставление типологических описаний языков даёт основание для таксономической классификации путём выявления групп языков одного типа (ранга) и установления своеобразия языков данной группы.

Лингвистическая типология как научный метод исследования начала развиваться почти одновременно со сравнительно-историческим языкознанием. Однако по отношению к славянским языкам идеи типологии впервые были высказаны И.А. Бодуэном де Куртенэ в самом конце XIX века. Отмечая неудовлетворённость генеалогической классификацией славянских языков ввиду её недостаточности и неточности, учёный отводил особую важную роль *структурным* признакам (Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 133).

Лингвистическая типология применительно к славянским языкам стала активно разрабатываться лишь с 20–30-х гг. XX века благодаря деятельности Пражского лингвистического кружка. Большое значение для развития лингвистической типологии имел, во-первых, выдвинутый В. Матезиусом принцип аналитического сравнения, т.е. «сравнения языков различного типа без учета их генетических связей» (Матезиус 2003-2, с. 148). Во-вторых, основополагающую роль играла его теория «лингвистической характерологии» (Матезиус 2003-1, с. 31). Её задачу В. Матезиус видел в том, чтобы с помощью принципа аналитического сравнения выявить наиболее важные особенности исследуемого языка и установить иерархические отношения между сопоставляемыми языками. Такие черты в своей совокупности и составляют национальное своеобразие данного языка. У пражцев зародилась идея типологии языковых подсистем (ЛЭС 1990, с. 514). Наибольшее развитие при этом получила фонологическая типология (Н.С. Трубецкой). В. Скаличка сделал попытку морфологической типологии чешского языка (Skalička 1951). Синтаксическая типология славянских языков находилась на периферии исследований. Во второй половине XX века идеи в области синтаксической типологии славянских языков развивали брненские слависты Я. Бауэр, С. Жажа, Р. Мразек. Особо следует выделить фундаментальный труд Р. Мразека (Мразек 1990). Его заслуга в том, что он *впервые* на громадном фактическом материале

обратился – *на научной основе* – к данной проблеме. Своими глубокими исследованиями Р. Мразек заложил основы современной синтаксической типологии славянских языков на уровне простого предложения, установил критерии для выявления синтаксических типов в славянских языках. К сожалению, синтаксическая типология современных славянских языков по-настоящему пока в окончательном виде остаётся не разработанной.

3 Синтаксическая типология как составная часть лингвистической типологии современных славянских языков. Термин (понятие) «синтаксический тип языка»

Экспансия славянских языков в современном мире, развитие новых направлений в лингвистике обуславливают необходимость дальнейшей разработки синтаксической типологии славянских языков. Это представляет особую важность как в лингводидактическом плане, так и для успешного развития славистической компаративистики.

Под *синтаксическим типом* языка нами понимается не простая совокупность отдельных структурных характеристик и семантико-синтаксических черт, а иерархический комплекс существенных конструктивных и семантических признаков, связанных импликационным отношением, что предполагает выделение в каждом типе доминирующей характеристики, имплицитующей ряд простых (ЛЭС 1992, с. 513). Предмет синтаксической типологии современных славянских языков – сопоставительное изучение основных типовых построений, характерных для славянского языкового ареала, и выявление синтаксических типов языков, обладающих существенными конструктивными и семантическими признаками. Цель работы – выявить, на основе сопоставления синтаксических структур в славянских языках, синтаксические типы русского и чешского языков на уровне *простого предложения* (ПП); установить проявляющиеся в синтаксических типах этих языков конструктивные и семантические особенности.

4 Методологические основы типологического описания структур славянского простого предложения

Типологическое описание синтаксических структур славянского ПП методологически основывается на *синхронно-сопоставительном методе* (принцип аналитического сравнения В. Матезиуса) и *характерологическом* подходе к изучению языков В. Матезиуса.

Типологическое изучение синтаксических структур славянских языков непременно опирается на *синтаксическую семантику* предложения при определённом обобщении и отвлечении от единичного лексического наполнения (Мразек 1990, с. 9). По мнению проф. Р. Мразека, при анализе синтаксической семантики ПП оказываются вполне достаточными всего лишь пять классов синтактико-семантических значимостей исходных структур: 1. *действие* в самом широком смысле; 2. *посиденция* (обладание, владение); 3. *Экзистенция*; 4. *качество* в широком смысле; 5. *Количество* (Там же, с. 10). При исследовании синтаксической типологии современных славянских языков именно *семантические параметры* «служат в высшей инстанции классификационными критериями» (Там же, с. 24), но при этом необходимо комплексно учитывать семантику, внешнюю форму, функциональные свойства ПП.

Материалом для анализа синтаксических структур ПП и их типологического описания послужили использованные в монографии Р. Мразека тексты славянских литературных языков (Там же, с. 9), собственные наблюдения автора над структурой и функционированием ПП в стилях современного русского и чешского языков, в русской и чешской медиаречи последнего десятилетия XXI века (Рылов 2020, с. 43).

Исходной базой при типологическом описании структур ПП стали выделенные Р. Мразеком «**ключевые критерии**», или дифференциальные признаки (ДП), для характеристики синтаксических систем всех славянских языков. Нами учитывались 4 весьма существенных и показательных ДП простого предложения: 1. общая синтаксическая перспектива структуры ПП; 2. характер выражения глагола-сказуемого и способ передачи отношения обладания (посессивности) в структуре ПП; 3. характер передачи в структуре ПП субъектно-объектных отношений; 4. мера асимметричности предикативной основы ПП. Указанные ДП служат для выявления непосредственно *синтаксического типа русского языка (РЯ)* и *синтаксического типа чешского языка (ЧЯ)*.

5 Синтаксические типы современных славянских языков

Р. Мразек справедливо отмечал: «Slovanské jazyky vykazují vcelku velmi širokou tyrovou paletu» (Мразек 1990, с. 140). Однако в своей монографии он ограничивается краткой дифференциальной характеристикой трёх славянских ветвей и даёт трихотомическую типологию (восточнославянский, за-

паднославянский, южнославянский ареалы) славянского простого предложения (Там же, с. 34–36).

5.1 Синтаксические типы на основе ДП «общая синтаксическая перспектива структуры простого предложения»

По данному ДП среди всех современных славянских языков заметно выделяется *чешский* язык, отличаясь даже от польского (как западнославянского), который имеет несколько общих черт с восточнославянскими языками.

Синтаксический тип чешского языка можно назвать типом *с глагольной синтагматической формой*⁸ как существенной структурно-грамматической характеристикой простого предложения. Дело в том, что центральное место в нём занимают синтаксические *глагольные* структуры или структуры с вербализованным предикатором *být* и преобладает имплицитность местоименного компонента, включенного в глагольную парадигму, например: *Beáta je u sebe – řekl jsem jí, že budete začínat v šest. Ted' je půl prýč; Je v pořádku. Už mlčím* (M. Viewegh, *Výchova dívek v Čechách*). Кроме того, синтаксический тип ЧЯ ярко характеризуют лаконичность, «прозрачность» синтагматической формы ПП – за счёт активного использования в речи коротких, сжатых высказываний из двух-трёх-четырёх грамматических элементов, что выражается количественно в существенно меньшей, по сравнению с русским языком, средней длине ПП (ср. показатели средней длины ПП в газетно-публицистических текстах последнего десятилетия: в чешских – 5,22 грамматических элементов, в русских – 6,22) (Рылов 2020, с. 49–50). Отсюда ещё одна отличительная особенность, характерная для синтаксического типа ЧЯ: экспрессивный характер построения высказываний, живость, высокий темперамент, движение мысли, ср.: *Už je to tak: volby ničí americký fotbal. A porážejí i Hollywood* (MF, 02.11.2016); *Doba Václava Havla je bohužel nenávratně pryč. Havel byl*

⁸ Под синтагматической формой ПП нами понимается реальная речевая последовательность грамматических элементов (членов предложения в их морфологическом оформлении), построенная на основе определённой языковой синтаксической модели по существующим в данном языке правилам сцепления грамматических элементов – для выражения конкретного содержания.

dějinná anomálie, které se občas vyskytují. České «my» (bráno ve smyslu většiny), to není Havel, nyní je to Babiš (HN, 07.05.2019)⁹.

Особенно примечательно, что синтаксический тип ЧЯ оказывается по многим параметрам противопоставленным синтаксическому типу РЯ. Синтаксический тип русского языка – тип с *пространной синтагматической формой* ПП. Этот тип характеризуют черты:

а) Широко распространённые *безглагольные* структуры с «глубинным» глаголом *быть* («поверхностно безглагольные простые предложения»), например: *Клель – самое лучшее дерево. Стволы у неё светлые, смолистые, с натёками, листья резные, узорчатые, лапчатые, дух от них здоровый, одно слово – клель! Шишки на ней с человеческую голову, и орешки в них – объеденье!* (Татьяна Толстая, Кысь). Показательно, что наличие и широкое распространение в русском языке безглагольных ПП (с именными формами, выражающими предикативность) было признано академическими грамматиками русского языка 1954, 1970 и 1980 гг. (РГ 1980, с. 86). З.Л. Новоженова, исходя из семантико-коммуникативного анализа природы русского предложения, приходит к выводу, что в современном русском языке наблюдается продуктивный процесс осуществления предикации с помощью именных средств и тенденция к усилению *предикатной роли имён* (Новоженова 2016, с. 15).

б) Характерная черта синтаксического типа РЯ – необходимость личного местоимения в функции подлежащего: *Вчера мы были в театре. Она уже в положении.*

в) Синтаксический тип РЯ отличает, в сравнении с чешским, большая протяженность синтагматической формы ПП.

г) Синтаксический тип с пространной синтагматической формой ПП ярко характеризует значительная функциональная ёмкость *именных* распространителей структуры ПП.

---

⁹ В ссылках на приводимые примеры приняты сокращения: MF – Mladá fronta dnes, HN – Hospodářské Noviny.

5.2 Синтаксические типы на основе ДП «характер выражения глагола-сказуемого и способ передачи отношения обладания (посессивности) в структуре простого предложения»

Этот ДП связан с реализацией на славянском речевом материале двух типов (рангов) языков: *habere-языков* и *esse-языков*, между которыми наблюдаются существенные различия в грамматической организации ПП.

Следует заметить, что конструкции, используемые для выражения семантики обладания, характеризуются синкретизмом, поэтому при анализе таких конструкций важно учитывать целый спектр семантических значений, в их сопряжении.

Чешский язык представляет собой ярко выраженный синтаксический тип *habere-язык*. В нём характерная для *habere-языков* синтаксическая конструкция: «носитель обладания (посессор) в функции подлежащего – сказуемое-переходный глагол со значением ‘иметь’ / ‘habere’ – предмет обладания в роли прямого дополнения в вин. пад.» – очень последовательно выражает семантику обладания как в узком смысле (ситуация собственно владения): *Student má počítač*, так и в широком смысле – «семипосиденция» (ситуация отнесения к лицу, а также отношения части к целому, передающего неотчуждаемую принадлежность объекта субъекту): *Dívka má půvabný účes* (Мразек 1990, с. 44–51). При этом во втором случае семантика посессивности сочетается с семантикой качества, количества или иного именного признака. Чешский язык по этому ДП занимает особое место среди всех славянских языков, поскольку сказуемое-глагол со значением обладания *mít* несёт в нём высокую функциональную нагрузку, и чешский язык характеризуется «наибольшей функциональной способностью глагола *habere* в широкой сфере посиденции, семипосиденции и посиденционализации» (Там же, с. 48).

Синтаксическому типу ЧЯ отчётливо противопоставляется синтаксический тип русского языка. Это *esse-язык*, где исключительная роль в структуре ПП принадлежит экзистенциальному глаголу и посессивность совмещается с бытийностью и локативностью, что выражается специфичной для РЯ конструкцией «сказуемое-экзистенциальный глагол – предлог У + Род. пад. с семантикой посессора» (Новоженова 2016, с. 198–199): *У меня есть компьютер. У вас хорошее настроение?* Примечательно, что в РЯ, в отличие от чешского, структурно-семантический тип сказуемого может быть представлен двумя разновидностями: с материально выраженным глаголом *быть* и с нулевой формой глагола *быть*

(в настоящем времени). При этом безглагольные образования с «глубинным» глаголом *быть* играют важную структурно-семантическую роль.

Противопоставленность синтаксических типов ЧЯ и РЯ представляется очень важной в *лингводидактическом* отношении: уже на начальном этапе изучения иностранного языка студенты должны хорошо усвоить специфику синтаксической модели построения предложения в изучаемом языке по сравнению с родным.

Особенно важно то, что с двумя рассматриваемыми синтаксическими типами связаны не только существенные структурные различия в построении предложения, но и разное выражение **ментальности**. Покажем это на конкретных примерах при сопоставлении эквивалентных высказываний со значением ‘*обладания чем-либо*’ (посессивности): чеш. *Mám novú počítač* ~ русск. *У меня есть новый компьютер*; чеш. *Mají plno starostí* ~ русск. *У них много забот*.

Очевидно, что эквивалентные чешская и русская модели ПП отражают разные стереотипы структурирования мысли и воплощают специфическое для данного народа видение мира. В чешском языковом сознании концентрируется ясное выражение того, что субъект ‘*чем-то непосредственно обладает*’, активно владеет чем-либо (*má v držení*), ориентирован на присвоение окружающих вещей не только в физическом, но и в ментальном плане. Для русского языкового сознания, напротив, характерным является то, что субъект не обладает, не владеет, не оказывается хозяином чего-то (кого-то); ‘*нечто*’ (‘*некто*’) существует как бы ‘*рядом с ним*’, ‘*около него*’. Идея обладания выражается через идею соположения в пространстве (ср. русскую модель *У меня есть...*) и, таким образом, оказывается ослабленной, ментально пассивной.

5.3 Дифференциальный признак: «характер передачи субъектно-объектных отношений в структуре простого предложения» и синтаксические типы славянских языков

Все современные славянские языки, как известно, имеют номинативный строй предложения, это праславянское наследие. Однако степень номинативности в славянских языках оказывается далеко не одинаковой, и на фоне универсального характера общего строя предложения обнаруживаются существенные различия в передаче субъектно-объектных отношений в структуре ПП. Как следствие – дифференциация синтаксических типов

современных славянских языков по ДП «характер передачи субъектно-объектных отношений в структуре ПП».

Особый синтаксический тип по данному признаку представляет *чешский язык*, в котором номинативный строй предложения явно превалирует (Мразек 1990, с. 34), хотя субъект-подлежащее не всегда может быть выражен формально: в ЧЯ преобладает имплицитность местоимённого компонента в глагольной парадигме, как, например, в предложениях: *Vojím se psa; Nejste náhodou pán Novák?* С точки зрения выражения субъектно-объектных отношений чешский синтаксический тип ярко характеризует типичная **дативная конструкция** «сказуемое-глагол + дополнение в дат. пад.», имеющая синкретичную семантику: в ней совмещаются субъект, посессивность и предикцирование качественного или количественного признака: *Najednou mi bylo tak teplo u srdce; Cesta do univerzity jí trvá 1,5 hodiny*. Дативная конструкция широко распространена в чешской речи и составляет яркую национальную специфику чешского языка, ср.: *Uniklo mi krátké zasmání* (М. Viewegh); *Samožřejmě nám neuniklo, že v těchto dnech slavíš své životní jubileum* (Из интернета). Нередко употребляется также специфичная конструкция «сказуемое-глагол + вин. пад.»: *Moji sestru dneska celý den bolí hlava*.

Иной синтаксический тип представляет собой *русский язык*, где номинативный строй предложения, в отличие от ЧЯ, не занимает монопольного положения (Там же) и очень большой удельный вес имеют неноминативные структурные схемы простого предложения со значением субъекта действия. Синтаксический тип РЯ ярко характеризует специфическая синтаксема «У + Род. пад.», выражающая субъект, посессивность и локативность, ср.: *Дорога в университет занимает у неё 1,5 часа; Часы у меня идут точно; У моей сестры сегодня болит голова*.

Разумеется, эквивалентные для ЧЯ и РЯ синкретичные конструкции с первичным значением *посессивности*: чешская **дативная конструкция** и специфическая русская синтаксема «У + Род. пад.» – отражают существенные различия синтаксических типов ЧЯ и РЯ в структурировании мысли и, следовательно, специфику ментальности. Типичные для чешского языка конструкции с субъектным и объектным дат. пад. всегда вызывают у русских студентов трудности, так как в соответствии с русской ментальностью субъект / объект выражается чаще всего иначе, а именно с помощью конструкции «У + Род. пад.».

5.4 Синтаксические типы на основе ДП «мера асимметричности предикативной основы простого предложения» и синтаксические типы славянских языков

Все славянские языки – это языки с асимметричной предикативной основой ПП. Однако между ними обнаруживаются существенные различия в степени асимметричности.

По ДП «мера асимметричности предикативной основы ПП» полярное положение занимает чешский язык, как синтаксический тип с наименьшей степенью асимметричности. По этой черте он ближе, чем другие славянские языки, к западноевропейским языкам.

Из всех современных славянских языков выделяется русский язык, представляющий собой синтаксический тип, в котором наибольшая степень асимметричности предикативной основы ПП. Особое положение русского языка обусловлено тем, что в нём существуют: а) чёткая градуальная система односоставных монопредикативных ПП; б) высокая частотность бесподлежащих структур; в) строгая исторически сложившаяся система односоставных *безличных* предложений и их активное функционирование в речи, что составляет национальную специфику современного русского языка: *Профессора сегодня нет; Как тебе не стыдно!; Подуло свежим ветром; Кому-то опять вздумалось будить нас.* – Ср. эквивалентные по семантике русским чешские подлежащие (личные) предложения, более симметричные по своему структурному оформлению: *Profesor dnes není; Že se nestydiš!; Zaval svěží vítr; Někdo si zas usmyslel nás budit*; г) широкое употребление в русской речи односоставных инфинитивных ПП в разных значениях: *Дочери ещё комнату убирать* ~ эквивалентная чешская подлежащая (личная) структура *Dcera musí ještě uklizet pokoj*; д) коммуникативный субъект часто может выражаться не имен. пад. (и не быть подлежащим), а дат. или твор. пад. (выступать в функции дополнения), ср.: *Мне грустно; Письмо написано кем-то из вашей группы; Тебе не сдать все экзамены на «отлично»*; е) нарушение грамматического согласования между подлежащим и сказуемым: *Приди я раньше, не получилось бы так.*

Следует особо подчеркнуть, что синтаксический тип РЯ заметно отличает – на фоне чешского – значительное расширение сферы применения (вместо личных конструкций) **неагентивных**: безличных и пассивно-возвратных, страдательных. Это бессубъектные (или, по крайней мере, не содержащие субъекта в имен. пад.) конструкции с предикатом в форме

среднего рода. Особенно примечательно то, что в тех ситуациях, когда по логике необходимо «присутствие» агенса, в речи возникают безличные или пассивно-возвратные структуры, выражающие бессубъектность или же представляющие действие (состояние) как происходящее помимо воли самого субъекта. Неагентивность становится типичной чертой современной русской медиаречи: *Снето действительно на высоком уровне* (ТВ, 1-ый канал, «Один в один», 09.03.2019); *Хочется верить, чтобы архитекторы не относились к Нижнему Новгороду как к мертвому материалу. Каждое дерево должно быть ухожено, пострижено, полюблено (...)* (НН, № 97, 09.12.2020)¹⁰.

Очевидно, что неагентивные конструкции отражают особенности русской ментальности, проявляющиеся в синтаксическом типе РЯ: открытость, лояльность, чуждость эгоцентризма, устремлённость к объективированию, уклончивость в обозначении конкретного лица, стремление не выпячивать субъект. Не случайно многие синтаксические модели безличных и инфинитивных ПП, неагентивных конструкций не находят адекватных соответствий в других языках, в том числе в чешском.

6 Заключение

Как показал проведённый анализ, генетически родственные русский и чешский языки обнаруживают *существенные различия* в плане синтаксико-типологических описаний по всем рассмотренным ДП, что обусловлено национально-специфическими направлениями их развития.

Исходя из сопоставительного анализа синтаксических структур, представленных в современных славянских языках, следует подчеркнуть специфическое положение синтаксического типа РЯ: современное русское простое предложение типологически отходит от родственных ему инославянских языков. На это обратил внимание известный исследователь русского синтаксиса З.К. Тарланов (Тарланов 2018, с. 47). Синтаксический тип русского языка в целом можно определить как иерархический комплекс конструктивных и семантических признаков, в котором доминирующим является **пространная синтагматическая форма ПП**. Этот тип характеризуют широко распространённые безглагольные структуры с «глубинным» глаголом *быть*; синкретичные синтаксемы «У + Род.

¹⁰ В ссылках на приводимые примеры использованы сокращения: ТВ – телевизионный канал, НН – Нижегородские Новости (газета).

пад.»), выражающие субъект, посессивность, бытийность и локативность; активно функционирующие в речи *неагентивные* конструкции (вместо личных).

Необходимо отметить и специфику синтаксического типа ЧЯ, по многим признакам противопоставленного русскому. Синтаксический тип чешского языка можно охарактеризовать как иерархический комплекс конструктивных и семантических признаков, в котором доминирующим является **глагольная синтагматическая форма** ПП (в том числе с вербализованным предикатором *být*) с преобладающей имплицитностью местоименного компонента, включенного в глагольную парадигму. Сложный комплекс признаков позволяет вербализовать *активно* выражаемую ментальность за счёт широкого распространения в речи *личных агентивных* структур и синкретичных **дативных** конструкций, что и составляет яркую национальную специфику синтаксического типа чешского языка на фоне русского.

Выявленные существенные различия синтаксических типов ЧЯ и РЯ, несомненно, отражают разные стереотипы структурирования мысли, особенности этнического восприятия мира и связаны со спецификой выражения национальной ментальности. Они свидетельствуют о тесной связи синтаксической типологии современных славянских языков с когнитивным подходом. Требуется дальнейшая разработка проблемы синтаксических типов современных славянских языков на основе идей когнитивной лингвистики. Использование сведений по синтаксической типологии современных славянских языков является важным и необходимым в лингводидактическом плане – в процессе преподавания определённого славянского языка как иностранного, а также для исследования особенностей чешской и русской национальной ментальности, славистической компаративистики.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ФУНКЦИИ НЕСОГЛАСОВАННОГО ПРЕПОЗИТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Йиндржих КЕСНЕР, Университет Градец-Кралове
ID <https://orcid.org/0000-0002-2309-4754>

Нет сомнений в том, что **язык развивается вместе с развитием общества**, т.е. коллектива его носителей. О процессах, происходящих в современных языках, написано немало работ. Так, например, чешский лингвист Дан Фалтынек подчёркивает: «Každopádně vývoj slovní zásoby, s ním spojený vývoj slovtvorných prostředků a do jisté míry tvarosloví bude probíhat vždy, protože je těsně spojen se změnami světa kolem nás – vždy budeme potřebovat nová pojmenování pro nové jevy, s nimiž se začneme setkávat. Na tyto změny, vzhledem k potřebám mluvčích, budou muset jazyky reagovat vždy a v tomto směru se také budou vyvíjet» (Faltýnek 2017, с. 8).

Н.В. Юдина отмечает такие **тенденции, свойственные для русского языка XXI века**: 1. интенсификация процесса заимствования иноязычной лексики; 2. жаргонизация многих сфер бытового и публичного общения; 3. активное внедрение языка Интернета; 4. общее снижение речевой культуры носителей русского языка XXI века, «проявляющее себя в произношении и ударении, лексике и фразеологии, словообразовании и морфологии, синтаксисе и пунктуации, орфографии и многих сферах речевого общения» (Юдина 2010, с. 6).

В приведённом перечне активных процессов с точки зрения нашей темы примечательно, что на первом месте автор приводит **заимствования иностранной лексики**, так как несклоняемые препозитивные определения (далее – НПО) – это очень часто именно слова иноязычного происхождения.

Среди активных процессов в русском и чешском языках многие авторы (Юдина 2010, Nedomová 2013, Plesník 2019 и др.) приводят также **тенденцию к аналитизму**, которая проявляется не только в вытеснении

беспредложных синтаксических конструкций предложными, что отмечают некоторые лингвисты (см., например: Юдина 2010, с. 7 или Валгина 2003, с. 39), но, например, и сокращением количества форм изменяемых слов.

Постепенно в славянских языках также повышается степень грамматикализации порядка слов, которая характерна для аналитических языков. В русском языке грамматикализированный порядок слов проявляется, например, в предложениях с существительными, у которых одинаковая форма в именительном и винительном падежах, или с несклоняемыми существительными типа *Мать любит дочь – Дочь любит мать* или *«Динамо» победило «Торпедо» – «Торпедо» победило «Динамо»*. Считается, что в таких предложениях всегда прямой порядок слов. Грамматикализация порядка слов чрезвычайно важна и в словосочетаниях с НПО, в которых всегда препозитивный компонент несмотря на его характер (см. классификации НПО, например, в статье «О неизменяемом препозитивном определении в русском и чешском языках» – Кеснер, Лингартова, Зоубкова 2011) выполняет функцию определения. Следующим проявлением стремления к аналитизму является невиданный ранее рост количества неизменяемых слов, самым ярким примером чему является непрерывно пополняющаяся группа «несклоняемых прилагательных».

Кроме того, что на развитие языка оказывают влияние внешние факторы, в нашем случае изменения в российском и чешском обществе в последних десятилетиях, развитие языка происходит в соответствии с **внутренними законами его развития**. Н.С. Валгина очень точно характеризует взаимоотношение между внешними и внутренними факторами развития языка: «Изменение государственности, отказ от прошлых социальных, экономических, политических и духовных основ общественной жизни значительно ускорили, в каких-то случаях обнаружили, вывели на поверхность эволюционно подготовленные процессы в языке» (Валгина 2003, с. 75). Автор называет следующие внутренние законы развития языка: закон системности, закон традиции, закон аналогии, закон экономии и закон противоречий (антиномии), утверждая, что решающим (но не единственным) фактором в развитии языка является как раз действие внутренних законов по той причине, что язык является системным образованием (Валгина 2003, с. 13). Действие названных законов, безусловно, проявляется и в изучаемых нами процессах.

Говоря об изменениях в грамматике, Н.С. Валгина вслед за М.В. Пановым отмечает, что морфология является самым устойчивым ярусом

языковой системы. Так же синтаксис «характеризуется сравнительно небольшой восприимчивостью к внешним влияниям и медленной изменяемостью», но «в отличие, например, от морфологии, он более вариативен и подвижен; более того, многие семантические процессы, активно протекающие в таком активном звене языковой системы, как лексика, осуществляются именно благодаря синтаксису, так как функционируют лексические единицы в строе предложения и словосочетания. (...) Изменения в морфологическом строе языка обнаруживаются в расширении или сужении круга вариантных форм, т.е. словоизменительных вариантов. Такие варианты возникают внутри грамматической системы, часто при соприкосновении морфологических и синтаксических явлений» (Валгина 2003, с. 182; Панов 1968, с. 9). В случае НПО субстантивного происхождения речь идёт о сужении словоизменения до нуля, так как существительное в препозитивной позиции становится несклоняемым, практически переходя в категорию несклоняемых прилагательных.

Несклоняемое препозитивное определение

Атрибутивную функцию в предложении выполняет несколько членов предложения: согласованное и несогласованное определение, приложение, предикат (прежде всего, составное именное сказуемое и составной именной единый главный член) и дуплексив.

В последние годы кроме указанных случаев всё чаще встречаемся в русском и чешском языках с несклоняемым препозитивным определением¹¹. Препозитивный компонент в словосочетаниях с таким определением иногда характеризуется как несклоняемое прилагательное, хотя с точки зрения морфологии сущность таких определений, как мы отметили уже выше, может быть разная. Очень часто НПО имеет субстантивный характер. Речь идёт о таких словосочетаниях, как: *спорт бар, джентльмен клуб, ДСБ статистика, Газпром-Сити, VIP-больница, vodka party, Wicca kameny, Škoda auto, Liebherr mraznička, SMS zpráva* или *O₂ extraliga*. Такие определения ещё сравнительно недавно находились на периферии языковой системы и часто подвергались критике лингвистов. В. Шмилауэр

¹¹ Не до конца решённым, кажется, остаётся вопрос о том, как называть препозитивный компонент таких словосочетаний. Кроме нами предлагаемого термина, встречаемся, например, также с термином определение / атрибут с невыраженным (или «нулевым») согласованием (или «без согласования») (Kubík 1982, с. 71, 73; Flídrová, Žaža 2005, с. 70).

в книге *Novočeské tvoření slov* (1971) рекомендует избегать таких выражений, как *x-paprsky*, *T-železa*, *alfa-odstředivky*, *Philips-závody* или *Bristol-hotel* и рекомендует вместо них использовать сочетания *paprsky x*, *hotel Bristol* и т.п., которые гораздо больше отвечают характеру чешской языковой системы (Šmilauer 1971, с. 100). Но в последние примерно три десятилетия конструкция с НПО является весьма активной.

С несклоняемым определением, однако, встречаемся в русском (в меньшей степени и в чешском) языке уже достаточно давно. Первые такие определения, как указывает А. Бранднер, попали в русский язык ещё в XVIII веке, они продолжали пополнять словарный запас в XIX веке, и этот процесс продолжался также в веке XX (Бранднер 2001). Это такие слова, как: *беж*, *бордо*, *клёш*, *брутто*, *нетто*, *пиколо*, *коми*, *гала*, *макси* и др. в словосочетаниях *туфли беж*, *платье бордо*, *брюки клёш*, *вес брутто*, *вес нетто*, *флейта пиколо*, *литература коми*, *концерт-гала*, *гала-представление*, *брутто-прибыль* или *макси-юбка* (ср. с чешскими *lila hedvábí*, *blond vlasy*, *pepito kabát*, *khaki uniforma*, *prima dovolená*, *fajn člověk*).

В последнее время в русском языке появляется большое количество несклоняемых определений, которые, однако, в отличие от большинства прежних заимствований, стоят в препозиции. Этому процессу содействует ряд причин: широкое развитие торговых отношений и связанное с ним развитие рекламы и банковских услуг разного характера, бурное развитие вычислительной техники и другой электроники, а также преобладающая ориентация на англоязычный мир.

О том, что в последние годы встречаемся с принципиально новым явлением, свидетельствует и тот факт, что те несклоняемые прилагательные, которые заимствованы до 1980 г. (а некоторые ещё в XVIII и XIX вв.), были уже заимствованы как прилагательные (и в исходных языках чаще всего и являются прилагательными). И если некоторые из них выступают и как существительные, то субстантивную функцию у них чаще всего можно считать вторичной (ср. русские слова, приведённые выше, или чешские слова *ažur*, *běž*, *blond*, *bordó*, *fajn*, *fér*, *gala*, *glazé*, *kaput*, *khaki*, *lila*, *pepito*, *prima* и др.). Очевидно также, что таких слов в чешском языке гораздо меньше, чем в русском. В отличие от этого, в отношении НПО, которые попадают в русский и чешский языки в последнее время, чешский язык, по нашим предварительным подсчётам, никак русскому не уступает, хотя последовательная квантификация – это пока только дело будущего.

В отличие от прежних заимствований ядро тех определений, которые появились в русском и чешском языках в последнее время или были образованы по английскому образцу уже в русской или чешской языковой среде, представляют слова субстантивного характера, и функция определения у них является вторичной, следовательно, с точки зрения принадлежности этих слов к частям речи это процесс противоположный. Итак, наше внимание направлено на словосочетания, состоящие из двух компонентов, из которых первый выполняет по отношению ко второму функцию определения и не является склоняемым адъективом, чаще всего имеет субстантивное происхождение. Главное, т.е. детерминируемое существительное, может в предложении выполнять разные синтаксические функции. Сложные слова со слитным написанием интересуют нас только в той мере, в какой могут служить иллюстрацией процесса преобразования изучаемых нами словосочетаний в одно слово, отдельно ими, однако, не занимаемся. Те случаи, где зарегистрировано разное написание (например: *bio produkt / bioprodukt*, *боди-билдинг / бодибилдинг*), приводятся нами только как орфографический вариант. В нашу картотеку, наоборот, заносим единицы с дефисным написанием и рассматриваем их как переходный вариант между словосочетанием и сложным словом, например, *city-autobus*, *VIP-больница*. Таких единиц в чешском языке меньше, чем в русском, где они представляют собой весьма многочисленную группу, элементы которой часто отвечают двусловным словосочетаниям или сложным словам со слитным написанием в чешском языке: *сервис-центр – servisní středisko*, *масс-медиа (также масс медиа) – tasmédia* и т.п. В некоторых случаях в чешском языке зарегистрировано написание тремя разными способами (раздельно, через дефис и слитно), например, *demo verze / demo-verze / demoverze*.

Использование указанных словосочетаний в русском языке в большинстве случаев более приемлемо чем в чешском по той причине, что модель, по которой они созданы, в этом языке существовала уже раньше и была относительно продуктивна (ср. более старые сочетания *пресс-служба*, *пресс-конференция*, *штаб-квартира* и т.д.). Сочетания этого типа пишутся в русском языке через дефис. Это правописание сохраняет и большинство сочетаний, возникших в последнее время.

В наших прежних работах приводим классификацию словосочетаний с НПО с разных точек зрения: по синтаксической природе препозитивного компонента, по морфологической природе и составу атрибута, по происхождению препозитивного компонента, по происхождению всего слово-

сочетания, по способу написания и по семантике (см., например, Кеснер, Лингартова, Зоубкова 2011).

В качестве примера собранного языкового материала в настоящей главе приведём словосочетания, в которых в качестве НПО выступают **имена собственные**. Имя собственное, как известно, это слово или словосочетание, называющее конкретный объект и выделяющее его из ряда других объектов, индивидуализируя его. Этим самым оно противопоставлено имени нарицательному. На письме имена собственные отличаются тем, что пишутся с прописной буквы. Имена собственные различаются в зависимости от того, кого или что они называют.

В нами собранном материале мы встретили следующие типы имён собственных¹²:

I. Имена людей (антропонимы)

1. Личные имена:

бюро путешествий «Виктория лайн», туристическое агентство «Елена-Тур», Иван-чай, «Кармен-сюита» (В театре будет дан балетный вечер с недавним репертуарным приобретением «Кармен-сюитой» Бизе-Щедрина), Микки-Маус, «Цезарь Палас» (гостиница в Лас-Вегасе), «Цезарь Сателлит» (компания из области систем безопасности – охранная сигнализация от компании «Цезарь Сателлит»), Bob art (первое слово написано латиницей);

Alena Tour (СК Alena Tour – jsme cestovní kancelář s nabídkou vlastních zájezdů pro školy, kolektivy a jednotlivce), Cesare salám, agentura Daniela Models, Daniela Travel (Daniela Travel je specialistou na Jónské ostrovy – Řecko), Iva Tour, John květiny, J.R.Tour, Patrick klub (v Plzni), Petra Tour, Rudolf Reisen, Sappó klub (v Brně), Standa Reisen.

Особое место занимают названия с первым компонентом *Adamna*, а также название бюро путешествий *J.R.Tour. Adamna* – это сложносокращённое слово, возникшее сочетанием личного имени *Adam* и последних двух букв названия фирмы *Benzina*. Со словом *Adamna* встречаемся в сло-

¹² В качестве источников языкового материала были использованы наряду со словарными источниками также газеты «*Всё для вас*» (волгоградский выпуск), «*Аргументы и факты*», «*Метро (московская городская газета)*», «*Деловой Петербург*», «*Комсомольская правда*», *ISIC NEWS, Hradečák, Radnice* (informační zpravodaj statutárního města Hradce Králové), рекламные материалы и материалы сети Интернет.

восочетаниях *Adamna NET* (название фирмы) и *Adamna Cup* (название соревнования по спортивному ориентированию в Брно). Инициалы *J.R.* в названии фирмы *J.R.Tour* – это первые буквы личных имён её владельцев – *Jelena* и *Radek*.

Первым компонентом этих словосочетаний является, как уже было сказано, личное имя, причём сами они это чаще всего тоже имена собственные. Это нередко названия фирм, часто из области турбизнеса (но и других областей), и названия различных учреждений.

2. Фамилии:

Дисней-клуб, *Келли ретрактор*, *Паркер Retractor* (медицинские инструменты, названные в честь их конструкторов), *Левада-центр* (социологический центр, названный в честь его основоположника Юрия Александровича Левады (1930-2006)), *Максвелл Капитал*, *Максвелл Нефтегаз*, *Максвелл Телеком*, *Максвелл Фонд Акции*, *Максвелл Фонд Облигаций*, *Медисон-скуэр-гарден* (также *Медисон Сквер Гарден*, *Мэдисон Сквер Гарден*, *Мэдисон-Сквер-Гарден*, *Медисон-сквер-гарден*) (спортивный комплекс в Нью-Йорке в восточном углу Медисон-сквера) – спортивный комплекс и сквер названы в честь 4 президента США Джеймса Медисона (Мэдисона), *Монтессори-школа*, «*Рэдиссон САС Рояль Отель*» – «*Radisson Hotels*» – сеть гостиниц, названная в честь французского путешественника Пьера-Эспри Радиссона (1636–1710), *ТУСАР БАНК* (в текстах встречается также «*ТУСАРБАНК*» или *Тусарбанк*, хотя официальное название банка было «*Акционерный коммерческий банк «Тусар»*», *Yudashkin Jeans*;

Dítě Spedition, s.r.o. (*Firma Dítě Spedition poskytuje následující služby v oblasti dopravy*), *Dušek Tours* (*S cestovní kanceláři Dušek Tours můžeme strávit příjemnou dovolenou například v některé exotické zemi*), *Hoška-Tour / Hoška Tour* (*Cestovní kancelář Hoška-Tour nabízí všem zájemcům o cestování letní i zimní pobytové a poznávací zájezdy*), *Kozák Tour*, *Kučera tým* (флорбольная команда), *Louda tour*, *montessori škola*, *montessori systém*, *montessori principy*, *montessori vzdělávání*, *Pumr & Ryba Transport Spedition*, *Štefl-Tour*, *Žyla Fotbal Cup* (*Žyla* – фамилия организатора турнира), *Wellington BBQ gril* (гриль, по всей вероятности, называется по популярному блюду *hovězí Wellington* – по легенде любимому блюду герцога Веллингтона, победителя в битве под Ватерлоо, в честь которого получило своё название).

В качестве НПО здесь встречаются фамилии выдающихся личностей – учёных, изобретателей, политиков и др. В чешском языке и здесь преобладают фамилии владельцев фирм.

3. Имена сказочных персонажей:

Hejkal Tour (Cestovní kancelář HEJKAL TOUR – pobyty u moře, specializace na Chorvatsko, pobyty na horách) В этом названии бюро путешествий преппозитивный компонент, конечно, мог бы также быть и фамилией, но, поскольку по данным, которые можно найти в Интернете, владельцем фирмы является Франтишек Новотны, допустимо, по всей вероятности, предположить, что фирма названа в честь сказочного персонажа. Далее: *Mrazík tour / Mrazík-tour* (название турне с мюзиклом на льду *Mrazík*), *Pat a Mat shop (Pat и Mat – герои мультфильма, в русскоязычной среде известные под именами Тяпа и Ляпа)*.

Русские примеры с именами сказочных персонажей в функции НПО нами пока не обнаружены.

II. Географические названия

1. Хоронимы и ойконимы (названия частей света, стран, населённых пунктов, их частей и слова, образованные от них):

Китай-Город (исторический район Москвы), *Китай город* (торговый комплекс в Санкт-Петербурге), *Евро-Адрес* (информационно-поисковый портал, с помощью которого Вы можете осуществлять поиск справочной информации о компаниях, товарах и услугах), *ЕВРОПА-ТУР*, *Индия ТВ* (телевизионный канал), *«Гонконг Таймс»* (название газеты), *«Коламбия пикчерс»* (название компании), *Вятка-автомат-12* (стиральная машина), *ООО «Волгоград-Плитторг»* (производство мебели), *Ак таиш / Таиш-Инвест* (строительная компания в Казани), *Шанхай Таймс*, *ЦГИ Волгоград* *Garret Group Interantional* (ЦГИ – центр гражданских инициатив), *Тольятти-Инвест*, *Тольятти-Инвест Акции*, *«СПб-Курьер»* (полное название газеты – *«Санкт-Петербургский Курьер»*), *Скотленд-Ярд*, *«Самара-городок»* – название фильма (2004), *Нью-Йорк казино* (в Москве), *Новогорск парк* (микрорайон в составе города Химки, до 2004 г. *Новогорск* – посёлок в Химкинском районе Московской области), *Москва-Сити*, *«Майями-боулинг»* (в Москве), *Лобня Сити* (Лобня – город в Московской области недалеко от аэропорта Шереметьево), *Литвиново Сити* (жилой комплекс в посёлке Литвиново Московской области), *Аннино парк (Аннино*

– бывшая деревня на юг от Москвы, сейчас часть столицы), *Домодедово парк / Парк* (жилой комплекс в Москве), *Лахта Центр в Петербурге* (Лахта – район Петербурга);

Bahama relaxační lehátko (из рекламы), *Bělá Cup* (турнир по пляжному гандболу), *Bohemia chips* (торговое название изделия – продукта питания), слово *Bohemia* является также составной частью названия сети больниц в Чехии: *Bohemia Hospitals*, например, *ВН – Nemocnice Vimperk, a. s., Vožkov vodka*, в эту группу, скорее всего, можно включить также словосочетания с первым компонентом *Czech* и *Euro*: *Czech Outdoor Tour* (название соревнования) и *Czech outdoor Extrême Team* (название команды), *EURO-AV konektor* и *Euro Scart kabel*, *Eden Tour* (*Eden – райский сад*), *Eden Aréna* (спортивный комплекс в Праге, здесь *Eden* – часть Праги), *KV Arena* (*KV – Karlovy Vary*, дворец спорта), *Orlík Tour* (соревнования на горных велосипедах), *Pernštejn Cup* (соревнование по аутдор-спорту), *Praha – Karlštejn Tour* (соревнования на горных велосипедах), *Provance shop* (интернет-магазин декораций и квартирных аксессуаров из Франции), *Siam Travel* (*Siam* – прежнее название Таиланда), *Střekov Cup* (соревнования на горных велосипедах), *Тер Тур* (бюро путешествий, сокращение *Тер* – первый слог названия города *Теплице*), *Trotina Auto* (фирма в селе Тротина в восточной Чехии – автобазар), *Vitkovice Tours*. Наверное, в эту группу можно включить и название футбольного турнира *Čelej Cup* (НПО от названия города *Čelákovice*).

2. Оронимы (названия горных регионов):

Эльбрус info (независимый информационный портал по региону Приэльбрусью и горе Эльбрус);

В.Е.С.К.У.Д. Selection (название флорбольной команды), *Ještěd Tour* (соревнование на горных велосипедах), *Tatra Banka*, *Vysočina Cup* (соревнование по спортивному ориентированию), *Vysočina MX Cup* (соревнование по мотокроссу), *cestovní agentura Vysočina Tour (ve Žďáře nad Sázavou)*.

3. Гидронимы:

«*Волга-Билд Инжиниринг*» (группа строительных компаний в Волгограде), «*Волга Тур / тур*» (туристическая компания), «*Волга-Флот-Тур*» (туристический центр в Самаре), «*АДРИА-ТУРС*» (компания в Новосибирске), «*АДРИА ТУРС*» (компания в Петербурге), *Охта-центр* (Охта – река в Ленинградской области и восточной части Санкт-Петербурга);

Collegas Orlice Cup, Otava Cup (оба словосочетания – названия спортивных соревнований).

4. Космонимы:

Марс-ритуал (Марс-ритуал – полный комплекс ритуальных услуг), Орион Экспресс (Оператор «Орион Экспресс» транслирует более 45 каналов в цифровом качестве).

Географические названия (в том числе и космонимы) опять фигурируют в названиях фирм, различных учреждений и газет. Среди русских примеров часто встречаются названия микрорайонов и жилых комплексов, чешские примеры – это кроме названий, отмеченных выше, часто названия изделий и названия, имеющие отношение к спорту.

III. Другие названия

1. Название спортивной организации или спортивного мероприятия:

KXЛ ТВ;

Carting cup cena (в данном словосочетании *Carting cup* – это название соревнования, которое выступает в роли НПО), *FIBA mistrovství světa v basketbalu žen, HC Kometa Group (14 dní před startem nové sezony se situace vyhrocuje. Kometa odstraňuje z názvu „Brno“ a mění název klubu na HC Kometa Group), Slavia mobil, Slavia monofonní melodie, Slavia polyfonní melodie, Slavia vyzvánění na mobil* (последние четыре словосочетания связаны с проектом спортивного клуба «Славия» Прага), *Sparta online klub, Vikings Cup* (турнир по флорболу, Vikings – название флорбольного клуба в городе Копршивнице).

2. Сокращённое название государственного учреждения:

КГБ-мания, ДСБ статистика (Как следует из приведённой ДСБ статистики, самые коррумпированные – это сотрудники паспортно-визовой службы) (ДСБ – Департамент собственной безопасности МВД России).

Чешские примеры с сокращённым названием государственного учреждения в функции НПО нами пока не обнаружены.

3. Название фирмы:

Словосочетания с препозитивным компонентом, называющим фирму, – наиболее многочисленная группа. В неё вошло более 80 словосочетаний с НПО. Приводим только по 20 примеров из каждого языка:

Балтком сырок, ОАО «Газпром нефть», «Газпром-Сити» (Появились фото из роскошного "Газпром Сити" в Ухте), «ИКЕА Парнас (магазин в Петербурге), «Камаз-Мастер» (Торжественный старт команды «Камаз-Мастер» на ралли «Лисабон – Дакар – 2007»), ЛУКОЙЛ Фонд Консервативный, названия открытых паевых инвестиционных фондов управляющей компании «Метроль»: «Метрополь Афина», «Метрополь Зевс», «Метрополь Золотое руно», «Метрополь Посейдон», названия фондов компании «Пиоглобал эссет менеджмент»: Пиоглобал фонд акций, Пиоглобал фонд облигаций, Пиоглобал фонд сбалансированный, Райффайзен Банк банкоматы, Рамстор Капитолий, Рамстор-сити («Рамстор» – Ramstore – сеть продовольственных магазинов, принадлежащая турецкой компании Migros Türk), РИКОМ-акции («РИКОМ-ТРАСТ – название инвестиционной компании), Чибо Голд Селекшн, названия продуктов ООО «РТК-Инвест»: РТК-Инвест Акции, РТК-Инвест Облигации и др., Adidas-Дисконт;

AAA Auto Aréna (zimní stadion AAA Auto Aréna Havířov), Alza trendy, Apple computer, ASKO nábytek, Author Znovín Cup, Avon Lady / Gentleman, Billa Bonus body, Billa bonus club, BRENO koberce, Budvar aréna (v Českých Budějovicích), Cali Vita konference v hotelu Černigov, Hilton bar, CZECHOSTAV Vikend CUP 2009, ČEZ Aréna (v Ostravě), ČSOB pojišťovna, ČSOB Světové akcie, ČSOB Dynamický fond и др., Fortuna nabídka online, Fortuna Vikend šampionů, Gambrinus liga, Radegast Tour (название концертного турне группы Tři sestry, Радегаст – славянский языческий бог, название турне, однако, имеет отношение, скорее всего, к марке пива, которая так называется в его честь) и др.

В этой группе часто сочетания из области банковского дела, а также названия магазинов и различных продуктов, в чешском языке опять часто и названия мероприятий и учреждений из области спорта.

4. Интернет:

В русском языке, по данным нашего исследования, можно встретить очень большое количество единиц с первым компонентом *Интернет / интернет / Internet*. В нашей картотеке 34 таких сочетания, например: *интернет-банкинг, интернет-газета, интернет-гигант (Google), интернет-голосование, Интернет-доступ, интернет-издание, интернет-карта, интернет-каталог и др., Internet браузер.*

В чешском языке мы таких сочетаний не встретили, поскольку в чешском языке в подобных случаях употребляется прилагательное *internetový*: *internetové bankovníctví*, *internetový obchod* и др.

В нашу выборку не включено большое количество словосочетаний с НПО, где всё словосочетание является именем собственным, но само НПО таковым не является. Это единицы типа «Дельфин Тур», «Джаз Таун» (название клуба), «ИНТЕР ОКНА» (название компании), *Chata tour* (название агентства, предлагающего размещение в частных дачах), *Horizont Travel* (бюро путешествий), *Grill House* (название ресторана в Брно) и др. Так же мы в выборку не включили полностью иноязычные сочетания, написанные латиницей, которые явно не имеют отношение к русскому языку, несмотря на то, что мы их встретили в русском тексте. Наоборот, в нашу картотеку вошли сочетания, содержащие русское слово, несмотря на то, что всё сочетание написано латиницей. По этой причине среди наших примеров можно найти такие единицы как *Sakhalin Energy* или *Yudaskin Jeans*, но нет в ней сочетаний *Atlanta World*, *Calvin Klein jeans* или *IBM PC*, хотя они нам встретились в тексте, написанном на русском языке. Гибриды (кентавры), т.е. сочетания, в которых часть написана русской азбукой, а часть латиницей, типа *Эльбрус info*, *Internet браузер*, являются существенной частью нашей картотеки.

В целом нами проанализировано 252 (125 русских и 127 чешских) примеров сочетаний с именем собственным в качестве НПО. Очевидно, что собранный нами языковой материал не представляет собой однородную группу. В нём содержатся и словосочетания, заимствованные уже готовыми из английского языка, такие, как «Цезарь Палас» (гостиница в Лас-Вегасе), *Микки-Маус*, и единицы, о которых можно однозначно сказать, что они образованы уже в русско- или чешскоязычной среде: *бюро путешествий «Виктория лайн»*, *туристическое агентство «Елена-Тур»*, *Газпром Суми*, *ČEZ Aréna*, *Fortuna nabídka*, *Kučera tým* и др. В данной главе была нами проведена классификация по семантике препозитивного компонента. Нет сомнений в том, что все сочетания можно было бы делить по группам на основе и других классификаций (см. выше), но в таком случае бы наш текст намного бы превысил предполагаемый размер главы данной коллективной монографии.

СЛЕДЫ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В АПЕЛЛЯТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО, ЧЕШСКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Лукаш МАРШИК, Остравский университет, Острава
ID <https://orcid.org/0000-0001-7819-6566>

Введение в проблематику

Имя собственное является единственным объектом исследования ономастики, однако интерес к данной категории проявляют также другие лингвистические и даже разные гуманитарные дисциплины, как, например, лексикология, философия языка, литературоведение, фольклористика и т.п. В каждой из указанных выше дисциплин имена собственные представлены по-своему, но, как метафорически пишет Наталия В. Васильева, они всегда противопоставляются своим «вечным спутникам» – именам нарицательным, значит апеллятивам (Васильева 2009, с. 9).

Особым пластом словарного состава любого языка считаются наименования, которые были созданы на основе имён собственных. Данная категория наименований обладает рядом специфических черт. В специальной лингвистической терминологии принято употреблять для обозначения таких наименований термин *эпоним* (чеш. *eponutit* – пол. *eponim*).

С точки зрения исторического экскурса в данную проблематику необходимо отметить, что лексическая единица *эпоним* имеет два разных значения и в русском языке она наряду с этим имеет также два разных варианта ударения (*эпо́ним* и *эпо́ним*). С самого начала следует обратить внимание на тот факт, что термин *эпоним* до сих пор традиционно определяется во многих словарях, энциклопедиях и справочниках лингвистической терминологии как «лицо, от имени которого произведено название народа, местности и т.п.» (Ахманова 2016, с. 528; Тихонов, Хашимов 2008, с. 229), или как «лицо, чем-л. знаменитое, имя которого послужило для образования любого другого онима» (Подольская 1988, с. 150–151). На самом деле это первичное значение данной лексической единицы, которое в настоящее время уже постепенно устаревает и почти

не используется – его можно отнести скорее всего к ранней истории функционирования наименования *эпоним* в лексической системе языка. Как упоминает один из признанных авторитетов русского терминоведения Владимир М. Лейчик, примерно во второй половине XX века начинает данное выражение функционировать в качестве лингвистического термина и под понятием *эпоним* в настоящее время подразумевается «(...) не личное имя, давшее название объекту или процессу, а название самого объекта или процесса» (Лейчик 2011, с. 135). В связи с изменением семантики данного наименования переносится в русском языке также место ударения – раньше ударение в этом слове падало на третий слог (*эпо́ним*), но с появлением нового значения оно перемещается на второй слог (*эпо́ним*), благодаря чему в русском языке заключается четкое различие в толковании данной лексической единицы (Лейчик 2011, с. 135).¹³

Сложный характер эпонимов в качестве языковых единиц обусловил их неоднозначную трактовку и классификацию. На расхождения в терминологии отдельных славянских языков и равным образом на неточности в определении данного термина обращает внимание Мартин Олоштяк, автор словацкого словаря эпонимов. Наряду с этим он отмечает, что под эпонимами принято подразумевать также апеллятивы, созданные от имён собственных разными способами, хотя приведённое значение в лингвистических словарях пока фиксируется очень редко (Ološtiak 2021, с. 83). Также один из признанных авторитетов в области изучения эпонимов в русском языке Евгения М. Какзанова отмечает, что термином *эпоним* в настоящее время принято обозначать все моноксемные выражения, образованные от имени собственного либо безаффиксным способом, либо разными аффиксальными способами, а также полилексемные наименования, в составе которых встречается ономастический компонент, значит имя собственное или его дериват (Какзанова 2015а, с. 7).

---

¹³ С первичным значением данного понятия можно столкнуться также в чешских словарях и энциклопедиях лингвистической терминологии, в которых фиксируется понятие *эпоним* (ср. Pleskalová 2016, с. 436). Лингвистический термин *эпоним* в них пока не указан. В отличие от этого, в польских словарях фиксируется в рамках понятия *эпоним* наряду с его первичным значением также новая семантика данного наименования (ср. USJP 2003). В связи с этим отметим, что польский лингвист Владислав Копалиньски уже в конце XX века издал *Słownik eponimów czyli wyrazów odmiennych* (Kopaliński 1996), что на наш взгляд повлекло за собой закрепление данного значения эпонима в лингвистической терминологии польского языкознания. Словари эпонимов были изданы также в других славянских странах – например, в Хорватии (Mršić 2000) или Словакии (Ološtiak 2018).

Безусловно, имена собственные являются важным потенциальным источником формирования огромного количества производных и непроизводных наименований в терминологии и отчасти также в общепотребительной лексике любого языка. Кроме того, многие термины-эпонимы подвергаются процессу детерминологизации и с течением времени переходят из разряда узкоспециальной лексики в разряд лексики общепотребительной. Итак, сферы функционирования эпонимов достаточно разнообразны.

Когда имя собственное переходит в разряд имён нарицательных, оно наполняется новыми лексическими значениями и приобретает качества, характерные для имён нарицательных (Новинская 2004, с. 284–285). В русском, чешском и польском языках оно также утрачивает своё онимическое написание (т.е. начинает писаться со строчной буквы).

Процесс образования эпонимов обозначается в лингвистике терминами *эпонимизация* или *эпонимия* (Старичёнок 2008, с. 716) и он реализуется двумя основными путями. В случае перехода онима в апеллатив этот процесс в специальной лингвистической терминологии называется *деонимизацией* или *апеллятивацией*.¹⁴ От имён собственных могут образовываться также другие онимы, обозначающие названия единичных предметов. Данный переход имён собственных из одного ономастического разряда в другой обозначается термином *трансонимизация*.¹⁵ Кроме того, в рамках полилексемных терминов и фразеологических оборотов имена собственные (или их дериваты) сочетаются также с апеллятивной лексикой.

---

¹⁴ Результатом приведённого процесса являются *деонимы*. Они занимают промежуточное положение между ономастической и нарицательной лексикой. Владимир П. Нерознак и Рустам З. Ханичев для обозначения таких выражений употребляют термин *апеллоним*, причем под данным понятием они подразумевают «(...) любое нарицательное слово вне зависимости от его частеречной принадлежности, произошедшее от имени собственного, и в котором прослеживается его связь с (...) именем собственным, от основы которого оно и было образовано» (Нерознак, Ханичев 2002, с. 180). На данном месте следует отметить, что некоторые лингвисты деонимизацию (апеллятивацию) трактуют только в качестве трансформации имени собственного в имя нарицательное посредством семантической деривации, значит без учета морфологической деривации.

¹⁵ Результатом этого процесса являются *трансонимы*. Владимир М. Лейчик для названий имён собственных, созданных на основе других имён собственных, употребляет термин *онимы-эпонимы* (Лейчик 2011, с. 138). С этим особым типом эпонимов можно очень часто столкнуться в рамках наименований городов и других географических объектов (например, город *Афины* в Греции, город *Вашингтон* в США, российские города *Владимир*, *Киров*, *Ульяновск*, *Ярославль* и т.п.).

Эпонимы в свете культурологии

История появления слов в лексике определённого языка всегда интересна, причём особенно впечатляют слова, происхождение которых очень тесно связано с именами собственными (значит с реальными людьми или местами, с мифологическими существами и т.п.).

Таким образом, одной из характерных черт эпонимов является их историко-культурная значимость – имя собственное, запечатлённое в эпониме, способно стать частью культурного наследия. Оно выполняет мемориальную функцию и ссылается или на носителя данного имени собственного, или на место, которое было на определённом этапе с данным выражением либо прямо, либо непосредственно связано. «Потенциально переход в нарицательные свойствен всем именам с широкой известностью» (Суперанская 2012, с. 117). Итак, эпоним отличается особой культурной значимостью, хотя с течением времени его валюативный (значит ценностный) характер может реализоваться лишь в узком круге носителей конкретного языка или членов определённого лингвокультурного сообщества. В связи с этим Евгения М. Какзанова называет эпонимы памятниками имён собственных, которые были увековечены в нарицательных понятиях (Какзанова 2015а, с. 22).

С точки зрения происхождения, значит на основе этимологической связи эпонима с именем собственным, выделяет Евгения М. Какзанова три основные категории эпонимов – эпонимы антропонимического содержания, эпонимы топонимического содержания и эпонимы мифологического содержания (Какзанова 2015а, с. 45, 64, 74).

Источники фактического языкового материала

Настоящая глава написана в русле представления культурного аспекта в языке. Данное исследование обращает внимание на следы имён собственных в апеллятивной лексике русского, чешского и польского языков. Некоторые из таких имён собственных постоянно остаются в памяти людей, некоторые из них постепенно забываются и первоначальная отчётливая связь между эпонимом и его мотивирующим именем собственным становится с течением времени незаметной.

Источниками фактического материала для нами проведённого анализа становились моноксемные эпонимы, полученные методом сплошной выборки из толковых словарей эпонимов в русском и в польском языках –

«Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: Название и происхождение. От А до Z» (Какзанова 2015) и *Słownik eponimów czyli wyrazów odimiennych* (Kopaliński 1996). В связи с тем, что в чешском языкознании пока отсутствует систематизированный словарь эпонимов, для получения фактического материала мы пользовались словарём чешского литературного языка (SSČ 2016), в котором встречаются пометки, обозначающие, что выражение было образовано от имени собственного. Этимология и семантика анализируемых эпонимов была зачерпнута из упомянутых выше словарей.

Необходимо также отметить, что значимая часть эпонимов, присутствующих в словарном составе русского, чешского и польского языков, отличается интернациональным характером и является составной частью международного словарного фонда – с учётом особенностей конкретного языка они по своей внешней форме и по своему смыслу в разных языках совпадают. Данные интернациональные эпонимы были созданы в определённом языке-источнике (особенно в древнегреческом, латинском, французском или английском языках) и в словарный состав других языков (включая русский, чешский и польский языки) они вошли посредством заимствования.

Эпонимы антропонимического содержания

Наиболее частотную группу однословных эпонимов в лексиконе исследуемых языков представляют собой выражения, образованные от антропонимов. Среди них можно выделить названия, созданные на основе личных имён, фамилий, прозвищ, псевдонимов или титулов известных лиц и выдающихся деятелей разных сфер человеческой деятельности (например, королей, ученых, религиозных деятелей и даже обычных людей, которые в чем-то отличились). В настоящем разделе познакомимся с некоторыми из них.

Итак, в словарном составе русского, чешского и польского языков можно найти несколько названий, в которых запечатлены личные имена. Ярким примером наименований данного типа считается обозначение для славянского алфавита (русс. *кириллица* – чеш. *cyrilice* – пол. *cyrylica*), который получил своё название в честь славянского просветителя и проповедника христианства св. Кирилла, до принятия монашества Константина. Имя правителя Древней Персии Мавсола запечатлено в наименовании для монументального надгробного архитектурного сооружения (русс. *мавзолей*

– чеш. *mauzoleum* – пол. *mauzoleum*). На имя индейского вождя племени чероки Секвойи, изобретателя слоговой азбуки чероки, ссылается название одного из самых высоких видов североамериканского хвойного дерева (русс. *секвойя* – чеш. *sekvoje* – пол. *sekwoja*). Имя Спартака, руководителя восстания гладиаторов в Древнем Риме, запечатлено в названии для массового спортивного соревнования по нескольким видам спорта (русс. *спартакиада* – чеш. *spartakiáda* – пол. *spartakiada*).

Среди именных эпонимов можно найти также наименования, которые были созданы на основе личных имён женщин. К примеру, от имени принцессы Священной Римской империи Гортензии получило название растение *гортензия* (чеш. *hortenzie* – пол. *hortensja*). Согласно одной из версий происхождения, выражение *шарлотка* (чеш. *šarlotka* – пол. *szarlotka*), обозначающее сладкий пирог из яблок, запечённых в тесте, происходит от имени английской королевы Шарлотты Мекленбург-Стрелицкой, которая рецепт на этот пирог предложила (Какзанова 2015, с. 63).

Лишь в польском языке можно встретиться с выражением *ślawojka*, в котором прослеживается имя врача и бывшего польского министра внутренних дел Фелициана Славоя Складковского (Kopaliński 1996, с. 247). Данным наименованием обозначается тип сельского туалета, использование которого он популяризировал (ср. пол. *ślawojka* vs русс. *нужник* – чеш. *kadibudka*). На имя Юлия Цезаря ссылается интернациональное название седьмого месяца календарного года, которое употребляется также в русском языке. В отличие от этого, в чешском и польском языках в названии данного месяца сохранились исконные корни (русс. *июль* vs чеш. *červenec* vs пол. *lipiec*).

Огромное количество апеллятивных наименований было создано на основе фамилий известных лиц и деятелей – в рамках апеллятивных наименований антропонимического содержания данная категория эпонимов представляет наиболее частотную группу названий. С точки зрения гендерного аспекта почти все такие эпонимы были образованы от фамилий мужчин. К примеру, по фамилии англичанина Ч. Бойкота названо полное прекращение отношений с лицами или разными юридическими субъектами (русс. *бойкот* – чеш. *bojkot* – пол. *bojkot*). В интернациональном наименовании собаки *доберман* (чеш. *dobrman* – пол. *doberman*) запечатлена фамилия собаководы Ф.Л. Добермана. От фамилии чешского ботаника Георга Йозефа Камела из города Брно происходит название

кустарика камелии (русс. *камелия* – чеш. *kamélie* – пол. *kamelia*). Кроме того, в интернациональном наименовании дерева магнолии (русс. *магнолия*¹⁶ – чеш. *magnolie* – пол. *magnolia*) прослеживается фамилия французского ботаника Пьера Маньоля. Фамилия Николая Шовена, французского солдата наполеоновской армии, запечатлена в термине *шовинизм* (чеш. *šovinismus* [-ny-] и *šovinizmus* [-ny-] – пол. *szowinizm*), которым обозначается крайний национализм, проповедующий расовую и национальную исключительность. Шовен прославился своим слепым воинственным патриотизмом и стал также фигурой в нескольких литературных произведениях (Rejzek 2015, с. 698).

Кроме того, в русском языке было в первой половине XX века на основе фамилии донецкого шахтера Алексея Г. Стаханова создано наименование *стахановец* (чеш. *stachanovec* – пол. *stachanowiec*), обозначающее передовика, значит человека, работающего плодотворно и много. Указанное выше наименование относится к исторической эпохе существования СССР, его можно отнести к советизмам. Никита Б. Арнаут в связи с этим отмечает следующее: «Фамилия А.Г. Стаханова стала своеобразным сакральным символом, обозначающим образ героя в советской пропаганде» (Арнаут 2009, с. 226). В настоящее время выражение *стахановец* часто отличается ироническим характером и обозначает человека, работающего с целью, чтобы его заметили. В чешском и польском языках данное выражение используется очень редко и словари его не фиксируют.

Некоторые фамильные эпонимы не употребляются во всех исследуемых языках. К примеру, в наименовании стальной пластинки для бритвы в чешском и польском языках прослеживается фамилия американского изобретателя бритвенного станка К. К. Жилетта (чеш. *žiletka* – пол. *żyletka* vs русс. *лезвие для бритвы*). В чешском наименовании для безмоторного аппарата с треугольным крылом запечатлена фамилия одного из американских пионеров авиации Френциса Рогалло (чеш. *rogalo* vs русс. *дельтаплан* vs пол. *lotnia*).

Многие из таких эпонимических наименований часто обозначают специфичные реалии данного народа или его культуры. К примеру, традиционный салат русской кухни *оливье* был назван в честь своего создателя, французского шеф-повара в Москве Люсьена Оливье. Кроме того, в чешском языке используется название *hašlerka* для обозначения леденцов от

¹⁶ С самого начала в русском языке использовалось выражение *маньолия*, которое позднее трансформировалось в современное наименование (Какзанова 2015, с. 171).

кашля. В данном слове прослеживается фамилия известного чешского барда Карела Гашлера (Rejzek 2015, с. 216).

Лишь единичными случаями представлены в словарном составе исследуемых языков эпонимы, созданные на основе прозвищ или псевдонимов. К данным наименованиям можно отнести интернациональное название горячего алкогольного напитка *grog* (чеш. *grog* – пол. *grog*), происходящее от прозвища *старина Грог* британского вице-адмирала Эдварда Вернона, который советовал морякам вместо чистого рома пить ром, смешанный с водой (Какзанова 2015, с. 132). Далее, по псевдониму Доктор Эсперанто (в буквальном смысле *доктор надеющийся*), который использовал польский окулист Людвиг Лазарь Заменгоф, был назван искусственный язык *эсперанто* (чеш. *esperanto* – пол. *esperanto*), созданный им (Старичёнок 2008, с. 717). Всемирно известный псевдоним Ленин¹⁷, традиционно связывающийся с Владимиром Ильичем Ульяновым, запечатлен в термине *ленинизм* (чеш. равноправные графические варианты *leninismus* [-*niny*-] и *leninizmus* [-*niny*-] – пол. *leninizm*).

Проприативный титул¹⁸ Будда, который получил Сиддхартха Гаутама, основатель буддизма, прослеживается в названии этой индийской религии (русс. *буддизм* – чеш. графические варианты *buddhismus* и *buddhizmus* – пол. *buddyzm*). Латинское звание древнеримского императора Октавиана, которое он получил от римского сената, запечатлено в интернациональном названии восьмого месяца календарного года, которое употребляется также в русском языке (русс. *август* vs чеш. *srpen* – пол. *sierpień*).

Кроме того, своего рода промежуточное положение между эпонимами антропонимического содержания с одной стороны и эпонимами мифологического содержания с другой стороны занимают слова, созданные на основе имён библейских персонажей. К примеру, имя библейского Онана запечатлено в лексеме *онанизм* (чеш. *onanie* [-*ny*-] – пол. *onania*). В чешском языке можно найти название пасхальных батончиков *jidáše*, в котором запечатлено имя апостола Иуды Искариота.

¹⁷ В качестве интересного факта отметим, что также псевдоним Ленин является, по всей видимости, эпонимом. Хотя существует несколько легенд о происхождении данного псевдонима, многие исследователи склоняются к тому факту, что псевдоним Ленин происходит от названия реки Лены в Сибири, причём он был В.И. Ульяновым выбран случайно – по всей вероятности, по аналогии с псевдонимом тогдашнего лидера марксистов Г. Плеханова – Волгин, который был создан от реки Волги (Вольпер 1965, с. 42).

¹⁸ Авторский термин Евгении М. Какзановой (Какзанова 2015а, с. 55).

Эпонимы топонимического содержания

Следующую многочисленную группу однословных эпонимов в лексиконе исследуемых языков представляют собой наименования, созданные на основе топонимов. К ним относятся выражения, образованные от наименований разных современных и древних стран, областей, провинций, городов или населённых пунктов.¹⁹ К примеру, город Вифлеем запечатлен в названии рождественских вертепов (ср. чеш. *betlém* – пол. *stajenka betlejemska* или *szopka betlejemska*²⁰ – русс. *вифлеемская пещера*²¹). Выражение *гамбургер* (чеш. *hamburger* [-gr] – пол. *hamburger*) ссылается на немецкий город Гамбург. Данное название впервые появилось в меню в начале XIX века наряду с приходом немецких иммигрантов в США (Witalisz 2016, 128). В названии ткани *кашмир* (чеш. *kašmír* – пол. *kaszmír*)²² прослеживается Кашмир, значит наименование исторической области на севере Индии, откуда в Европу раньше импортировались шерстяные ткани. Французский регион Коньяк запечатлен в наименовании *коньяк* (чеш. *koňak* – пол. *koniak*). В наименовании *марафон* (чеш. варианты *maraton* и *maratón* – пол. *maraton*) прослеживается название известного древнегреческого города. Штат Чиуауа на севере Мексики дал название породе маленьких декоративных собак, которые там были выведены (русс. *чихуахуа* – чеш. *čivava* – пол. *chihuahua* [szilala]). Знаменитая винодельческими традициями область Шампань во Франции дала название популярному по всему миру игристому виноградному вину (русс. *шампанское* – чеш. *šampaňské* – пол. *szampan*).

В словарном составе исследуемых языков можно найти также наименования, в которых запечатлены названия других географических объектов: гор и горных хребтов (например, русс. *альпинизм* – чеш. графические варианты *alpinismus* [-ny-] и *alpinizmus* [-ny-] – пол. *alpinizm* или *alpinistyka*; русс. *карст* – чеш. *kras* – пол. *kras*; русс. *сионизм* – чеш. графич-

¹⁹ Названия разных географических областей в специальной ономастической терминологии называются хоронимами, названия населённых пунктов получили в специальной ономастической терминологии обозначение ойконимы, причём их составной частью являются астионимы (названия городов) и комонимы или хорионимы (названия сельских поселений) (Суперанская 2012, с. 187).

²⁰ В польском языке употребляется также словосочетание *szopka bożonarodzeniowa*.

²¹ В русском языке употребляются также синонимичные словосочетания *рождественский вертеп* или *рождественская пещера*.

²² В русском языке мотивирующее имя собственное подверглось искажению (ср. область *Кашмир* vs ткань *кашмир*).

ческие варианты *sionismus* [-ny-] и *sionizmus* [-ny-] – пол. *syjonizm*); архипелагов и островов (например, русс. *бермуды* – чеш. *bermudy* – пол. *bermudy*; русс. *бикини* – чеш. *bikiny* – пол. *bikini*; русс. *канарейка* – чеш. *kanár* или *kanárek* – пол. *kanar* или *kanarek*);²³ рек (например, русс. *меандр* – чеш. *meandr* – пол. *meander*)²⁴ или горячего источника (русс. *гейзер* – чеш. *gejzír* – пол. *gejzer*) и т.п.

Определённые наименования топонимического содержания употребляются лишь в некотором из исследуемых языков. Например, в чешском языке используется выражение *tatranka*, обозначающее в Чехии и Словакии популярные и традиционные вафли с макаными в шоколаде краями (SSČ 2016, с. 444). В данном выражении запечатлены Татры, значит название словацкого горного массива. Кроме того, в русском языке встречаются два синонимичных наименования для обозначения сорта белого креплёного вина – *шерри* и *херес*. Оба выражения образованы от названия испанского города Херес-де-ла-Фронтера (Какзанова 2015, с. 256), причём в чешском и польском языках употребляется, как правило, лишь английский вариант данного эпонима (ср. чеш. *sherry* [šery] – пол. *sherry* [szery]).

Эпонимы мифологического содержания

Общепризнанными эпонимами становятся также наименования, увековечившие в себе мифонимы и теонимы. По наблюдениям Александры В. Суперанской, мифонимия является своеобразным сектором ономастического пространства и его составной частью считаются наименования людей, животных, растений, народов и разных географических объектов, которые в действительности никогда не существовали (Суперанская 2012, с. 180). Евгения М. Какзанова данные эпонимы выделяет в самостоятельную категорию наименований мифологического содержания, причём она отмечает следующее: «Эпонимические интернационализмы, образованные от мифонимов, – это особый пласт языка, в котором находит своё отражение культура народов мира» (Какзанова 2015, с. 76). Культурная ценность таких наименований также значительна. Мифами была раньше пропитана

²³ Названия разных объектов сухопутной поверхности земли в специальной ономастической терминологии называются оронимами (Суперанская 2012, с. 186).

²⁴ Названия рек в специальной ономастической терминологии называются потанонимами и они являются специальным разрядом гидронимов, значит названий водных объектов (Суперанская 2012, с. 186–187).

почти вся повседневная человеческая деятельность, на них было раньше основано общее мировоззрение.

Использование имён мифических существ при образовании слов не является редкостью. В европейских языках данные эпонимы были созданы преимущественно от наименований богов и демонов, восходящих к античной мифологии. Такие наименования опять очень часто получили широкое распространение и считаются интернационализмами. Итак, в наименовании *вулкан* (чеш. *vulkán*²⁵ – пол. *wulkan*) прослеживается имя древнеримского бога огня Вулкана. Имя древнегреческого бога сна Гипноза запечатлено в интернациональном термине *гипноз* (чеш. *hypnóza* – пол. *hipnoza*). По имени юноши Нарцисса из древнегреческой мифологии, который влюбился в свое отражение в воде, была названа исключительная самовлюбленность (русс. *нарциссизм* – чеш. графические варианты *narcismus* и *narcizmus* – пол. *narcyzm*). Далее, от имени древнеримской богини цветов Флоры было создано название *флора* (чеш. равноправные варианты *flora* и *flóra* – пол. *flora*), обозначающее совокупность всех растений. Злобная и сварливая женщина во всех трёх исследуемых языках называется по имени древнеримской богини мщения Фурии (русс. *фурия* – чеш. *fúrie* – пол. *furia*). Кроме того, такая женщина в русском, чешском и польском языках может называться также по имени древнегреческой богини мщения Мегеры (ср. русс. *мегера* – чеш. *megera* – пол. *megiera*). Далее, имя финикийского бога войны Молоха запечатлено в названии *молох* (чеш. *moloch* – пол. *moloch*).

В чешском и словацком языках можно столкнуться с выражением *meluzína*, обозначающим завывающий ветер, или точнее его звук, очень часто доносящийся из дымоходов. Выражение было создано на основе имени женского мифического существа из французских легенд и сказок – феи Мелюзины / Мелизанды, которая также стала героиней в средневековом французском рыцарском романе *Мелюзина* (Ološtiak 2018, с. 195; Rejzek 2015, с. 410). В русском и польском языках данный ветер не имеет никакого специального названия. В русском и в польском языках употребляется название третьего месяца календарного года, в котором прослеживается имя древнеримского бога войны Марса (русс. *март* – пол. *marzec* vs чеш. *březen*). В чешском и польском языках опытный вождь или старейшина называется по имени Нестора, одного из старших и наиболее опытных

²⁵ В чешском языке данное наименование имеет синоним *sopka*, который используется чаще.

участников легендарной Троянской войны в древнегреческой мифологии (ср. чеш. *nestor* – пол. *nestor vs* русс. *старейшина* или *патриарх*).

В данную категорию эпонимов мифологического содержания можно включить также наименования, созданные на основе имён героев из разных литературных произведений, фильмов, опер и т.п. К примеру, на имя известного литературного персонажа, легендарного испанского аристократа и обольстителя женщин Дон Жуана (Дон Хуана), ссылается в русском, чешском и польском языках название для волокиты или искателя любовных приключений (русс. *донжуан* – чеш. варианты *donchuan* и *donchuán* – пол. *donżuan*). От имени фотографа Папараццо из фильма известного итальянского кинорежиссера Федерико Фелинни *Сладкая жизнь* был введён в обиход интернационализм, обозначающий назойливых фотографов (русс. *папарацци* – чеш. *raparazzi* [*raparaci*] – пол. *raparazzi* [*raparacc-i*]). По имени свинопаса Сифила из средневековой поэмы, написанной венецианским врачом и писателем Джироламо Фракасторо, было названо венерическое инфекционное заболевание *сифилис* (чеш. *syfilida* или *syphilis* – пол. *syphilis*).

К эпонимам мифологического содержания можно отнести также несколько слов, созданных от мифотопонимов. Ярким примером таких выражений считается нарицательное имя *эльдorado* (чеш. *eldorádo* – пол. *eldorado*), которым обозначается место неиссякаемых богатств. Слово было создано от названия мифической золотой страны Эльдorado, которую стремились найти многие американские золотоискатели. На основе названия фантастической страны Лилипутии и её крошечных жителей из романа *Путешествие Гулливера* английского писателя Джонатана Свифта было создано слово *лилипут* (чеш. варианты *liliput* и *lilipután* – пол. *liliput*), обозначающее человека маленького роста.

Другие эпонимические наименования

В лексическом составе русского, чешского и польского языков можно найти также выражения, в которых прослеживаются разные другие имена собственные. К примеру, в общеупотребительной лексике польского языка можно встретиться с выражением *rower* (ср. русс. *велосипед* – чеш. *jízdní kolo*), происходящим от названия бывшей британской фирмы Rower, которая в определенное время занималась производством велосипедов (Kopaliński 1996, с. 234). В чешском и польском языках употребляется также специальное название, обозначающее кассовый чек (чеш. *paragon* –

пол. *paragon vs* русс. *кассовый чек*). По всей видимости, данное слово было создано от названия бывшей немецкой фирмы, производящей такие чеки ещё в виде блоков (Rejzek 2015, с. 493). На основе названия старейшего в мире этнографического музея под открытым небом в шведской столице Стокгольме появился в чешском и польском языках интернационализм, обозначающий в настоящее время любой музей под открытым небом (чеш. графические варианты *skansen* и *skanzen* – пол. *skansen vs* русс. *музей под открытым небом*).

В чешском и польском языкознании к именам собственным относятся также этнонимы, значит названия народов и народностей (ср. Dereń 2005, с. 17–18; Pleskalová 2016a, с. 439). На этом месте следует отметить, что в русском языкознании этнонимы в ономастическое пространство обычно не включаются. Признанный специалист в области русской ономастики Александра В. Суперанская отмечает, что «(...) по своим лингвистическим характеристикам этнонимы – нарицательные имена» (Суперанская 2012, с. 211). Данная точка зрения поддерживается тем фактом, что в русском правописании, в отличие от чешской или польской орфографии, этнонимы не пишутся с прописной буквы. Однако, граница между именами собственными и именами нарицательными всё-таки размыта и чётко определённых пределов между указанными выше категориями пока не было вполне установлено. В связи с этим определённая часть российских учёных считает принадлежность этнонимов к разряду нарицательных имён спорной.

Учитывая точку зрения чешского и польского языкознания, к эпонимам можно отнести также выражения, в которых прослеживается название народа или племени. Например, на основе названия древнегерманского племени вандалов, которые разграбили древний Рим, было создано выражение *вандал* (чеш. *vandal* – пол. *wandal*), обозначающее во всех трёх исследуемых языках человека, уничтожающего разные материальные и культурные ценности. В названии архитектурного стиля европейского средневековья прослеживается наименование древнегерманского племени готов (русс. *готика* – чеш. *gotika* [-ty-] – пол. *gotyk*). На наименование хорватов ссылается интернационализм французского происхождения *cravat*, который посредством заимствования вошел также в лексический состав чешского и польского языков (ср. чеш. *kravata* – пол. *krawat vs* русс.

галстук).²⁶ По всей вероятности, от мазуров, наименования жителей исторической области Мазовии на территории Польши, было создано название польского народного танца (русс. *мазурка* – чеш. родовые варианты *mazurek* и *mazurka*²⁷ – пол. *mazurek*) (Kopaliński 1996, с. 185).

Заключение

В данной главе была рассмотрена лишь небольшая часть наименований в лексическом составе русского, чешского и польского языков, в рамках которой прослеживаются тени имени собственного. Однако, как показывает материал, такие лексические единицы представляют собой пёструю смесь разных типов названий и их исследование является интересным не только в лингвистическом аспекте, но также с культурологической точки зрения. Данные выражения обогащают словарный состав любого языка, вызывают интерес к истории и культуре и углубляют знания носителей языка.

---

²⁶ В XVII веке хорватские наёмные солдаты во французской армии носили платок, завязанный вокруг горла. Это понравилось французским офицерам и наименование хорватов было запечатлено в названии этого модного мужского аксессуара (т.е. платка, завязанного „*a là croate*“). С XVIII века потом галстук стал неотъемлемой частью мужской одежды (Rejzek 2015, с. 343).

²⁷ Тереса З. Орлош обращает внимание на то, что в рамках чешских родовых вариантов *mazurek* – *mazurka* носители чешского языка чаще предпочитают использовать данное название в форме женского рода. По её наблюдениям, это результат влияния другого языка, по всей видимости русского или французского (Orłós 1987, с. 121).

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НАУЧНОГО СТИЛЯ (ВВОДНЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКО-ЧЕШСКОМ СОПОСТАВЛЕНИИ)

Габриэла МАТЫАШКОВА, Остравский университет, Острава
ID <https://orcid.org/0009-0009-2499-5915>

Собственно научный подстиль, на материале которого проводится исследование, определяется как разновидность научного стиля речи. По определению М.Н. Кожиной, Л.П. Дускаевой и В.А. Салимовского: «Научный стиль представляет научную сферу общения и речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания; отражает теоретическое мышление, выступающее в понятийно логической форме» (Кожина, Дускаева, Салимовский 2011, с. 289). В данном подстиле отмечается стремление к точности, однозначности и логичности выражения. С целью обеспечить вышеприведенные качества часто используются синтаксические средства, такие как вводные слова и словосочетания, которые являются предметом исследования в настоящей главе.

Вводные выражения в русско-чешском сопоставлении

По своей сути, вводные выражения являются комплексным, неоднородным и, следовательно, трудноквалифицируемым средством выражения. Таким образом, многомерная характеристика вводных слов и выражений может быть описана с точки зрения трёх критериев – грамматического, семантического и прагматического.

1 Грамматический критерий

В чешских грамматиках, по мнению автора П. Карлика (Karlík et al. 2012–2018), выделение вводных выражений является несогласованным и неоднозначным. Для вводных выражений характерна синтаксическая отстранённость, нулевое синтаксическое отношение, так как это не связанные синтаксически с предложением слова, выражающие побочную линию ре-

чи, побочное сообщение. Вводные выражения могут быть сентенциальными, несентенциальными / вербальными, то есть имеют форму и статус предложения, фразы или слов. На письме они отделяются или запятыми, или тире, или скобками, кроме однословных вводных выражений, т.е. вводных слов.

С точки зрения динамики данного языкового средства, обычно проводится различие между текущими (т.е. случайными) и устойчивыми (т.е. лексикализованными) вводными выражениями. По устойчивости выражения Й.В. Бечка (Ве́чка 1992, с. 190–191) выделяет 3 типа вводных выражений:

а) Вводные выражения «parenteze». Они не являются членами предложения, выделяются на письме или запятыми, или тире, или скобками. Имеют значение замечания, пояснения, заметки.

б) Устойчивые вводные выражения «pokleslé parenteze» имеют значение частицы, указывают на модальность предложения или окрашивают его оценочным отношением, напр., *bohužel*, не выделяются на письме запятыми.

в) Второстепенные вводные выражения «sekundární parenteze» – это члены предложения с функцией вводного выражения, их, как правило, ставят в скобки. Они имеют значение пояснения, заметки, часто встречаются в научном стиле речи. Второстепенные вводные выражения показывают градацию, важность членов предложения, позволяя автору отклониться от основного направления содержания предложения.

Основная характеристика вводных слов и выражений в **русской** традиции приведена академической грамматикой, представляющей собой основное положение В.В. Виноградова в сфере вводных слов и выражений. «Вводными называются слова, грамматически не связанные с членами предложения (т.е. не связанные с ними по способу согласования, управления или примыкания), не являющиеся членами предложения и вносящие в предложение дополнительные модальные, эмоциональные и экспрессивные значения» (Виноградов 1972, с. 552–554). В русской грамматической теории их также отличают от вставных предложений, так как вставные предложения содержат различного рода добавочные замечания, попутные указания, уточнения, поправки, разъясняющие основное предложение в целом или отдельное слово в нём, иногда резко выпадающие из синтаксического целого. Но они не выражают модальные значения и также не могут стоять в начале основного предложения. Эти положения стали достоянием

вузовского преподавания в учебнике Д.Э. Розенталя, И.Б. Голуб и М.А. Теленковой.

Здесь отмечается в русской лингвистической традиции тонкая связь между **морфологическими и синтаксическими** категориями. В частности, речь идёт о выделении В.В. Виноградовым самостоятельной части речи «модальные слова» – разнообразной по форме и происхождению, но единой по функции, выполняемой в предложении, см. «Сам В.В. Виноградов, как известно, очень широко понимал вводно-модальные слова, причисляя к ним языковые единицы (слова и выражения), позволяющие говорящему с разных сторон оценить содержание и форму высказывания» (Шигуров 2016, с. 60–63). И эти «вводно-модальные компоненты текста служат одним из важнейших средств экспликации в языке категории субъективной модальности» (там же).

Как видно, только тип «*pokleslé parenteze*» в концепции Бечки соответствует пониманию вводных выражений в русском языке, т.е. вводных слов и словосочетаний. Кроме того, сравнивая русский и чешский языки, Г. Флидрова и С. Жажа (Flídrová, Žaža 2013, с. 83) утверждают, что формальная разница между вводными выражениями (вводными словами и словосочетаниями) заключается в том, что русские всегда выделяются запятыми. См. примеры.

Bádání ve Feryho tajné přineslo mimo jiné nemalé množství zvířecího osteologického materiálu jak pleistocenního, tak i holocenního stáří. (RobJes с. 252)

Классический способ изучения степени преобразованности ОВ состоит в определении отражающей способности витринита и, в меньшей степени, других микрокомпонентов рассеянного ОВ. (ГусПод с. 54)

Традиционной для русской грамматической традиции описания вводных слов и выражений является классификация В.В. Виноградова, а именно по **морфологическому** критерию. Вводные слова именного типа выражаются именами существительными, именами прилагательными, местоимениями и также наречиями (*без сомнения, самое главное, кроме того, безусловно*), а глагольного типа выражаются личными формами глагола, инфинитивами и деепричастиями (*полагаю, кстати сказать, короче говоря*).

2 Семантический критерий

С точки зрения семантики, вводное выражение нарушает поток речи, но оно имеет связь по значению. В чешской грамматической традиции Б. Руликова (Karlík et al. 2012–2018) распределяет вводные выражения (ВВ) на 3 группы по их содержанию:

а) ВВ передаёт дополнительное объективное сообщение к содержанию (*Tento problém – a je to závažný problém etosu lidské práce – hrdina neřeší*);

б) ВВ передаёт субъективные заметки автора, касающиеся модальности, оценки, эмоций, способа оформления и использования выражения, композиции речи, ориентирующее слушателя в речи (*Tato statistika by byla, jak se domnívám, smutná. Objevuje se v něm – a to je skoro div – poezie. Je tu, jak jsme už naznačili, celá škála významů.*);

в) ВВ передаёт фатический аспект, т.е. имеет функцию установления контакта с публикой (*Na nějaké tancovačku, to víte sám, není pak už kdy*).

Хотя эта классификация, по словам автора, охватывает только вводные предложения, с той же самой функцией можно употреблять и вводные слова и словосочетания, а именно группу б.

В русской традиции базовая классификация определяет с точки зрения семантики 9 основных групп вводных слов и словосочетаний:

а) выражающие чувства говорящего (радость, сожаление, удивление и т.д.) в связи с сообщением (*к сожалению, к счастью, к ужасу*);

б) выражающие оценку говорящим степени достоверности сообщаемого (уверенность, предположение, возможность и т.д.: *несомненно, кажется, в сущности*);

в) указывающие на связь мыслей, последовательность их изложения (*значит, например, следовательно*);

г) указывающие на приёмы и способы оформления мыслей (*иначе говоря, лучше сказать, словом*);

д) указывающие на источник сообщения (*говорят, по-моему, по словам*);

е) представляющие собой призыв к собеседнику или к читателю с целью привлечь его внимание к сообщаемому, внушить определённое отношение к излагаемым мыслям, приводимым фактам (*извините, поверьте, пожалуйста*);

- ж) указывающие оценку меры того, о чём идёт речь (*без преувеличений, по крайней мере, самое большее*);
- з) показывающие степень обычности того, о чём говорится (*бывало, по обыкновению, случается*);
- и) выражающие экспрессивность высказывания (*по совести, смешно сказать, честно говоря*).

Сравнение показывает, что классификация Б. Руликовой является более детальной и синтезирующей. Однако в целях данной работы наша классификация будет базироваться на принятой в русской грамматической традиции базовой классификации.

По мнению учёных М.Н. Кожиной и других (Кожина, Дускаева, Салимовский 2011, с. 295), в простом и сложном предложениях широко используются вводные слова и словосочетания, и они выполняют несколько функций: подчёркивают логику мысли, последовательность изложения, например, *во-первых, следовательно, итак, таким образом, с одной стороны*, и также показывают ход рассуждений. Кроме того, данное средство выражения реализует требование чётко указывать на отношения между частями высказывания, ср. группу по вышеуказанной базовой классификации.

Г. Флидрова (1998, с. 196) в своей работе сосредоточилась на вводных словах, соединяющих отдельные части текста научного стиля, т.е. обеспечивающих когезию текста. Это вводные слова, «которые выражают отношение данной мысли к предыдущей или последующей речи (...)» (Флидрова 1998, с. 169). Данные вводные слова соединяют части текста «на основе специфических семантических отношений между ними» (там же, с. 170). В частности, выделяется 6 подтипов семантических отношений, соответствующих двум разным группам по приведённой нами базовой классификации:

- а) вводные слова, выполняющие обобщающую, резюмирующую функцию (*итак, следовательно, в общем*);
- б) вводные слова, используемые для выделения наиболее значимой части текста (*главное, главным образом, прежде всего*);
- в) вводные слова, указывающие на противопоставленность одной части изложения другой (*напротив, наоборот, с одной стороны*);
- г) вводные слова, соотносящие общее и частное (*именно, например*,

с частности);

д) вводные слова, композиционно связывающие части текста (*во-первых, во-вторых, наконец*);

е) вводные слова, характеризующие способ оформления мысли (*иными словами, вернее, точнее*).

Как мы видим, первые 5 типов по классификации Г. Флидровой (а–д) соответствуют 3-му типу по классификации Д.Э. Розенталя и др., 6-й тип (е) соответствует 4-му типу по классификации Д.Э. Розенталя и др.

Г. Флидрова в своём анализе пришла к выводу, «что в русских научных текстах существует большая спаянность их частей, что в них более последовательно и точно выражается логический ход мыслей и более чётко определяются связи между ними» (1998, с. 171). Автор подчёркивает большую эксплицитность русских научных текстов и, следовательно, лёгкую ориентацию в тексте, ср. «Из нашего анализа присоединительных коннекторов и текстовых ориентиров в русском и чешском языках вытекает, что в русских научных текстах более последовательно и точно выражается логический ход мыслей и более чётко определяются связи между ними, чем в чешской научной речи. Следовательно, русские научные тексты отличаются по сравнению с чешскими большей формальной эксплицитностью» (Flídrová 2008, с. 71).

3 Прагматический критерий

С точки зрения прагматики, существенным признаком считается то, что вводное выражение выражает второстепенную информацию, представляя собой отклонение от основной темы. Поэтому оно является одним из средств «рельефизации текста» (*reliéfizace textu*), т.е. сигнализирует о том, какие части текста являются более информативно важными, какие составляют основную тему и какие побочную тему (Karlík et al. 2012–2018).

Я. Гоффманнова (Hoffmannová 1983, с. 48) приводит также термин **иерархизация**, т.е. выделение определённой информации в тексте в соответствии с её важностью. Я. Гоффманнова в области композиции текста характеризует ориентиры, которые автор связывает с морфологической категорией модальных слов, напр., *to znamená, nakonec, zaprvé, a tak, naopak, na druhé straně* (Hoffmannová 1983, с. 109). По мнению автора (с. 110–111), к ориентирам можно отнести средства, выражающие структуру времени и пространства (*zde, na tomto místě, dosud*). В свою очередь,

Ф. Данеш (Daneš 1999, с. 174–175), занимаясь ориентирами, называет их проводниками по тексту (*průvodci po textu*). Они являются ссылками на место, время, процесс, напр. *výše, dále, dříve než, vraťme se*, и средствами присоединения единицы текста, главным образом в научном стиле речи, напр., *navíc, kromě toho, nejprve, počínaje, již zmíněný, uvedený, na závěr, konečně*. Ф. Данеш тоже приводит выражения, типичные для научного стиля речи, в частности, парафраз *jinak řečeno, jinými slovy* (там же, с. 120).

В русской традиции в связи с требованием к логичности научной речи подчёркивают «активное использование связующих фраз и метатекстовых конструкций» (Головки 2020, с. 53). С их помощью выражаются логические переходы и ссылки, напр., *в первую очередь, рассмотрим далее, таким образом, наконец*. Эти средства связности текста активно используются в композиции. М.Н. Кожина относит их к ориентирам, к так называемым метатекстовым конструкциям, или средствам морфологического и синтаксического плана с функцией метатекстовой связи.

Сравнивая русский и чешский языки, чешскими эквивалентами русских вводных слов и словосочетаний являются разные части речи и синтаксические конструкции. Г. Флидрова (1998, с. 171) утверждает, что «во многих случаях русским вводным словам соответствуют в чешском языке разные, по значению менее чёткие лексикализованные выражения типа *tedy, proto, tak, pak*, которые не обособляются, в большинстве случаев не стоят в начале предложения (...)

». Й.В. Бечка данные лексикализованные выражения называет «*pokleslé parenteze*». Они выступают в роли частицы и на письме не выделяются запятыми. В настоящей главе исследуются только вводные слова и словосочетания в русском языке и устойчивые вводные выражения с функцией частицы в чешском языке, а именно с точки зрения семантики.

Анализ

Ниже предлагается анализ семантического плана функционирования вводных слов и словосочетаний в русском языке и «*pokleslé parenteze*» с функцией частиц в чешском языке. Хотя в чешском языке интерпретация может быть неточной, спорной. Собранный нами материал, это выписанные примеры из русских и чешских собственно научных текстов из области палеонтологии: 4 статьи русского текста и соответствующего количества чешского текста, не являющиеся их переводами.

Необходимо подчеркнуть, что в чешском языке лексикализованных выражений с функцией вводных слов гораздо меньше (38% всех выписанных примеров), чем вводных слов в русском языке (62%). В собранном материале выделены функционально-семантические группы, соответствующие приведённой нами базовой классификации и учитывающей Г. Флидровой. В материале отмечены вводные слова и выражения следующих групп:

в) указывающие на связь мыслей, последовательность их изложения, 5 подгрупп по Г. Флидровой:

ва) выполняющие обобщающую, резюмирующую функцию

K specifickým podmínkám sedimentace naftových akumulací, mimo jiné, patří značné odstranění zóny nahromáčení uhlovodíkových sedimentů (...). (ГусПод с. 54)

Tak, vypracovanost zásob tyňské svity tvoří pouze 5% (Fedorová et al., 2016). (ЖукЭво с. 63)

Kromě toho, pyrolytické ukazatele v vzorcích jednoho i téhož litotypu, ale z různých stratigrafických úrovní, jsou výrazně rozdílné. (ГусПод, с. 55)

Celkově mechovky indikují hloubky do 100 m. (GreFau с. 46)

Nadto není jejich klasifikace dosud pevně ustálena – Vallon et al. (2016) navrhuje pro tuto kategorii fosilních útvarů termín „cecidotaxa“. (PonDok с. 5)

вб) использующиеся для выделения наиболее значимой части текста

Studované vzorky pocházejí, hlavně, z sinkalťtinской, эпиканской и эльгинской свит. (ДзюНов с. 59)

вв) указывающие на противопоставленность одной части изложения другой

Na druhé straně kladivoun Sphyrna zyganea (Linn.) žije v menších hloubkách od 0 do 200 m (Compagno et al.) stejně jako demersální Dasyatis pastinaca (Linn.) (...). (GreFau с. 51)

Naopak v žádné z vrstev nebyly objeveny kosti, které by byly jednoznačně určitelné jako pozůstatky medvěda jeskynního (Ursus ex gr. spelaeus). (RobJes с. 257)

вг) соотносящие общее и частное

Neznámo také, proč nebyly nalezeny urolity nautiloidů na různých věkových úrovních, například, v mezozoju. (НазКон с. 40)

вд) связывающие части текста в композиции

A nakonec vždy jen jedna fragmentární kost byla nalezena v případě lva jeskynního. (RobJes с. 257)

Zjištěné taxony korelují s výše uvedenými paleoekologickými závěry studia fosilní flóry (Prokop 2003). (PonDok с. 5)

В исследованных материалах встречалось и особенно много вводных слов и словосочетаний группы б по базовой классификации, которая заняла второе место по частотности (выражающие оценку говорящим степени достоверности сообщаемого – уверенность, предположение, возможность и т. д.

По-видимому, наличие и количество загрязнения зависят не от исходного состава объекта, а от характера его поверхности (...). (НазКон с. 40)

Конодонтам было безразлично их положение в пространстве, вероятно, они могли хорошо управлять этим положением. (НазКон с. 37)

Jediný větší, ale nekompletní zub, patří pravděpodobně rodu Carcharias. (GreFau с. 51)

Кроме того, в меньшем количестве встречались следующие группы вводных слов и словосочетаний по базовой классификации (см. выше):

г) указывающие на приёмы и способы оформления мыслей, (см. характеризующие способ оформления мысли по Г. Флидровой),

Studované písky a štěrky holešovských vrstev kroměřížského souvrství jsou interpretovány jako sedimenty gravitačních proudů, přesněji hustých turbiditních proudů (...). (GreFau с. 51)

д) указывающие на источник сообщения,

Данные интервалы, по нашему мнению, являются наиболее пригодными к отбору проб для анализа катагенетической зрелости ОБ. (ГусПод с. 55)

ж) указывающие оценку меры того, о чём идёт речь,

Классический способ изучения степени преобразованности ОБ состоит в определении отражающей способности витринита и, в меньшей степени, других микрокомпонентов рассеянного ОБ. (ГусПод с.54)

з) показывающие степень обычности того, о чём говорится.

Как правило, в разрезе этих рек отмечается несколько достаточно крупных аллювиальных ритмов – от 0,7 до 10 м мощностью. (ЖукЭво с. 63)

Наиболее частотной и объёмной группой примеров в нашем материале является по нашим данным группа, указывающая на связь мыслей, последовательность их изложения (группа в по базовой классификации). В русском языке наиболее распространены подгруппы ва и вг, в чешском – ва и вв.

В нашем материале не фиксируются вводные слова и выражения некоторых групп, т.е. выражающие чувства говорящего (радость, сожаление, удивление и т.д.) в связи с сообщением, представляющие собой призыв к собеседнику или к читателю с целью привлечь его внимание к сообщаемому, внушить определённое отношение к излагаемым мыслям, приводимым фактам, и выражающие экспрессивность высказывания.

Что касается отдельных вводных выражений, то самыми употребляемыми по частотности в русском материале являются: *кроме того, например, по-видимому*, и в чешском: *například, především, resp.* Можно ещё добавить, что из анализа очевидно, что однословные вводные выражения преобладают в чешском языке, а многословные в русском. Итак, подтверждается тенденция русского языка к аналитическим, многословным выражениям, например, *главным образом, кроме того, прежде всего, tedy, zde, zpravidla*. С точки зрения грамматики, в чешском языке вводные выражения считаются устойчивыми средствами на уровне частиц, в русском тексте они чётко отделяются от потока речи в аспекте семантики и формы, что выявляется в особенностях русской и чешской пунктуации в области вводных слов и словосочетаний: обязательности запятых в русском языке и необязательности в чешском языке.

Заключение

Анализ собранного нами эмпирического материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Примеры из современных русских и чешских собственно научных статей (текстов по палеонтологии) подкрепили исходный тезис о том, что особенности собственно научного подстиля оформлены определёнными грамматическими средствами, в нашем случае вводными словами и словосочетаниями.

2. Проведённый анализ позволяет также установить, что в русском языке в собственно научном подстиле доминируют вводные слова, которым в чешском языке соответствуют лексикализованные выражения, ука-

зывающие на связь мыслей, последовательность их изложения. В русском языке более распространены вводные выражения, выполняющие обобщающую, резюмирующую функцию, и соотносящие общее и частное. В чешском языке первое место занимают вводные выражения, выполняющие обобщающую, резюмирующую функцию, и указывающие на противопоставленность одной части изложения другой. В обоих языках также часты вводные слова, выражающие оценку говорящим степени достоверности сообщаемого.

3. Учитывая количественный аспект, высокая частотность в русских текстах вводных слов и словосочетаний подтверждает сильную тенденцию данного функционального стиля к точности и логичности выражения в области композиции текста и эксплицитность русского языка.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ РУССКО-СЛОВАЦКАЯ ОМОНИМИЯ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ²⁸

Елизавета МАДЕЙ, Университет им. Я.А. Коменского, Братислава
ID <https://orcid.org/0000-0001-9880-6958>

Введение

Активные глобализационные процессы, в результате которых мировое сообщество становится всё более единым и интегрированным, влекут за собой интенсивное развитие межгосударственных и межкультурных партнёрств, требующее чёткой правовой регламентации. Любое регулирование общественных отношений сопровождается подчинением участвующих сторон системе точно установленных на языке права правил и ограничений, а следовательно, прав и обязанностей. Язык права представляет собой главный арсенал юриспруденции, посредством которого обеспечивается составление и оформление огромного количества жанров официально-делового стиля, от индивидуальных нормативно-правовых актов вплоть до судебных решений и национального законодательства. Ввиду того, что язык права, принадлежащий к числу древнейших специальных языков, во всех культурах отличается точностью, достоверностью и ясностью, наличием общеупотребительных и чисто технических терминов, строгих формулировок и конструкций, способных кратко, обобщенно и доступно изложить смысл, максимально важным при трансляции такого рода текстов, переносе смыслов и понятий из исходного в переводящий язык становится достижение прагматической эквивалентности и адекватности перевода. Исходя из этих двух оценок перевода, в настоящей главе мы рассмотрим феномен межъязыковой омонимии, являющейся источником отрицательной языковой интерференции и становящейся причиной выполнения некачественного и неадекватного перевода.

---

²⁸ Данная глава подготовлена в рамках проекта KEGA Vysokoškolská učebnica *Mediálna lingvistika* с регистрационным номером 003UK-4/2021.

Цель настоящей главы – на примере русско-словацких коррелятов из области правового дискурса идентифицировать явления межъязыковой омонимии, представить и проанализировать конкретные лингвистические и переводческие решения. Второстепенной целью главы является определить специфику номинации и дефиниции отдельных терминов из области права в русском и словацком языках. Материалом исследования главы стали, прежде всего, тексты нормативно-правовых актов, судебных решений и договорных документов, а также эмпирические данные автора главы, связанные с переводом такого рода текстов и обучением специальному переводу студентов переводоведческой специальности. Амбиция главы – обратить внимание студентов переводоведения и начинающих переводчиков юридических текстов на некоторые наиболее уязвимые места словацко-русского специального перевода, расширить переводческие компетенции исследователей и практиков перевода (в частности концептуальную составляющую данной компетенции, которая, согласно А. Загораку, играет немаловажную роль, так как в случае неадекватного представления переводчика о сути перевода теряются всякие функционально-коммуникативные и когнитивные характеристики оригинала (Загорак 2020, с. 182)).

Межъязыковые омонимы и лексические когнаты

Системный исследовательский интерес к явлению межъязыковой омонимии ещё в 1928 году проявили французские лексикографы М. Кеслер и Ж. Дерокиньи в своей работе «*Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais*», когда на материале англо-французских коррелятов представили характеристику данного лингвистического феномена, обозначив конкретные его проявления «ложными друзьями переводчика» (Комиссаров 1973, с. 111). Позже изучению межъязыковых омонимов, также называемых лжеаналогами, диалексемами, ложными лексическими параллелями или ложными когнатами посвящали свои труды лингвисты и переводоведы со всего мира (Г. Мельников, В. Гак, К. Краснов, А. Акуленко, Л. Борисова, П. Вязников, Ю. Долгополов, I. Кононенко, О. Співак, R. Ferguson, L. Miller, Gh. Zuckermann, Ch. Gutknecht, B. Meunier, R. Lipczuk, K.-D. Barnickel, J. Janos и др.).

Несмотря на то, что ввиду многоаспектности омонимии как таковой в современном языкознании до сих пор отсутствует единое определение межъязыковых омонимов, о чём свидетельствует многообразие терминологических вариантов данного лингвистического явления, чаще всего под

«ложными друзьями переводчика» понимают пару слов в двух языках, похожих либо одинаковых по произношению и(или) написанию, но отличающихся по значению: словац. *zakázat'* (русс. *запретить*) – русс. *заказать* (словац. *objednat'*), словац. *prijemný* (русс. *приятный*) – русс. *приёмный* (словац. *stránkový, úradný, prijímací*) и пр. «Основной причиной возникновения межъязыковых соответствий омонимичного характера в славянских языках является расхождение семантики современных слов с первоначально общим этимологом» (Цухишвили 2010, с. 11). Следовательно, межъязыковая омонимия наиболее ярко проявляется в той области лексики, которая восходит к старославянскому словарному запасу, в частности – общему базовому лексическому фонду. Речь идёт о таких случаях, когда общее слово-этимон в процессе развития было разделено на несколько значений, между которыми с синхронной точки зрения не ощущается какой-либо связи. В лексикологии этот тип отношений, как правило, называют межъязыковой гомогенной омонимией (Vaňko 2004, 62). Наличием общих этимологов и совместного лексического ядра, наряду с общим генезисом и особой близостью славянских языков обусловлено присутствие в современных славянских языках не только межъязыковых омонимов, но и, прежде всего, лексических когнатов.

Лексическими когнатами называются сходные по степени узнаваемости слова, восходящие к одной и той же праформе в языке основе, т.е. слова, которые в двух языках имеют одинаковое значение и сходное звучание: словац. *stól* – русс. *стол*, словац. *ješť* – русс. *есть*, словац. *starý* – русс. *старый* и др. «Известно, что в значительной мере за счёт когнатов не менее 10% всех слов в современных языках оказываются либо практически тождественными, либо легко идентифицируемыми на основе закономерных фонетических соответствий» (Тимошенко 2012, с. 114). Исходя из знаний об этом, переводчик (в особенности начинающий) зачастую склонен доверять сходству двух близкородственных языков без необходимости дополнительной проверки и самоконтроля. Так, попадая под влияние межъязыковой омонимии и языковой интерференции в принципе, под которой следует понимать негативные последствия взаимовлияния контактирующих языков, он совершает недопустимые лексико-фактические ошибки. В контексте перевода специальных юридических текстов (напр. судебных приговоров, договорной документации), возлагающих на заинтересованных лиц определённую ответственность и обязательства, особенно важно подчеркнуть недопустимость совершения такого рода ошибок. Рассмотрим несколько примеров русско-словацких омони-

мов из области языка права, незнание которых может привести к неблагоприятным последствиям не только для адресованных сторон, но и для самого переводчика.

obžaloba – обжалование

Институт словацкого уголовного права, называемый *obžaloba*, подразумевает решение прокурора передать дело в суд в случае, если результаты следствия достаточно обосновывают и доказывают вину обвиняемого по возбуждённому уголовному делу (Ďurčo 2007), на основании чего суд обязан вынести решение о виновности либо невиновности обвиняемого, именуемого после передачи дела в суд подсудимым. Аналогом настоящего института права в русскоязычном дискурсе является термин, выражаемый мультивербизационно и даже описательно: *направление уголовного дела в суд* (ст. 222 УПК РФ), если речь идёт непосредственно о совершении юридического действия, если же в контексте говорится о документе, на основании которого это действие совершается, то вариантным соответствием в русском языке является понятие *обвинительного заключения* либо *обвинительного постановления* (ст. 221, 222 УПК РФ). Следовательно, неверное понимание термина *obžaloba* под влиянием межъязыковой омонимии может в корне поменять значение целевого текста и вызвать ряд фактических ошибок при переводе производных терминов типа *podat' obžalobu, návrh na podanie obžaloby, obžalobný návrh, obžalovaný, svedok obžaloby, bol obžalovaný spod obžaloby oslobodený* и пр.

Русским омонимом *обжалование* либо *право обжалования*, являющимся неотъемлемой частью нескольких отраслей права, обозначается право сторон и участников (истец, ответчик, прокурор, другие лица) судебного производства выражать несогласие с судебным решением и требовать дополнительного рассмотрения дела. Настоящему институту права в словацком дискурсе соответствует понятие *opravný prostriedok* – процессуальное действие, являющееся основанием для начала обжалования решений в уголовном процессе, на основании которого правомочные лица требуют перерасмотрения решений суда, прокурора, следователя либо органа полиции (Ďurčo 2007). Все средства обжалования в словацкой правовой системе делятся на *riadne opravné prostriedky* (русс. *право обжалования не вступивших в законную силу судебных актов*) и *timoriadne opravné prostriedky* (русс. *право обжалования вступивших в законную силу судебных актов*). К числу первых относится, например,

odvolanie – апелляционная жалоба (апелляция), *kasácia* – кассационная жалоба (кассация), *sťažnosť* – жалоба, *odpor* – возражение на судебный приказ; ко второй группе относят *dovolanie* – обжалование вступившего в законную силу решения суда, *zrušenie právoplatného rozhodnutia* – отмена вступившего в законную силу решения суда, *obnova kopania* – возобновление производства (ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств). Останавливаясь на вышеупомянутом термине жалоба, рассмотрим ещё одну пару ложных когнатов.

žaloba – жалоба

Под словацким юридическим термином *žaloba* понимается ‘заявление в суд с требованием начать судебное разбирательство по какому-либо гражданскому делу в случае, если настоящее разбирательство имеет характер спора’ (Ďurčo 2007). Такому документу в русском правовом дискурсе соответствует понятие *искового заявления*, или коротко, *иска* – ‘документ, который подается в суд в связи с каким-либо спором о праве, в случае нарушения права гражданина, неисполнения возложенной на иное лицо обязанности’ (Мартин 2022, с. 119). В исковом заявлении, как правило, указываются наименование суда, в который подаётся заявление, сведения об инициаторе судебного разбирательства – истце (словац. *žalobca*) и противной стороне – ответчике (словац. *žalovaný*), обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства и пр. Русскому же омониму *жалоба*, означающему ‘письменное требование, обращенное к уполномоченному государственному органу об устранении нарушений прав и законных интересов’, частично соответствует словацкий термин *sťažnosť*, под которым словацкие правоведа понимают ‘средство обжалования постановлений, выданных органами полиции, за исключением постановления о возбуждении уголовного дела’ (Ďurčo 2007). Ввиду ограничения семантики словацкого термина на один правоохранительный орган (полицию) меняется перевод других русских терминов-словосочетаний, составляющей частью которых является лексема *жалоба*: *апелляционная жалоба* – словац. *odvolanie*, *частная жалоба* – словац. *odvolanie na iznesenie súdu* и т.д.

odsúdený – подсудимый

В словацком уголовном праве термином *odsúdený* называют лицо, в отношении которого был вынесен вступивший в законную силу обвинительный приговор либо приговор, дознание по которому производилось в сокращённой форме (Dugšo 2007). Настоящему понятию в русском языке соответствует причастная форма *осуждённый* – ‘обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор’ (ст. 47 УПК РФ). *Подсудимым* же именуется ‘обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство’ (Там же.), чему в словацком языке соответствует термин *obžalovaný*. Не останавливаясь на вопросе ответственности за серьёзные ошибки в переводе судебных актов и прочих юридических текстов, лишь напомним, что проверка фактов и терминов исходного текста для последующего их точного переноса в язык перевода должна быть краеугольным камнем работы каждого профессионального переводчика, о чём всё же нередко забывают переводчики близкородственных языков.

odsúdit’ – отсудить

Межъязыковая омонимия возникает и в случае производящего глагола *odsúdit’* – ‘признать виновным и назначить наказание’, которому в непрофессиональном русском языке соответствует глагол *осудить*. В языке права такое юридическое действие обозначается мультивербизационным выражением *приговорить к наказанию*. Русский омоним *отсудить* используется в разговорной речи для номинации действий, на основании которых кто-либо получил что-либо по решению суда (наследство, дом), чему в словацком языке соответствует глагол *vysúdiť*. Неверное употребление таких грамматических омонимов так же чревато неблагоприятными последствиями для переводчика, как и в случае с другими лексическими омонимами, поскольку и в данном случае наблюдается значительное расхождение семантики.

Помимо вышеперечисленных омонимов в русском и словацком языке права встречается ряд других «ложных друзей переводчика»: *dohovor* (русс. *конвенция*) – *договор* (словац. *zmluva*); *domáhať sa* (русс. *добиваться*) – *домогаться* (словац. *nástojčivo sa usilovať*); *napadnúť* (русс. *обжаловать какую-либо часть судебного акта либо целиком*) – *напасть* (словац. *prepadnúť*); *pisomnosť* (русс. *документ*) – *письменность* (словац. *pisomníctvo*); *poriadok* (русс. *процессуальный кодекс; распорядок; правила*)

– *порядок* (словац. *poriadok* в значении «надлежащее состояние, упорядочение вещей»); *postihnúť (majetok)* (русс. *обратить взыскание (на имущество)*) – *постигнуть* (словац. *ročopiť*; в устойчивых выражениях также *vcítiť sa, prísť, nastať*); *postúpenie* (русс. *уступка, цессия*) – *поступление* (словац. *vstup, zápis do, pripísanie a i.*); *prevod* (русс. *передача, переход, продажа*) – *перевод* (словац. *preklad*); *priestupok* (русс. *административное правонарушение*) – *проступок* (словац. *previnenie*); *termín* (русс. *срок, дата и время, назначенное время, период*) – *термин* (словац. *termín ako pojem*); *iprotienka* (русс. *претензия (в экстрадиционном производстве)*); *dosudobné uvedomlenie* (в исполнительном производстве) – *упоминание* (словац. *zmienka*); *ustanovenie* (русс. *положение*) – *установление* (словац. *určenie*); *úpadok* (русс. *несостоятельность (должника)*) – *упадок* (словац. *pokles, oslabenie*); *ústav* (русс. *институт, учреждение*) – *устав* (словац. *stanovy; štatút*); *vražda* (русс. *убийство*) – *вражда* (словац. *nepriateľstvo*); *zhotoviteľ* (русс. *подрядчик*) – *изготовитель* (словац. *výrobca*) и др.

Межъязыковая омонимия как источник интерференции

Проанализировав несколько пар межъязыковых омонимов, мы в очередной раз подтвердили знание о том, что совместная история формирования и развития славянских языков не осталась незамеченной в их лексической структуре. С одной стороны, значительное количество соответствий в лексическом строе двух языков имеет положительный эффект: структурные подобию и аналогичные языковые явления способствуют лучшему и более быстрому усвоению иностранного языка (*положительная интерференция*). С другой стороны, в результате некоординированного, или субординативного²⁹, билингвизма в речи и языке даже опытных переводчиков появляется большое количество необоснованных и чреватых последствиями ошибок (*отрицательная интерференция*), заключающихся в отклонении от норм доминируемой языковой системы под влиянием нормы доминирующей языковой системы, вызванном их взаимоналожением в сознании многоязычного носителя (Савина 2011, с. 54).

В целях предотвращения отрицательной интерференции переводчики должны уделять должное внимание проблематике, связанной с некоординированным билингвизмом и как можно чаще проводить анализ сем-

²⁹ Под некоординированным билингвизмом следует понимать «такое состояние языковой компетенции говорящего, когда два кода и две системы норм – родного языка и изучаемого языка – не дифференцированы полностью» (Багана, Блажевич 2011, с. 13).

антической структуры и объёма значений некоторых межъязыковых омонимов (в т.ч. омонимов-терминов). В последнее время в рамках теории языковых контактов, а также в билингвологии большое внимание уделяется проблематике, связанной с языковой интерференцией. «Поскольку интерференция снижает качество речи и создаёт препятствия для эффективной межкультурной коммуникации, проблема предотвращения собственно языковой интерференции, интерференции на уровне невербальных средств общения и стереотипов речевого поведения – один из важных вопросов лингводидактики» (Рахманкулова 2018, с. 88).

К числу традиционных методов борьбы с интерференцией современная лингвометодическая литература относит контрастивно-сопоставительный анализ и анализ типичных ошибок. Сопоставительный анализ как методический приём является наиболее эффективным на начальном этапе обучения неродному языку, поскольку своей целью преследует определение специфики системы родного языка учащегося, а также выявление потенциально «опасных» и уязвимых мест с точки зрения возникновения ошибок. В методическом отношении на первом плане всегда должно стоять «не исправление ошибок, а их предупреждение». Для лингвистов же, работающих со специальными текстами и имеющих достаточно продвинутый уровень языка, скорее, подойдёт второй метод – анализ типичных ошибок. При этом под типичной ошибкой следует понимать «часто встречающиеся, относящиеся к наиболее важным и сложным разделам изучаемого языка ошибки» (Игнатьева 2006, с. 39). Такой анализ не только способствует выявлению поля потенциальной интерференции на лексико-семантическом уровне, но и позволяет переводчикам отслеживать новые тенденции развития словацко-русской омонимии, связанные с обновлением словарного запаса сравниваемых языков.

Заключение

В настоящее время всё большее внимание современная лингвистика уделяет контрастивному анализу языков, способному аргументированно показать как общее и сходное, так и различное в языках и культурах народов. Повышенный интерес к теории сопоставительной лингвистики обусловлен и непосредственной её причастностью к прагматике – взаимосвязью с обучением иностранным языкам и переводоведению. Частью таких сопоставительных исследований являются многочисленные труды, посвящённые вмешательству межъязыковой омонимии в процесс изучения и применения

иностранного языка. По аналогии с другими тематически близкими работами в настоящей главе мы попытались представить некоторые уязвимые места лексики в, кажется, настолько похожих близкородственных славянских языках. На материале русско-словацких коррелятов из области языка права были продемонстрированы примеры межъязыковой омонимии в правовом дискурсе, представлены дефиниции рассматриваемых терминов и предложены корректные эквивалентные соответствия, подходящие для перевода, которые могут послужить переводоведам и начинающим переводчикам основой для дальнейших исследований и применения знаний на практике.

СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ И ПЕРЕВОДА РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ХРИСТИАНСКИХ ЭОРТОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ ДВУНАДЕСЯТЫХ ГОСПОДСКИХ ПРАЗДНИКОВ)

Галина ГАДОМСКА, Опольский университет, Ополе
ID <https://orcid.org/0000-0002-9370-4108>

Введение

В начале 50-х годов двадцатого века З. Клеменсевичем было высказано мнение о том, что «называя различные реализации польского национального языка «языками», мы говорим о «языке» как о родовом понятии и при помощи различных определений ограничиваем его жанрово. Например, употребляя, такие словосочетания, как «язык художественный», «язык научный», «язык лодочников, яхтсменов», мы осознаем, что первую их часть – слово «язык», следует понимать как сокращение от выражения «польский язык» (*genus proximum*), а вторую – как его специфику (*differentia specifica*) (Klemensiewicz 1953, с. 179). После издания цитируемой работы в польском языкознании активизировались исследования, связанные с понятием «варианта языка», которое, по мнению названного ученого, не следует отождествлять с понятием «стиля», поскольку «язык – это система лексико-грамматических средств, а стиль – способ выбора названных средств, обусловленный различными взглядами» (Klemensiewicz 1953, с. 181).

Типология вариантов языка и их классификация подробно описаны в работе А.Вильконя *Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny* / «Типология вариантов современного польского языка» (Wilkoń 2000). В данной публикации исследователь наряду с другими вариантами уделяет внимание новому варианту польского языка – «религиозному языку». По его мнению, «1989 год – год изменения системы, стал очень важной датой в развитии национального польского языка (...). Следует отметить, что новые варианты нормативного языка нашли свое отражение в обсуждениях на официальном уровне, в средствах массовой информации и различных сферах общественной жизни (...). Важное место среди них занял религи-

озный язык, употребляемый также в типично светских ситуациях, например, во время государственных церемоний» (Wilkoń 2000, с. 97). Вслед за этим в Польше начали активно публиковаться научные работы, посвященные «религиозному языку», прежде всего языку польской католической церкви.

Если же говорить о языке православия в России, то, по мнению Г.Н. Складневской, «он стал лингвистическим объектом одновременно, когда после широкого празднования 1000-летия крещения Руси в 1988 году (...) был официально снят запрет на религию, прекратилось государственное преследование верующих и стремительно активизировалась церковная жизнь» (Складневская 2018, с. 84).

Соприкосновение двух названных вариантов религиозного языка (православного и католического) порождает многочисленные вопросы. Как правило, это связано с проблемой взаимопонимания христиан одной или различных конфессий, говорящих на русском и польском языках. В условиях активизации миграционных процессов в славянском мире эта проблема становится как нельзя более актуальной.

На данном этапе анализа вариантов религиозного языка, русского и польского, мы решили сосредоточиться на эортонимах, как одной из тематических групп религиозной лексики (Бугаева 2007).

По сути своей, христианские праздники – это непрерывная цепь событий, неразрывно связанных между собой и определяющих непосредственно или исподволь многие аспекты поведения верующих в повседневной жизни, их реакцию на внешние влияния, другими словами, – это целая философия. И знание основных понятий, связанных с религиозными праздниками, отмечаемых нами или другими людьми, живущими рядом, помогает избежать множества проблем и выстроить гармоничные отношения в современном обществе.

Методологические основы исследования

Теоретической и практической базой для проведения данного исследования послужили работы, изданные в Польше (I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, R. Lewicki, A. Markunas, T. Uczuciel, A. Rygorowicz-Kuźma, J. Wawrzyńczyk, M. Wideł-Ignaszczak, M. Wojtak); России (О.С. Андреева, И.В. Бугаева, М.М. Валенцова, А.В. Гусейнова; Н.А. Купина; Ю.Н. Михайлова, Н.В. Подольская, Ю.Ю. Полякова, О.А. Прохватилова, Г.Н.

Скляревская, А.В. Суперанская, В.И. Супрун, Е.Ю. Терентьева, К.А. Тимофеев); Украине (Ю. Осінчук, Н. Піддубна.); Сербии (К. Конђаревић, Р. Левушкина-Баић, С. Петровић); Словакии (А. Петрикова); Чехии (N. Baugrová, Х.К. Хилова, П. Чеснокова) и других странах.

Ранее нами уже уделялось внимание различным аспектам лексикографического описания христианских эортонимов (Гадомская 2021). В данном исследовании мы хотим сосредоточиться на особенностях лексикографического описания и перевода русских и польских православных эортонимов со значением ‘дванадесятый Господский праздник’, что и является основной целью настоящей главы.

Следует отметить, что изучению данной проблемы исследователи уделяли внимание и ранее. О чём могут свидетельствовать *Wielki słownik rosyjsko-polski* / «Большой русско-польский словарь» (Mirowicz, Dulewicz, Grek-Pabis, Maryniak 1970; 2004) (далее – WSRP) и *Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim* / «Большой русско-польский словарь с польско-русским ключом» (Wawrzyńczyk и др. 2004) (далее – SWaw.), рецензия Я. Вавжинчика (Wawrzyńczyk 1997) и работы А. Рыгорович-Кузьмы (2014; 2015; 2021) и других авторов.

Перевод термина «дванадесятые праздники» на польский язык в WSRP (1970) как *dwanaście dorocznych świąt* / *двенадцать ежегодных праздников* был критически оценен польским исследователем Я. Вавжинчиком, считающим, что авторы больше сосредоточились не на его значении ‘двенадцать главных праздников (за исключением Пасхи)’, а на их количестве: *двенадцать праздников* (Wawrzyńczyk 1997, с. 318).

Кроме того, по наблюдениям А. Рыгорович-Кузьмы, в WSRP представлены не все эортонимы данной группы: отсутствуют *Богоявление*, *Введение во храм Пресвятой Богородицы*, *Воздвижение Креста Господня*, в то время как они есть в SWaw. (Rygorowicz-Kuźma 2014, с. 264).

Анализ перевода и толкования эортонимов со значением ‘дванадесятый Господский праздник’ в специализированных русско-польских словарях

Предметом более детального исследования стали словарные дефиниции восьми православных эортонимов со значением ‘дванадесятый Господский праздник’.

В богословской и светской литературе православные праздники систематизируются по-разному. В одних источниках их разделяют на двенадцатые, великие, средние и малые, в других – двенадцатые включают в число великих. Мы придерживаемся классификации, которую предлагает «Богословско-литургический словарь», являющийся приложением к «Настольной книге священника» (2001, с. 750). Его составители к великим относят двенадцатые и недвенадцатые праздники. Именно двенадцатые праздники являются самыми главными в православном христианстве. Название «двенадцатый» свидетельствует об их значимости и количестве. Они включают в себя Господские и Богородичные праздники, а по времени празднования подразделяются на неподвижные и подвижные.

Двенадцатые переходящие Господские праздники – это *Вход Господень в Иерусалим* (за 7 дней до Пасхи Христовой); *Вознесение Господне* (40-ой день после Пасхи Христовой); *День Святой Троицы. Пятидесятница* (на 50-й день после Пасхи).

Двенадцатые непереходящие Господские праздники – это *Рождество Христово* (25.12 / 07.01); *Богоявление Господне / Крещение Господне* (06.01 / 19.01); *Сретение Господне* (02.02 / 15.02); *Преображение Господне* (06.08 / 19.08); *Воздвижение Животворящего Креста Господня* (14.09 / 27.09).

Источником официальных названий православных праздников послужил *Kalendarz Prawosławny 2018 / «Православный календарь 2018»* (далее – КР). Из названного календаря для анализа были выбраны следующие праздники.

1. *Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня / Święto Podwyższenia Krzyża Pańskiego* (14.09 / 27.09) (КР, с. 84).
2. *Рождество Господа и Спаса Нашего Иисуса Христа / Święto Narodzenia Pana i Zbawiciela Naszego Jezusa Chrystusa* (25.12 / 07.01) (КР, с. 106).
3. *Святое Богоявление, Крещение Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа / Święto Objawienia Pańskiego. Chrzest Pana Naszego Jezusa Chrystusa* (06.01 / 19.01) (КР, с. 20).
4. *Сретение Господа Нашего Иисуса Христа / Święto Spotkania Pańskiego* (02.02 / 15.02) (КР, с. 27).
5. *Вход Господень в Иерусалим / Niedziela Palmowa. Wejście Pana do Jerozolimy* (за 7 дней до Пасхи Христовой) (КР, с. 40).

6. *Вознесение Господне / Święto Wniebowstąpienia Pańskiego* (40-ой день после Пасхи Христовой) (КР, с. 53–54).
7. *День Святой Троицы. Пятидесятница / Dzień Świętej Trójcy. Pięćdziesiątnica* (на 50-й день после Пасхи) (КР, с. 56).
8. *Преображение Господа и Спаса Нашего Иисуса Христа / Święto Przemienienia Pańskiego* (06.08 / 19.08) (КР, с. 74).

Выбор именно этих эортонимов объясняется тем, что центральной фигурой всех событий, которым посвящены перечисленные праздники, является Иисус Христос, а анализируемые эортонимы – это названия основных событий, происходивших в Его земной жизни и представляющих собой некий замкнутый цикл.

Источником материала для проведения дальнейших исследований послужили следующие специализированные русско-польские словари: «Лексикон христианства русско-польский и польско-русский» / *Leksykon chrześcijaństwa rosyjsko-polski i polsko-rosyjski* (Markunas, Uczitel 1999 – далее MUL); «Христианство. Русско-польский словарь» (Lewicki 2002 – далее LCh); «Русско-польский лексикон православной терминологии» / *Leksykon terminologii prawosławnej rosyjsko-polski* (Fediukina 2014 – далее FL). Все три лексикона (MUL; LCh; FL) – это, прежде всего, специализированные переводные словари, в которых с использованием двух языков, русского и польского, даются как сами эортонимы, так и их толкования. Несмотря на то, что авторы преследуют, в принципе, общую цель, информация в них представлена по-разному.

Словарные статьи (лексикографические описания) во всех трех изданиях состоят из следующих рубрик:

1. эортоним на русском языке (MUL; LCh) или на русском и польском языках (FL);
2. дата празднования (MUL; LCh);
3. словарная статья, включающая информацию (историческую, теологическую, культурологическую и др.) о конкретном событии из жизни Иисуса Христа на русском (MUL; LCh) или на русском и польском языках (FL);
4. эортоним на польском языке (MUL; LCh);
5. примеры употребления эортонимов в текстах художественных произведений (LCh);
6. словарные пометы (*офици., разг., цс.*).

Если говорить об эквивалентности и симметричности подачи материала, то следует отметить, что языковые пропорции в названных словарях различны. Как правило, лексикографические описания даются на русском языке, а в конце словарных статей приводятся названия праздников на польском языке. В лексиконе А. Маркунаса и Т. Учитель есть также польскоязычная часть словаря. У Е. Федюкиной эти две части словарных толкований практически симметричны, «зеркальны», равны по объему и содержанию.

Далее представим результаты анализа описываемых эортонимов в соответствии с перечисленными выше рубриками. Как следует из приведённых ниже примеров, названия праздников на русском языке во всех источниках записаны по-разному (жирным шрифтом выделены их официальные названия).

1. ***Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня*** (КР, с. 84): *Воздвижение (Честного и Животворящего Креста Господня цс.)* (FL, с. 62); *Воздвижение (Крестовоздвижение), офиц.* *Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня* (LCh, с. 87); *Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня (Крестовоздвиженский праздник)* (MUL, с. 48).
2. ***Рождество Господа и Спаса Нашего Иисуса Христа*** (КР, с. 106): *Рождество Христово* (FL, s. 210); *Рождество Христово, разг.* *Рождество* (LCh, с. 236); *Рождество Христово* (MUL, с. 195).
3. ***Святое Богоявление, Крещение Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа*** (КР, с. 20): *Богоявление, Крещение* (FL, с. 44); *Крещение Господне, Богоявление* (FL, с. 132); *Богоявление (Епифания) офиц.* *Святое Богоявление, Крещение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, разг.* *Иордань* (LCh, с. 75); *Богоявление (=Крещение Иисуса Христа, Крещение Господне, Теофания)* (MUL, с. 38, 108).
4. ***Сретение Господа Нашего Иисуса Христа*** (КР, с. 27): *Сретение (Господне)* (FL, с. 229); *Сретение, офиц.* *Сретение Господне* (LCh, с. 260); *Сретение Господне* (MUL, с. 218).
5. ***Вход Господень в Иерусалим*** (КР, с. 40): *Вход Господень в Иерусалим (Вербное Воскресенье)* (FL, с. 72); *Вербное Воскресенье* (FL, с. 54); *Вход Господень в Иерусалим (вербное воскресенье, разг.* *вербница)* (LCh, с. 92); *Вербница (Вербное воскресенье, Вход Господень в Иерусалим)* (MUL, с. 43, 53).

6. **Вознесение Господне** (КР, с. 53-54): *Вознесение Господне* (FL, с. 64); *Вознесение, Вознесение Господне* (LCh, с. 88); *Вознесение (Вознесение Господне)* (MUL, с. 49).
7. **День Святой Троицы. Пятидесятница** (КР, с. 56): *Троица* (FL, с. 240–241); *Пятидесятница (Сошествие Святого Духа, Троица)* (LCh, с. 230, 270); *Пятидесятница₁, (Троицын день, Троица, Сошествие Святого Духа на Апостолов)* (MUL, с. 187).
8. **Преображение Господа и Спаса Нашего Иисуса Христа** (КР, с. 74): *Преображение* (FL, с. 196); *Преображение, офиц. Преображение Господне (разг. яблочный Спас, второй Спас)* (LCh, с. 220); *Преображение Господне (яблочный Спас)* (MUL, с. 178).

В ряде случаев названия праздников практически совпадают с официальными. Тем не менее, только у Р. Левицкого встречается полное название праздника *Крещение Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа* (LCh, с. 75), в остальных словарях даны сокращённые варианты. Кроме того, авторы используют народные и разговорные названия. Например, в лексиконе Р. Левицкого: *Крестовоздвижение, разг. Иордань* (LCh, с. 75); *разг. Рождество* (LCh, s. 236); *вербное воскресенье, разг. вербница* (LCh, s. 92); *разг. яблочный Спас, второй Спас* (LCh, s. 220). Без пометы *разг.* приводятся неофициальные наименования праздников в словаре Маркунаса и Т. Учитель: *Вербница (Вербное воскресенье)* (MUL, с. 43, 53). Е. Федюкина, в принципе, избегает народных и разговорных вариантов, за небольшим исключением: *Вербное Воскресенье* (FL, с. 54).

Теперь обратимся к эортонимам на польском языке, которые, в отличие от их русскоязычных эквивалентов, более приближены к официальным названиям, хотя и не всегда полностью совпадают с ними.

1. **Święto Podwyższenia Krzyża Pańskiego** (КР, с. 84): *Podwyższenie Krzyża Pańskiego (Świętego)* (FL, с. 62); *Podwyższenie Krzyża Pańskiego* (LCh, с. 87); *Podwyższenie Krzyża Pańskiego* (MUL, с. 48).
2. **Święto Narodzenia Pana i Zbawiciela Naszego Jezusa Chrystusa** (КР, с. 106): *Boże Narodzenie* (FL, с. 210); *Boże Narodzenie* (LCh, с. 236); *Boże Narodzenie* (MUL, с. 195).
3. **Święto Objawienia Pańskiego. Chrzest Pana Naszego Jezusa Chrystusa** (КР, с. 20): *Objawienie Pańskie, Epifania gr., Teofania* (FL, с. 45); *Objawienie Pańskie, Epifania, Chrzest Pański* (LCh, с. 75); *Epifania,*

- Teofania, Objawienie Pańskie, Chrzczenie Pańskie, odpowiednik święta Trzech Króli* (MUL, с. 38, 108).
4. **Święto Spotkania Pańskiego** (КР, с. 27): *Spotkanie Pańskie, święto Oczyszczenia NMP (Ofiarowanie Jezusa w świątyni), + Srietienije* (FL, с. 229); *Spotkanie Pańskie, Przedstawienie Jezusa w świątyni* (LCh, с. 260); *Spotkanie Pańskie, Ofiarowanie Pańskie, Święto Oczyszczenia Najświętszej Maryi Panny, święto Matki Boskiej Gromnicznej* (MUL, с. 218).
  5. **Niedziela Palmowa. Wejście Pana do Jerozolimy** (за 7 дней до Пасхи Христовой) (КР, с. 40): *Niedziela Palmowa* (FL, с. 54); *Wjazd <Chrystusa> do Jerozolimy, Niedziela Palmowa* (LCh, с. 92); *Niedziela Palmowa, wjazd Jezusa do Jerozolimy* (MUL, с. 43, 53).
  6. **Święto Wniebowstąpienia Pańskiego** (40-ой день после Пасхи Христовой) (КР, с. 53–54): *Wniebowstąpienie Pańskie* (FL, с. 64); *Wniebowstąpienie* (LCh, с. 88); *Wniebowstąpienie Pańskie, święto Wniebowstąpienia Pańskiego* (MUL, с. 49).
  7. **Dzień Świętej Trójcy. Pięćdziesiątnica** (на 50-й день после Пасхи) (КР, с. 56): *Pięćdziesiątnica* (FL, с. 204); *Dzień Świętej Trójcy* (FL, с. 2041); *Pięćdziesiątnica, Dzień Trójcy świętej* (LCh, с. 230, 270); *Pięćdziesiątnica, Zesłanie Ducha świętego, Zielone świątki* (MUL, с. 187).
  8. **Święto Przemienienia Pańskiego** (КР, с. 74): *Przemienienie* (FL, с. 196); *Przemienienie Pańskie* (LCh, с. 220); *Święto Przemienienia Pańskiego* (MUL, с. 178).

Заслуживают внимания многочисленные варианты названий праздников. Пожалуй, более всего их у эортонима *Сретение Господа Нашего Иисуса Христа / Święto Spotkania Pańskiego: święto Oczyszczenia NMP / праздник Очищения Пресвятой Девы Марии* (FL, с. 229; MUL, с. 218); *Oczyszczenie NMP / Очищение Пресвятой Девы Марии* (MUL, с. 260); *Matki Boskiej Gromnicznej / Божией Матери Громничей* (LCh, с. 260); *Ofiarowanie Jezusa w świątyni / Посвящение Иисуса в Храме* (на службу Богу) (FL, с. 229; MUL, с. 218); *Przedstawienie Jezusa w świątyni / Представление Иисуса в Храме* (LCh, с. 260); *Spotkanie Pańskie / Сретение Господне* (Встреча Иисуса со старцем Симеоном) (LCh, с. 260; MUL, с. 218). Перечисленные примеры свидетельствуют о том, что один и тот же фрагмент истории представлен многочисленными эпизодами, акцентированными по-разному. Эта ситуация нашла отражение в словарях, изданных ранее, о чем пишет А. Рыгорович-Кузьма: название праздника «Сретение» (SWaw.: 769), автор (Я. Вавжинчик) представил как «Сретение / Сретенье

– *Oczyszczenie Maryi Panny*» (Очищение Девы Марии). В то же время, по её мнению, есть полное название «*Сретение Господне*», которое можно было бы перевести, как «*Spotkanie Pańskie*» (Встреча Господня) (Rygorowicz-Kuźma 2014, с. 269).

В процессе подачи эортонимов авторы анализируемых словарей не избегают частичной субъективизации и использования наименований католических праздников, которые выпадают на тот же день: *Objawienie Pańskie, Chrzest Pański, odpowiednik święta Trzech Króli* (Богоявление, Крещение, аналог праздника Трёх Королей) (MUL, с. 38, 108). Как известно, *Праздник Богоявления* или торжество «трёх царей» (трёх волхвов, трёх мудрецов) появился в первые века (с приходом христианства на Восток). По замечанию Азарова, «Трёх царей праздник, Господен; один из главных праздников католической церкви, отмечаемый 6 января; в основе праздника – сказание о том, что Младенцу Иисусу пришли поклониться и принесли дары языческие цари–волхвы Каспар, Мельхиор и Валтасар, чьи останки привезены императрицей Еленой в Константинополь, затем перенесены в Милан, а оттуда в Кельн» (Азаров 2002, с. 669).

В странах западной Европы его начали отмечать с IV века как соединение трёх важнейших событий: *прибытия к младенцу Иисусу трёх волхвов с дарами, Крещения Иисуса Христа* в водах Иордана Иоаном Крестителем и *Богоявления*. Эти три темы были включены в VII веке в римскую литургию. В православной традиции акцент делается, как правило, только на *Крещении и Богоявлении*. Для православных верующих *święto Trzech Króli / праздник Трёх Королей* не настолько важен: многие из них знакомы с перечисленными фактами новозаветной истории, но ничего не знают о его существовании.

По замечанию И. Грек-Пабисовой и И. Марыняковой, проблемы с переводом этого эортонима в обеих конфессиях связаны с событиями в жизни Иисуса, произошедшими с интервалом в тридцать лет. В данном случае начинается смешивание названий и понятий, что можно объяснить празднованием нескольких праздников в один день. Ошибки избежали те авторы, которые, например, перевели название праздника *Święto trzech Króli* как *Поклонение Волхвов* (Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1989–1990, с. 112).

А. Рыгорович-Кузьма обращает внимание на «конфликтные ситуации» конфессионально-языкового плана в SWaw.: «Помимо церковнославянских и греческих заимствований, явно указывающих на культуру пра-

вославной церкви, в качестве переводных эквивалентов используются единицы, функционирующие в польском языке и связанные в основном с номенклатурой католической церкви, например: (...) «Крещение / *Chrzest Pański / Trzech Króli*» (SWaw.: 333) (Rygorowicz-Kuźma 2014, с. 266).

Необходимо отметить, что эта проблема решается в словаре Р. Левицкого следующим образом: случаи наложения католических и православных праздников отмечаются при помощи знака (||): «2 *офиц.* Святое Богоявление, Крещение <Господне> (...) *Objawienie Pańskie, Epifania; || Trzech Króli*» (LCh, с. 75). Считаем это очень хорошим выходом из данной ситуации.

Заслуживает внимания эортоним *Niedziela Palmowa*. Русскоязычными эквивалентами этого праздника являются *Вербное воскресенье, Пальмовое воскресенье*. Хотя вариант *Пальмовое воскресенье* исторически и является более правильным, но употребление слова «пальмовое» – это, скорее всего, дань католической традиции. Такой перевод понятен польскому христианину. В костелах в этот день важным атрибутом являются «пальмы» – специальные букеты, символизирующие пальмовые листья, которыми устилали дорогу Иисусу Христу. В сознании же русского православного человека прочно укрепилось название *Вербное воскресенье*, поскольку в этот день прихожане несут в церковь ветки вербы, которые также символизируют пальмовые листья.

Авторы фиксируют и народные (разговорные) названия праздников: *Вербница* (MUL, с. 43, 53; LCh, с. 92); *Иордань* (LCh, с. 75) без перевода на польский язык.

Очередная часть словарной статьи – это описание религиозного события, связанного непосредственно с эортонимом. Обычно толкования эортонимов в анализируемых словарях состоят из нескольких частей, которые подаются в следующем порядке.

Статус праздника: *один из главных (двунадесятых) православных праздников, один из главных христианских праздников, один из главных (в православии – двунадесятых) праздников, один из главных (двунадесятых) церковных праздников, jedno z dwunastu największych cerkiewnych świąt* (MUL; LCh; FL).

Дата празднования: *отмечается 25–26 декабря, в России 6–7 января, 6 (19) января, 14 (27) сентября; 6 (19) августа; отмечаемый в последнее воскресенье перед Пасхой, на 40–й день после Пасхи, в пятидесятый день*

после Пасхи, в сороковой день после Рождества Христова, 2 (15) февраля, 6 (19) января (MUL; LCh).

Фрагменты истории праздника в основном на русском (MUL; LCh; FL) и польском (FL) языках, библейское событие, с которым связан праздник: *установленный в память о рождении Иисуса Христа, установлен в память описанного в Евангелиях крещения Иисуса Христа Иоанном Крестителем в реке Иордан; во время крещения Иисуса на него сошёл Святой Дух в виде голубя; Иисус перед своей мученической кончиной и воскресением прибыл в Иерусалим; установлен в ознаменование обретения в IV в. креста, на котором был распят Иисус Христос, матерью римского императора Константина – Еленой; в память чудесного изменения вида Иисуса Христа перед Петром, Иаковом и Иоанном на горе Фавор в Галилее; в воспоминание встречи (сретения) Младенца Иисуса (...) с благочестивым старцем Симеоном (MUL; LCh; FL); *na pamiątkę odnalezienia przez matkę cesarza Konstantyna Wielkiego św. Helenę autentycznego Krzyża Pańskiego, który został podniesiony w górę przez biskupa Jerozolimy dla powszechnej adoracji (FL); spotkanie Jezusa w świątyni przez starca Symeona (FL).**

Народные традиции, связанные с праздником: *дата празднования Крещения Господня совпала с окончанием древнеславянского праздника «святки»; на Руси праздник слился с древнеславянским празднеством – святками; в традиции русской деревни в этот день в храм приносят яблоки для освящения (MUL; LCh).*

Символизм праздника: *крещение человека, знаменующее его принятие в лоно христианской Церкви, рассматривается как важнейший жизненный акт, определяющий выбор человеком истинной веры; трактуется как напоминание о приоритете духовного перед телесным, идеального перед материальным, возвышенного перед низким; символизирует встречу Ветхого и Нового Заветов; основной смысл праздника, формирующего и закрепляющего представление о том, что, только вступив в лоно Церкви, люди могут надеяться на воскресение и вечную жизнь (MUL; LCh).*

В словаре Р. Левицкого приводятся примеры употребления эортонимов в текстах на русском и польском языках, что качественно отличает его от других анализируемых нами изданий: *В Троицын ясный и тихий день на улицах было подметено. (А. Толстой, Пётр Первый). W dniu Zielonych Świąt, jasnym i pogodnym, ulice były zamiecione. (Stawar) LCh, с. 270).*

Следует отметить, что авторы словарей выполнили титаническую работу, позволившую нам приблизиться к решению проблем, о которых идёт речь в начале главы.

Причины разночтений, имеющих место в словарях, объясняет А. Рыгорович-Кузьма. По ее мнению, «перевод лексики, связанной с реалиями и культурой (к лексике такого типа относится и православная терминология), чрезвычайно сложен. Во многих случаях нелегко исправить используемые варианты перевода, зная, что любое другое решение будет столь же или, возможно, более несовершенным. Авторы словарей, осознавая, что полное соответствие при переводе часто невозможно, обречены либо на дублирование переводов, используемых в других источниках, либо на поиск авторских, индивидуальных решений. Поэтому в разных двуязычных словарях одно и то же слово может иметь разные эквиваленты» (Rygorowicz-Kuźma 2014, с. 267).

Выводы

Наиболее показательной частью языка является его лексическая система, в состав которой входят православные и католические эортонимы. Предметом настоящего исследования послужили лексические единицы, обозначающие двенадцатые Господские праздники, зафиксированные в специализированных русско-польских словарях, изданных в Польше.

Проведенный сравнительный анализ православных эортонимов и их словарных статей в переводных словарях позволил отметить случаи полного или частичного совпадения наименований праздников, а также их наложения. Объясняется это тем, что представители различных конфессий акцентируют внимание на разных сторонах библейских событий. Сложившаяся ситуация приводит к появлению переводов различной степени точности и сказывается на лексикографическом описании исследуемых элементов лексической системы.

К числу причин, повлиявших на характер их перевода, могут быть отнесены также конфессиональная принадлежность авторов и потенциальных пользователей словарей, различные календари и богатые праздничные традиции. Несмотря на наличие теоретических и практических работ по данной теме, поиск ответов на вопросы, связанные с переводом и лексикографическим описанием польских и русских христианских эортонимов, не оставляет исследователей равнодушными.

PROMĚNY FREKVENCE A ZPŮSOBU VYUŽITÍ RUSISMŮ PO ROCE 1989³⁰

Anna CALDROVÁ, Masarykova univerzita, Brno
ID <https://orcid.org/0000-0001-5444-4940>

Úvod do problematiky

V českých slovnících a odborné literatuře našich i zahraničních badatelů se nachází přes 1000 rusismů³¹, tj. lexémů označených jako slovo ruského původu nebo slovo užívané v ruském prostředí. I přesto, že toto číslo není zcela zanedbatelné, většina rusismů je v současné češtině využívána velmi málo.

Od dob nejintenzivnějšího přejímání, ke kterému docházelo především za národního obrození a následně v ideologicky motivované vlně novodobých přejímek po roce 1945, jich značná část zcela vymizela nebo zastarala. Jen nevelká skupina rusismů v češtině zdomácněla a stala se běžnou součástí naší slovní zásoby (např. *vzduch*, *záliv*, *výstřel*, *nudný*, *dikobraz* aj.). A své místo si našla i nepříliš početná skupina ruských lingvoreálií, kterým český mluvčí porozumí bez ohledu na znalost ruského prostředí (např. *samovar*, *boršč*, *vodka*, *balalajka*).

U několika desítek jednotek, které se zachovaly, ale zcela nezdomácněly, můžeme pozorovat zajímavé posuny do jiných významových rovin a také uplatňování v nových kontextech. Jako příklad takových rusismů uvedeme lexémy *ataman*, *báťuška*, *bohatýr*, *geroj* a *gosudar*, které jsou předmětem této studie.

---

³⁰ Text byl zpracován v rámci projektu specifického výzkumu MUNI/A/1337/2021 *Translační ekvivalence jako dílčí problém mezikulturní komunikace v slovanském kulturním prostoru*.

³¹ Údaje o celkovém počtu rusismů v češtině se značně liší. Např. Lilič uvádí 1000 rusismů jen u Jungmanna (1982, s. 74), Bláha (2016, s. 89) do svého glosáře rusismů zahrnul 917 lexémů. V rámci našeho výzkumu jsme zatím identifikovali přibližně 1300 lexikálních rusismů.

Analýza výsledků

Vhodným zdrojem dat pro frekvenční a sémantickou analýzu těchto vybraných lexémů je nepochybně Český národní korpus³² (dále jen ČNK). V našem případě byla využita řada SYN verze 8, která obsahuje všechny synchronní psané korpusy řady SYN zveřejněné do vzniku této verze³³. Její celková velikost je 4,5 miliardy textových slov (Cvrček, Richterová, 2022).

V korpusu SYN verze 8 je přirozenou hranicí synchronie pro odbornou literaturu, publicistiku i beletrii rok 1990. Protože je ale v jeho složení obsažen i korpus SYN2000, který obsahuje i texty starší³⁴, omezili jsme jeho složení datem prvního vydání na období 1990–2018. V rámci takto omezeného subkorpusu zároveň hrozí menší riziko zkreslení výsledků³⁵ při frekvenční analýze. K té je použita relativní frekvence, která se vztahuje k celkové velikosti korpusu a umožňuje nám tak porovnání textů mezi různými obdobími či typy textů. Její jednotkou je i.p.m. (instances per milion), která vyjadřuje průměrný počet výskytů jednotky nebo slova v hypotetickém textu o délce 1 milionu slov (Cvrček, Richterová, 2021).

Kromě údaje o relativní frekvenci u každého analyzovaného lexému uvádíme jeho slovníkovou definici vycházející ze Slovníku spisovného jazyka českého (dále jen SSJČ) a informaci o tendenci frekvence výskytu, kterou lze vyčíst z přiložených grafů znázorňujících vývoj relativní frekvence ve zkoumaném období.

---

³² Projekt ČNK vznikl v roce 1994 na FF UK v Praze a je spravovaný Ústavem Českého národního korpusu. Je volně přístupný na www.korpus.cz, a to nejen odborníkům a studentům, ale i široké veřejnosti. ČNK obsahuje rozsáhlé elektronické korpusy psaného i mluveného českého jazyka i paralelní cizojazyčné korpusy.

³³ Korpus SYN verze 8 byl zveřejněn v roce 2019 a jsou v něm zahrnuty všechny korpusy SYN z let 2000–2015 a také publicistika z let 2010–2018. Korpus je referenční a není reprezentativní (převažuje v něm publicistika).

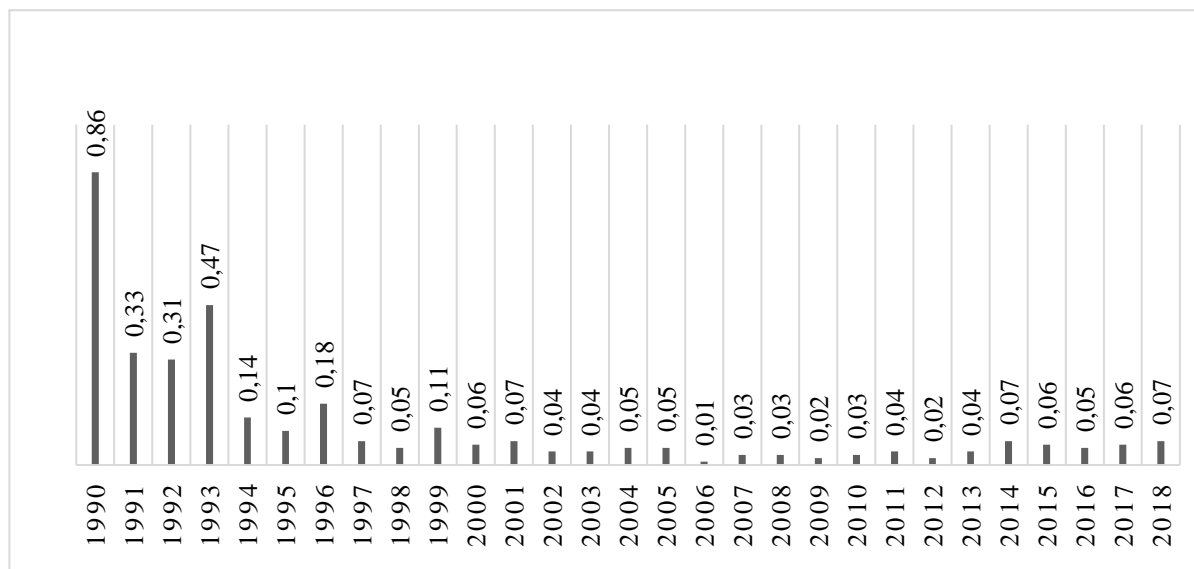
³⁴ V korpusu SYN2000 sice převažují texty z let 1990–1999, ale jelikož jeho cílem bylo zmapování širšího období, zahrnuje i texty, které byly opakovaně vydány po roce 1945, např. díla Čapka nebo Haška (Cvrček, Richterová, 2022). Tyto texty jsou sice stále recipované, ale pro naše účely nevhodné. ČNK samozřejmě obsahuje i texty daleko starší. Například v korpusu Diakorp jsou zastoupeny texty od 13. století, konkrétně pak beletrie vydaná před rokem 1945 a publicistika i odborná literatura před rokem 1989.

³⁵ Výsledky frekvenční analýzy z let 1990–1997 je však i přesto nutné brát s rezervou – textů z těchto let je v korpusu výrazně méně než z pozdějších let. Relativní frekvenci méně frekventovaných jevů tak může snadno ovlivnit jeho složení.

Ataman

slovníková definice	ataman , -a m. <i>volený náčelník kozáckého oddílu; přen. vůdce, velitel</i>
relativní frekvence	0,05
frekvence výskytu	sestupná

Graf č. 1: Frekvence výskytu lexému ataman

Lexém **ataman** se v 90 % případů vyskytuje ve významu definice uvedené v SSJČ ‚volený náčelník kozáckého oddílu‘ a přeneseného označení pro ‚vůdce či velitele‘.

Příklady užití: *Deník cituje atamana donských kozáků Viktora Ratějeva, jenž prohlásil: „Kozáci mají dost sil a v krajním případě budeme moci úspěšně bojovat i v Kišiněvě“.* (Lidové noviny, č. 57/1992)

(...) *„V čele sboru stojí vládce ústavu – to jsem jako já – neboli říd’a, řed’as, bobr, Něguš, Zeus, sahib, plantážník, ataman, prevoschoditelstvo...“* (Téma, č. 51/2015)

V 10 % případů nacházíme tento lexém v kontextu české politiky v roli satirického označení současných levicově orientovaných politiků nebo jako odkaz na praktiky vedení stran, institucí nebo organizací v období minulého režimu.

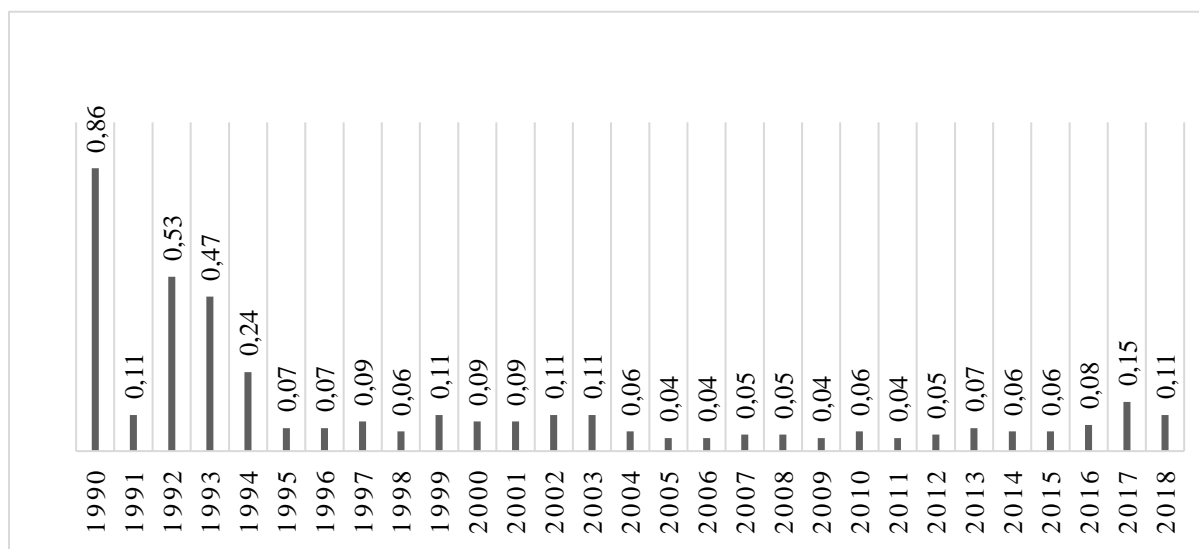
Příklady užití: *Chudák TGM už zase rotoval ve svém lánském hrobě. Do úst si ho totiž vzal klubový ataman KSČM Pavel Kováčik, když citoval jeho „Nebát se a nekrást“.* (Týden, č. 28/2013)

„Ředitel Blažek podle mého názoru jednal jako bolševický ataman z doby nedávno minulé,“ uvedl Bodický (...). (Lidové noviny, č. 20/1997)

Bát'uška

slovníková definice	bát'uška , -y m. <i>důvěrný název pro otce n. váženého muže</i>
relativní frekvence	0,06
frekvence výskytu	sestupná

Graf č. 2: Frekvence výskytu lexému bát'uška

Lexém **bát'uška** SSJČ definuje jako ‚důvěrný název pro otce nebo váženého muže‘ užívaný v ruském prostředí. V současné češtině se s ním v celkem 10 % případů setkáváme v textech odkazujících na ruské prostředí či ve spojení se jmény ruských osobností.

Příklady užití: *Stojíme jako ti **bát'uškové** ze slavného filmu Oblomov kolem rozvrzaných schůdků.* (Lidové noviny, č. 35/1993)

(...) *Ancelotti možná přemítal, jestli nebude lepší, když rezignuje sám, než aby čekal, až palec směrem k zemi zalomí **bát'uška** Abramovič.* (Hospodářské noviny, 13. 12. 2010)

Ve 27 % případů se lexém bát'uška vyskytuje v kolokaci *bát'uška car* a ve 43 % ve spojení s minulými i současnými ruskými a proruskými orientovanými politiky. Dvě třetiny všech výskytů jsou spojeny se jmény Stalin a Putin, zbylá třetina výskytů se pojí se jmény jako např. Lenin, Brežněv, Gorbačov či Lukašenko anebo s obecným označením ruských politiků či vůdců.

Příklady užití: *„Kohože budeme volit? Prezidenta? Ale my přeci prezidenta už máme,“ diví se starší muž v beranici. (...) Ruský prezident by měl vládnout pořádkem, stejně jako kdysi **bát'uška** car.* (Deníky Moravia, 27. 2. 2004)

(...) pak je vzal do své škrtící náruče **bát'uška** Stalin, aby z nich udělal občany Moldavské sovětské socialistické republiky a nadekretoval jim azbuku a porušená jména. (Mladá fronta DNES, 8. 6. 2011)

Bát'ušku můžeme v 13 % případů najít v kontextu české politiky, kde se objevuje jako satirické označení vybraných politiků (převážně M. Zemana) nebo v kontextu přirovnání k jednání ruských činitelů a politické situaci v carském Rusku.

Příklady užití: **Bát'uška** Ovar Prezident Zeman má další evropské prvenství. Kromě počtu vykouřených cigaret a množství požitého alkoholu je přeborníkem i v citacích ruských médií. (Euro č. 33/2016)

Politici v krajích a ve městech by se ale také museli naučit jinak myslet. Nikoli jako **bát'uškové**, kteří jen rozhodují o finančních tocích zabezpečených z centra, ale jako skuteční politikové, kteří chtějí dlouhodobě rozvíjet svěřený region. (Kohout, Hospodářské noviny, 23. 4. 2014)

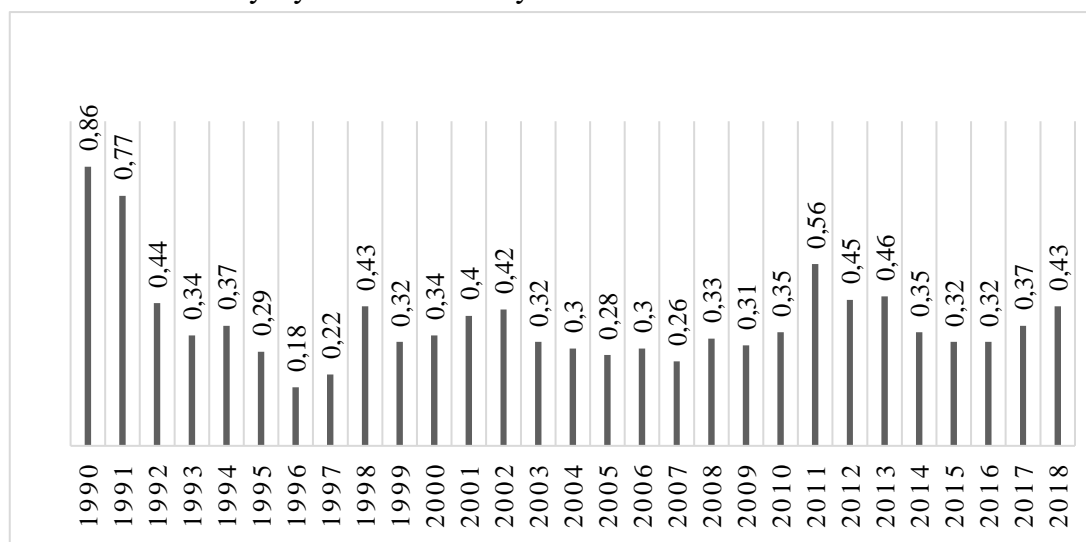
Jako bát'uškové se označují také kněží (popové) ruské pravoslavné církve. Ti tvoří celkem 7 % výskytů v ČNK.

Příklad užití: Kněz ukazuje na místo, kde stál Kazanský chrám postavený ve 30. letech 17. století. (...) **Bát'uška** vyzývá pravoslavné věřící ke sbírce na obnovení chrámu. (Lidové noviny – Nedělní příloha, č. 32/1992)

Bohatýr

slovníková definice	bohatýr , -a m. kniž. hrdina, rek
relativní frekvence	0,36
frekvence výskytu	kolísavá

Graf č. 1: Frekvence výskytu lexému bohatýr

Bohatýr patří mezi všeobecně známější rusismy a SSJČ ho charakterizuje jako knižní označení pro ‚hrdinu, reka‘. Tento lexém se v ČNK v jiném významu nevyskytuje, ale zajímavé jsou kontexty jeho užití.

Ve 44 % případů ho můžeme najít v kontextu označení pro hrdiny z pohádek a bájí. O knižní až archaické konotaci tohoto lexému svědčí to, že se většinou jedná o bohatýry dávné, staroruské, staročeské či bohatýry z legend, bylin aj.

Příklady užití: *Ze začátku, i když se to nesmělo, kreslil ptáky ohniváky a víly a princezny na šedém vlku a bohatýry zápasící s drakem (...).* (Zgustová, Tichá žena, 2005, Praha)

Při té příležitosti se v tisku i v televizi objevily rozhovory s dávnými bohatýry punkové revolty, dnes už padesátiletými. (Lidové noviny, 23. 1. 2010)

Ve zbylých 56 % případů se bohatýr vyskytuje v poměrně neočekávaném kontextu, a to kontextu sportovním. V ČNK se setkáváme typicky s bohatýry hokejovými, extraligovými nebo fotbalovými a s konkrétními bohatýry jako např. Ovečkin či Kovalčuk. Přesto, že lexém bohatýr je často spojován s ruskými sportovci, toto označení si vysloužili i sportovci jiných národností jako třeba Jágr, Hlinka, Růžička nebo Djokovič.

Právě poslední zmíněný sportovec se v roce 2011 postaral o zajímavý růst relativní frekvence. Po jeho výkonech v této tenisové sezóně kolokace *srbský bohatýr* zaplavila média a jak nám ukazuje graf č. 3, frekvence vzrostla na hodnotu 0,56 i.p.m.

Příklady užití: *Ve čtvrtfinále může narazit opět na Djokoviče. Právě srbský bohatýr je nejžhavějším kandidátem na titul.* (Deníky Moravia, 27. 8. 2011)

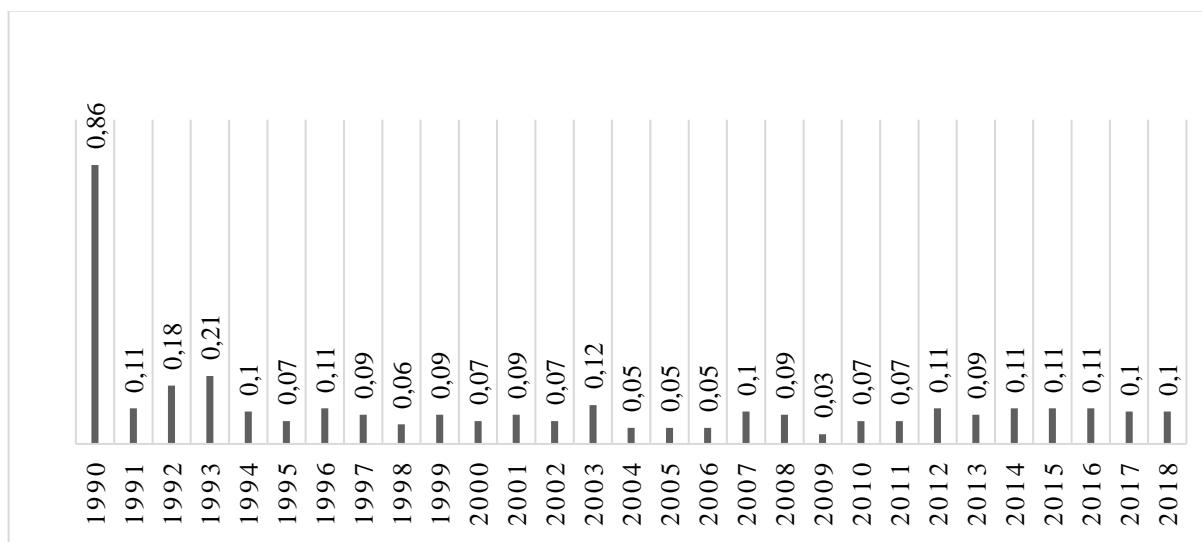
Ruskému bohatýrovi Alexandru Ovečkinovi se sice až tolik nedaří, kapitán Washingtonu ale mívá tradičně lepší druhou polovinu sezony. (Antonín Vavrda, Lidové noviny, 7. 12. 2016)

Jaromíre, jmenovče přeslavný, sokolíku odvážný, bohatýre nepřemožitelný, zůstaň nám dlouho zachován. Jak to tak vypadá, budeš muset otčinu svou překrásnou reprezentovat ještě za dvacet let. (Sport, 2. 1. 2010)

Heroj / Geroj

slovníková definice	heroj / geroj , -e m. <i>héros, hrdina</i>
relativní frekvence	0,08
frekvence výskytu	sestupná

Graf č. 2: Frekvence výskytu lexému geroj

Tento lexém se v ČNK, stejně jako výše popisovaný bohatýr, vyskytuje pouze ve významu slovníkové definice, tedy jako označení pro ‚hérose, hrdinu‘. I přesto, že SSJČ uvádí jako jedinou podobu zápisu *heroj*, v praxi se můžeme setkat také s variantou odpovídající zdrojovému ruskému slovu – *geroj*.

Ve 40 % případů se v korpusu vyskytují pohádkoví či jiní herojové a ve 20 % případů nacházíme socialistické, sovětské, komunistické, budovatelské heroje či heroje práce.

Příklady užití: *Zdá se, že doba je nakloněna stárnoucím superhrdinům. Akční gerojové 80. let se vracejí a chtějí dobýt filmový trh, (...).* (Respekt, č. 27/2007)
Zkostnatělé vedení strany ještě v únoru 1989 věřilo, že národ potřebuje budovatelské „heroje“. (Týden, 2006, č. 8/2006)

Jelikož se jedná o lexém, který byl hojně skloňován v období minulého režimu, lze u něj pozorovat posun do posměšné roviny. Jako příklad lze uvést oblast české politiky, kde geroje nacházíme v tomto kontextu v celkem 5 % případů.

Příklad užití: (...), *Čunek je jiný geroj!* „Svým odchodem bych přiznal svoji vinu, proto neodstoupím,“ *trvá dál na své podivné logice...* (Aha!, 31. 3. 2007)

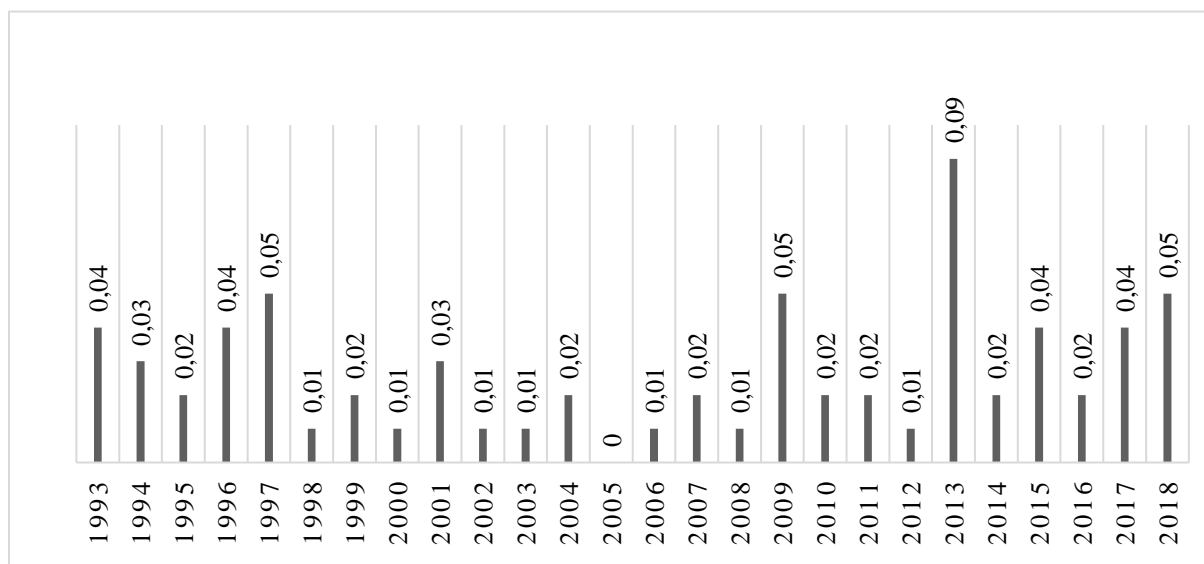
A stejně jako bohatýra i geroje potkáváme ve sportovním kontextu. V celkem 35 % případů v korpusu nacházíme hokejové, tenisové či fotbalové geroje.

Příklad užití: *Ted', když Sparta porazí Slavii třeba o dva góly, Chovanec bude zase geroj, co si budeme namlouvat.* (Sport, 6. 4. 2011)

Gosudar

slovníková definice	gosudar , -e m. kniž. (<i>ruský</i>) car
relativní frekvence	0,02
frekvence výskytu	kolísavá

Graf č. 5: Frekvence výskytu lexému gosudar

Lexém **gosudar** SSJČ definuje jako knižní označení pro ‚ruského cara‘, ale v analyzovaných textech je využíván i jako označení ‚vládce, samovládce‘.

Největší procentuální zastoupení, tedy 29 %, má gosudar jako vžitě označení pro ruského cara. Podobně vysoké je jeho zastoupení ve významu vládce či vůdce, které nacházíme ve 27 % případů, často se satirickým zabarvením v kontextu ruské politiky.

Příklady užití: (...) *když se car Petr rozhodl poslat všechny úplatkáře na Sibiř, ozval se jeden z jeho lidí: „A s kým budete vládnout, gosudare, když krademe všichni?“* (Lidové noviny, 20. 3. 2018)

*Přes všechny „vady na kráse“ ruských voleb (...) je jejich výsledek tristním obrazem stavu ruské společnosti. Na prvním místě tatíček, **gosudar**, vůdce atd. Putin, na druhém Leninovi dědicové (...).* (Hospodářské noviny, 17. 7. 2013)

Nemálo výskytů lexému *gosudar* nacházíme v kontextu díla V. Sorokina s názvem *Den opričnika*. Tento satirický, antiutopistický román popisuje život v budoucím Rusku, které je odříznuto od okolního světa a vládne mu novodobý car – *gosudar*. V češtině vychází v roce 2009 a odkazuje na něj celkem 17 % zdrojových textů. Právě to je příčinou zvýšení relativní frekvence v tomto období, které je vidět na grafu č. 5.

*Příklad užití: Sorokin líčí Rusko v roce 2027: vládne mu samovládny **Gosudar**, od světa je odděleno zdí, občané dobrovolně spálili své pasy. Rusko zásobuje cizinu plynem a dodávky občas zastavuje (...).* (Lidové noviny, 25. 11. 2009)

Celých 27 % *gosudarů*, kteří se nachází v ČNK, se pak pojí se jménem M. Zemana. Zde se o značné zvýšení frekvence zasloužil v roce 2013 (viz graf č. 5) M. Kalousek, který ho přirovnal k V. Putinovi a označil ho za *gosudara*. Vzhledem k tomu, že jako *gosudar* byl v minulosti označován nejen car, ale i Stalin, má toto označení v kontextu české politiky citelnou hanlivou konotaci. Možná právě proto byl Kalouskův kontroverzní výrok na adresu současného českého prezidenta tak hojně citován médii.

*Příklad užití: Ústavní zvyklosti jsou podle prezidenta Miloše Zemana idiotské. On sám je naopak podle kritiků **gosudar**, samovládce z carského Ruska (...).* (Hospodářské noviny, 17. 7. 2013)

Závěr

Jak vyplývá z výsledků analýzy, vybrané lexémy mají velice nízkou frekvenci výskytu³⁶, což je s ohledem na jejich povahu pochopitelné. V průběhu zkoumaného období, tedy v letech 1990–2018, vykazují sestupnou až kolísavou tendenci. Ve výjimečných případech můžeme pozorovat dočasný růst frekvence způsobený zvýšeným výskytem daného lexému v publicistice (např. u lexémů *gosudar* či *bohatýr*).

³⁶ Vyhledáme-li v korpusu se stejným nastavením například lexém *náčelník*, zjistíme, že jeho relativní frekvence je 100násobně vyšší (5,02 i.p.m.), než jakou jsme změřili u *atamana* (0,05 i.p.m.). Pokud bychom sáhli po frekventovanějších ekvivalentech ostatních lexémů, jako například *hrdina* či *vůdce*, bude tento rozdíl ještě znatelnější. Nejfrekventovanější rusismy, jako např. *vzduch*, *příroda* nebo *postupně*, dosahují frekvence kolem 15–18 i.p.m.

Podobně jako převážná část ruských lingvoreálií se i tyto lexémy vyskytují hlavně v textech popisujících ruskou (příp. východoslovanskou) kulturu, ekonomiku či politiku (*ataman donských kozáků, báťuška car* atd.). Ty méně známé, u kterých by čtenář mohl mít problém s odvozením významu pouze z kontextu, jsou často doprovázeny vysvětlivkou nebo doplněním, např. *Miroslav Kalousek z TOP 09 o Zemanovi už běžně mluví jako o „gosudarovi“ (ruský car)*. (Mladá fronta DNES, 15. 7. 2013).

Kromě textů, ve kterých se lexémy vyskytují jako nositelé místního koloritu nebo specifického významu, se setkáváme i v kontextech, kde bychom je s ohledem na jejich zažitý význam a způsob užívání nečekali. Tento kreativní přístup k rusismům volí především autoři publicistických textů, kteří je využívají jako zajímavá přirovnání. Příkladem takového uplatnění je lexém *bohatýr*, který se kromě oblasti umění a kultury (*bájný bohatýr Ilja Muromec*) v nadpoloviční většině případů pojí se sportovní tematikou, především se sportovci ruského původu nebo sportovci v Rusku působícími (*moskevští bohatýři, bohatýr z CSKA Moskva*).

Lexémy spojované s obdobím minulého režimu, tzv. sovětismy (*geroj truda*), a nechvalně proslulé reálie z ruského prostředí (*gosudar, samovládce z carského Ruska*), pak v určitých kontextech získávají satirickou až hanlivou konotaci. Nezřídka se využívají v publicistice pro označení (pro)ruských či levicově orientovaných politiků a veřejných činitelů.

Podobných rusismů, které jsou užívány s ironickým nádechem, nacházíme v současné češtině více, např. *bolševik, činovník, buržuj, gospodin, moloděc* aj. Jak již bylo zmíněno, jejich frekvence je velice nízká. Přibývají čtenáři, kteří jim mají problém porozumět a ubývají autoři, kteří je v textech využívají. Tyto lexémy se tak z naší aktivní slovní zásoby postupně vytrácejí. Zvýšení jejich frekvence způsobené určitou neočekávanou až kontroverzní situací či výrokem, je téměř vždy pouze dočasné.

О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕДАЧИ ЗАГЛАВИЙ ЭПИЗОДОВ СЕРИАЛА «ВИКИНГИ» НА РУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ

Александра ГНЬП, Силезский университет в Катовице
ID <https://orcid.org/0000-0003-0006-6758>

Историческое кино, а особенно его костюмированный жанр является очень популярными во всём мире. Среди одного из самых просматриваемых сериалов последних лет можно назвать, в частности, канадско-ирландский сериал «Викинги». Действие сериала происходит в Скандинавии в конце VIII века. В нем представлена судьба викингов, а прежде всего показаны события из жизни викинга Рагнара, его жены Лагерты и его брата Ролло, а также других членов их племени. Зрители сопровождают героев в их завоеваниях, битвах и других опасных моментах.

Премьера первого сезона «Викингов» состоялась третьего марта 2013 года, а последнего – тридцатого декабря 2020 года. В течение этих семи лет было создано 6 сезонов, которые содержат 89 эпизодов³⁷. Сериал был переведён на многие языки, в том числе на польский и русский. В обоих случаях перевод был осуществлён с помощью как субтитров, так и дублирования. Его название, в оригинале – Vikings, передано с помощью прецизионных эквивалентов исторической лексики, то есть – Wikingowie по-польски и «Викинги» по-русски.

Заглавие – это очень важный элемент любого кинопроизводства и одна из первых частей информации, которую зрители получают о фильме. Обобщая теоретические достижения польских лингвистов, таких, как Станислав Гайда (1990, с. 141–148), Малгожата Руткевич-Ханкевич (2013, с. 217), Кшиштоф Липиньски (2002, с. 77), можно сказать, что заглавие выполняет несколько основных функций. К ним относятся следующие:

1. описание фильма – заглавие позволяет зрителям предсказать жанр, а иногда даже тему фильма;

---

³⁷ Vikings Wiki. Режим доступа: <https://vikings.fandom.com/ru/wiki/wikingi> [цит. 2022-09-01].

2. побуждение к просмотру данного фильма;
3. привлечение внимания зрителей.

Кроме того, надо помнить, что заглавие фильма является тоже, в некотором смысле, рекламным текстом, поэтому его перевод может дополнительно осложняться.

Анализируя названия эпизодов сериала «Викинги», мы выделили среди них несколько семантических групп. В нашей главе подробнее остановимся на самых многочисленных и, по нашему мнению, наиболее интересных из них в аспекте перевода.

Первая, при этом и самая многочисленная группа заглавий, имеет антропоморфические ссылки. В пределах этой категории наблюдаются две подгруппы. В одной из них содержатся названия, связанные с конкретными, часто ключевыми для всего сюжета или данного эпизода, героями. Примерами таковых заглавий являются:

Сезон	Эпизод	Английское заглавие	Русское заглавие	Польское заглавие
V	20	Ragnarok	Рагнарок	Ragnarok
VI	2	The Prophet	Пророк	Prorok
VI	11	King of Kings	Конунг конунгов	Prawdziwy król

Первым примером является заглавие 20 эпизода V серии сериала. Заглавный Ragnarok – это один из главных героев «Викингов». В польскоязычной версии применён трансфер, а на русский язык название передано с помощью транслитерации, совпадающей здесь с транскрипцией. Следует подчеркнуть, что по-русски такое написание совпадает с номинацией судьбы, предназначения богов, в скандинавской мифологии (Рагранок), в то время как в польском языке данное обозначение функционирует в форме Ragnarök либо Ragnarak.

Во втором примере, то есть во 2 эпизоде VI сезона, английское заглавие The Prophet передано как «Пророк» в русской версии и Prorok в польской, т.е. с применением словарных эквивалентов.

Интересным примером является русский перевод 11 эпизода той же самой серии. Название King of Kings переведено как «Конунг конунгов». Это непосредственно соотносится с древнескандинавской и древнегерман-

ской культурой, где термин *конунг* обозначает верховного правителя. Согласно дефиниции из «Большой российской энциклопедии»:

«*КÓНУНГ* (древненорвежский *konungr*) – военный вождь, высший представитель родовой знати у скандинавов в раннем Средневековье. Первоначально глава отдельных племени или области, предводитель дружины. В эпоху викингов произошло возвышение конунгов отдельных родов, которые подчинили себе значительные территории»³⁸.

В русском языке это слово достаточно известно, подтверждение чему может послужить хотя бы идентичное название компании по производству и поставке элитного чая и кофе. В польском языке тоже выступает слово *konung*, но оно используется в специальных текстах и не так знакомо широкой аудитории. В связи с этим польские переводчики предпочли применить лексему *król*, которое, как и английское *king*, не передаёт полностью реалий скандинавских политических структур, но является понятным всем.

Во вторую подгруппу включаются заглавия, которые ссылаются не на конкретного героя, но на сообщество людей. К примеру, это такие заглавия, как:

Сезон	Эпизод	Английское заглавие	Русское заглавие	Польское заглавие
I	2	Wrath of the Northmen	Гнев северян	Gniew ludzi północy
III	10	The Dead	Мертвец	Martwi
VI	4	All the Prisoners	Все заключённые	Wszyscy więźniowie

Большинство из подобных заглавий переводится на русский и польский языки без лексических изменений, а наблюдаемые в них грамматические модификации обусловливаются различиями в системах разных языков. Вместе с тем можно отметить исключения, как например перевод 10 эпизода III сезона. Любопытным здесь является изменение числа в заглавиях. Так, английское название *The Dead*, как и русское

³⁸ Большая российская энциклопедия. Режим доступа: https://bigenc.ru/world_history/text/2093804 [цит. 2022-09-01].

«Мертвец», указывает на единственное число, а польское Martwi – на множественное.

Вторая, с точки зрения фреквентивности, является группа заглавий, связанных с происшествиями, ключевыми для сюжета или героев. Примерами таковых заглавий являются:

Сезон	Эпизод	Английское заглавие	Русское заглавие	Польское заглавие
I	5	Raid	Налёт	Napaść
III	6	Born Again	Рождённый заново	Narodziny
IV	4	Yol	Йоль	Święta

Обратим здесь внимание на заглавие 6 эпизода III сезона, то есть Born Again. Русский перевод «Рождённый заново», как и оригинал, указывает на очень существенный для сюжета элемент повторяемости. К сожалению, польский вариант – Narodziny, не передаёт этой важной подробности, что впоследствии может негативно влиять на восприятие и понимание сюжета зрителем.

В свою очередь, заглавие 4 эпизода IV сезона – Yol, является названием скандинавского праздника, связанного с зимним солнцестоянием³⁹. Вместе с появлением на землях викингов христианства этот праздник был изменён на Рождество Христово, с чем соотносится польское обозначение. Однако мы считаем, что в таком случае происходит семантический сдвиг и такой перевод нельзя признать полностью верным.

Следующей группой являются заглавия, связанные с богами, божествами, а также **сверхъестественными силами или мистическими явлениями**. Примерами первой категории являются названия:

Сезон	Эпизод	Английское заглавие	Русское заглавие	Польское заглавие
V	16	The Buddha	Будда	Budda
V	18	Baldur	Бальдр	Baldur

³⁹ *Вся Норвегия на русском*. Режим доступа: <http://www.norge.ru/joel/> [цит. 2022-09-01].

Как можно заметить, заглавия, которые ссылаются на имена богов или божеств, передаются с помощью общепринятых эквивалентов. Подобным образом передаются названия, связанные со **сверхъестественными силами или мистическими явлениями**:

Сезон	Эпизод	Английское заглавие	Русское заглавие	Польское заглавие
V	11	The Revelation	Откровение	Objawienie
VI	9	Resurrection	Воскрешение	Zmartwychwstanie

В первом из вышеприведённых примеров, в заглавии 11 эпизода V сезона – The Revelation. Как оригинал, так и русский перевод – «Откровение», имеют любопытный семантический дуализм. Данные слова обозначают, с одной стороны, *видение*, а с другой, – *апокалипсис*. Польский язык не располагает, словом, которое бы содержало эти два значения. Objawienie обозначает только *видение* и, таким образом, передаёт лишь часть лексического наполнения исходного заглавия, что может вызывать замешательство в декодировании сюжета.

Четвёртую группу составляют заглавия, имеющие топонимические ссылки. Они касаются географических или исторических имён как реальных местонахождений, как и абстрактных локализаций. Ниже приведём несколько примеров:

Сезон	Эпизод	Английское заглавие	Русское заглавие	Польское заглавие
III	7	Paris	Париж	Paryż
V	3	Homeland	Родина	Ojczyzna
V	15	Hell	Ад	Piekło
VI	8	Valhalla Can Wait	Вальхалла может подождать	Walhalla może poczekać

Наиболее интересным представляется здесь название 8 эпизода VI сезон, а конкретно передача топонима *Valhalla*, обозначающего место, в которое попадают погибшие во время битвы воины. В польском языке в данном случае наблюдается замена первой буквы в правописании, т.е. *v* на *w* (*Walhalla*), хотя существует и второй вариант написания, полностью совпадающий с английским. В русском переводе выступают расхождения,

связанные с передачей буквы *h*. Раньше, согласно правилам транслитерации, она передавалась как буква *z* (ср.: *Hudson* – Гудзон), а в настоящее время всё большей популярностью пользуется вариант с буквой *x*. В связи с этим и при переводе названия *Valhalla* применяется номинация *Вальхалла*. Однако, в зависимости от того, на каком стриминговом сервисе мы смотрим этот сериал, встречается и другой вариант написания этого топонима – *Вальгалла*. Отметим, что в русском языке встречается также третья возможность передачи слова, без мягкого знака, – *Валгалла*.

Последняя группа состоит из заглавий, в которых выступают зоонимы. Среди названий животных, встречающихся в заглавиях сериала «Викинги», можем выделить такие, которые относятся к встречающимся в природе, и такие, которые существуют только в области мифологии. Примерами могут быть:

Сезон	Эпизод	Английское заглавие	Русское заглавие	Польское заглавие
II	7	Blood Eagle	Кровавый орёл	Krwawy orzeł
VI	3	Ghosts, Gods and Running Dogs	Призраки, боги и бегущие собаки	Duchy, bogowie i psy gończe
VI	6	Death and the Serpent	Смерть и змей	Śmierć i wąż

Blood Eagle – название 7 эпизода II сезона – в первую очередь ассоциируется с птицей, символизирующей духов предков или славянские племена. Однако, помимо этого, «Кровавый орёл» относится тоже к описываемой в скандинавских летописях чрезвычайно жестокой и кровавой пытке, которая приводила к смерти обречённого⁴⁰.

Второй пример содержит английское словосочетание *running dogs*, что переведено на русский язык как *бегущие собаки*, а на польский – *psy gończe*. По дефиниции Oxford Learners Dictionaries, устойчивое выражение, используемое в исходном заглавии, обозначает прежде всего «a person who follows a political system or set of beliefs without questioning them»⁴¹.

⁴⁰ Perry D. M., Gabriele M., 2021, Did the Vikings Actually Torture Victims With the Brutal ‘Blood Eagle’?, *Smithsonian magazine*. Dostępne z: <https://www.smithsonianmag.com/history/did-the-vikings-actually-torture-victims-with-the-brutal-blood-eagle-180979148/> [цит. 2022-09-01].

⁴¹ *Oxford learners dictionaries*. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/running-dog> [цит. 2022-09-01].

Ни русский, ни польский вариант не передают смысла оригинала, что может значительно повлиять на несоответствующее замыслу создателей восприятие эпизода.

Последним примером является заглавие 6 эпизода VI сезона сериала – *Death and the Serpent*. Термин *serpent* обладает двумя значениями. Во-первых, это *змея*, один из видов рептилии. Во-вторых, в скандинавской мифологии, он обозначает гигантского, морского змея⁴². В русском переводе применённая книжная, народнопоэтическая форма *змей* может соотноситься среди прочего с отрицательной ролью этого существа в развитых мифологических системах как воплощения водного, подземного или потустороннего мира, на что указывает Вячеслав Иванов (1987, с. 468–471). Не случайно эта же форма используется в сочетании *морской змей*, обозначающего фантастическое существо в мифах разных народов мира. В польской версии название *wąż* также есть в сочетании *wąż morski*, однако стилистическая окраска данного слова не столь яркая, как у слова *змей* в русском языке.

Подытоживая, отметим, что среди заглавий сериала «Викинги» и их перевода на русский и польский языки можно выделить также другие семантические группы. В главе мы проанализировали только те, которые были наиболее репрезентативны. Тематика сериала предопределяет то, что чаще всего используются заглавия, связанные с важными для сюжета или героев событиями, **сверхъестественными силами, мистическими явлениями**. Кроме того, многие названия включают антропоморфические, топонимические или зоонимические ссылки. Проведённый анализ выбранных нами примеров позволяет прийти к выводу о том, что перевод заглавий на русский язык по сравнению с польским переводом в большей степени передаёт лексические и грамматические тонкости исходных форм (например, *The Revelation* – *Откровение* – *Objawienie*, *The Dead* – *Мертвец* – *Martwi* *Death and the Serpent* – *Смерть и змей* – *Śmierć i wąż*), а также специфику реалий мира викингов (к примеру, *Yol* – *Йоль* – *Święta*).

---

⁴² *World history encyclopedia*. Dostępny z: <https://www.worldhistory.org/Jormungandr/> [цит. 2022-09-01].

АНТРОПОНЫМА В РУСКÝХ ПОХÁДКÁХ: JEJICH ПŮВОД, ВÝЗНАМ А ВУЖИТÍ В СОУЧАСНÉ ДОБĚ (ВЫБРАНÉ ПОХÁДКЫ)

Alena DANYIOVÁ, Masarykova univerzita, Brno
ID <https://orcid.org/0009-0009-4621-2280>

Úvod

Vlastní jméno osobní (či antroponymum) je vlastní jméno jednotlivého člověka. Slovo antroponymum pochází z řeckých slov *ἄνθρωπος* (čes. člověk) a *ὄνομα* (čes. jméno). Antroponyma tvoří součást třídy bionym, tzv. vlastních jmen živých a jakoby živých bytostí a jiných organismů. Mají charakter substantiva nebo pojmenovacího spojení a jejich hlavní funkce je pojmenovat jedince, identifikovat je jako jedinečné objekty a odlišit je od ostatních jedinců. V rámci vlastních jmen tvoří antroponyma samostatnou třídu proprií, která je spojena s pojmenováním osob (Pleskalová 2011, s. 9). V pohádkách mají jména důležitou funkci. Podle jména čtenář pochopí, zda se jedná o zápornou nebo kladnou postavu a zároveň křestní jméno poukazuje na charakter či vlastnosti bájně postavy jako např. *Иванушка-дурачок* nebo *Василиса-премудрая* atd. Pro tuto kapitolu kolektivní monografie bylo zvoleno sedm ruských národních pohádek a dvě pohádky A. S. Puškina:

- «Иван-царевич и серый волк» (Ivan-carevič a šedý vlk);
- «Иванушка-дурачок» (Ivan-hlupák);
- «Царевна-лягушка» (Žabka-carevna);
- «Сивка-Бурка» (Sivka-Burka);
- «Василиса Прекрасная» (Krásná Vasilisa);
- «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» (Jdi tam – nevím kam. Přines to – nevím co);
- «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка» (Sestřička Aljonuška a bratříček Ivanuška);

- «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (Pohádka o caru Saltánovi, slavném a mocném bohatýru knížeti Gvidonu Saltanoviči a o jeho krásné carevně Labuti);
- «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» (Pohádka o mrtvé princezně a sedmi bohatýrech).

Нупокористикум

Нупокористická podoba vlastního jména je expresivní obměna vlastního jména (ojediněle apelativa) v neoficiálním prostředí, které plní vedle základních onymických funkcí (identifikační, pojmenovací, individualizační) ještě funkci expresivní (Pleskalová 2014, s. 26). V průběhu doby hypokoristika ztrácí své citové zabarvení a vnímají se v neformálním prostředí neutrálně. Expresivní zabarvení pravých hypokoristik způsobuje, že je v České republice nelze užívat ve funkci rodného jména, a proto nemohou být zapisována do matriky ani do osobních dokladů. Existuje několik druhů českých hypokoristik, které se např. odvozují od plných a redukovanych základů (Ibidem, s. 27). V ruských pohádkách se hypokoristika používají často např. *Иванушка*, *Алёнушка* aj. a jsou velice oblíbená v Rusku a Bělorusku.

Vlastní jména v ruských národních pohádkách

V ruských národních pohádkách se najde velké množství vlastních jmen. Nejoblíbenějším a nejčastějším křestním jménem v ruských pohádkách je *Ivan*. V ruské národní pohádce «Иван-царевич и серый волк» mladší syn cara nese jméno *Ivan*, které je hebrejského původu:

«Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном» (Народные сказки. Иван-царевич и серый волк).

Jméno *Ivan* je často spojené s hrdinou ruských tradičních pohádek *Иванушкой* («Иванушка-дурачок»), ve kterých je obvykle *Ivan* třetím, hloupým a líným synem:

«Был-жил старик со старухой; у них было три сына: двое умные, третий – Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил» (Народные сказки. Иванушка-дурачок).

V pohádce *Žabka-carevna* najdeme kromě typického jména pro ruské pohádky *Ivan-carevič* ještě krásné ženské jméno *Vasilisa Přemoudrá*. V pohádce se žába promění v krásnou dívku *Vasilisu*:

„Ivan carevič ulehl k spánku a žabka vyskočila na zápraží, shodila ze sebe svoji žabí kůži a proměnila se ve Vasilisu Přemoudrou, v takovou krasavici, že to ani v pohádce nepovíš.“ (Tolstoj 1953, s. 56).

Ivan je mužské křestní jméno, které má bohaté kořeny a původ v hebrejštině. Jméno *Ivan* pochází z hebrejského *Jochánán* (יהונן), což znamená „Bůh je milostivý“ nebo „Bůh pomiloval“, které bylo dříve jedním z nejběžnějších židovských jmen (Withycombe 1946, s. 79). Ve staroslovenštině toto jméno mělo podobu *Ioan* (Иоан) – *Юан*. Jméno *Ivan* je velice frekventované a oblíbené jméno u Slovanů, zejména u východních a jižních. Od jména *Ivan* je odvozeno i příjmení *Иванов*, *Иванова*, které je velice populární v Rusku a zároveň jméno po otci:⁴³ *Иванович*, *Ивановна*, hov. *Иваныч*⁴⁴ (Петровский 1966, s. 118). Jméno *Ivan* je fenoménem ruské kultury a často se používá v různých pohádkách, ale plní nominativní a stylistickou funkci s pomocí stejných prostředků. V různých pohádkách může jméno *Ivan* být pro *Ivana-hlupáka* nebo *Ivana-careviče*. Hypokoristikum *Ivanuška* může označovat malé dítě – bratříka nebo také hloupého syna. Lze říct, že antroponymum *Ivan* má jediný lingvo-kulturologický význam (Татарникова 2015), avšak dle kontextu pohádky může na čtenáře působit pozitivně nebo negativně.

Například v pohádce *Sivka-Burka* stařec měl tři syny, nejmladší byl *Ivan-hlupák*, který jen chodil po lese, seděl doma za pecí a nic nedělal:

„Starší hospodařili. Byli to rozmařilci a šviháci, ale nejmladší, Ivan-hlupák, byl samotář, rád chodil po lese a sbíral houby a doma většinou seděl za pecí.“ (Tolstoj 1953, s. 69).

Starší bratři pro oslovení mladšího používají hypokoristikum *Váňo*:

„Váňo, jdi tuto noc na hrob k otci místo mne!“ (Ibidem).

Stejně *Ivana* oslovuje v pohádce i jeho mrtvý otec:

„Kdo je tu? Jsi to ty, můj nejmladší synu, Váňo?“ (Tolstoj 1953, s. 70).

Na začátku pohádky vnímáme *Ivana* díky jménu spíše negativně, jako hloupého syna, ale *Ivan* byl jediný, kdo chodil ke hrobu svého zemřelého otce

⁴³ Rus. отчество.

⁴⁴ Rus. разговорная форма.

a ten mu posléze prozradil tajemství, jak se proměnit ve švarného bohatýra na koni. Na konci pohádky si *Ivan* bere krásnou carevnu za ženu, protože byl nejschopnější a splnil úkol cara, a čtenářem už není vnímán jako hloupý *Ivan*, naopak jako velmi chytrý.

V ruštině jsou dvě verze této národní pohádky: první «Сивка-Бурка» v korekci M. A. Bulatova a druhá verze «Сивко-Бурка» ze sbírky pohádek Národní ruské pohádky A. N. Afanasjeva. První verze je odlišná od pohádky Tolstého, která je citovaná výše. Zde se používá hypokoristikum jména *Ivan* – *Иванушка*:

«Жил-был старик, и было у него три сына. Младшего все Иванушкой-дурачком звали.» (Русская народная сказка Сивка-Бурка, 2007).

To je první patrný rozdíl, druhý rozdíl je, že v pohádce Tolstého carevna, která políbí *Ivana-hlupáka*, nemá křestní jméno:

„Na vysokém zámku o dvanácti sloupech a dvanácti věncích sedí na samém vrcholku v okénku carevna Неприроvnателнá Красавице.“ (Толстой 1953, s. 73).

V pohádce «Сивка-Бурка» v korekci M. A. Bulatova se objevuje jméno carevny *Elena Prekrasnaja*:

«Сидит царская дочь Елена Прекрасная в своём высоком тереме у окошка. Кто на коне до царевны доскочит да с её руки золотой перстень снимет, за того она и замуж пойдёт!» (Русская народная сказка Сивка-Бурка, 2007).

Stejně jako předchozí verze pohádka končí tím, že *Ivanuška* už není hloupý syn, ale schopný mladík, který se na konci pohádky ožení s dcerou cara:

«Умыли Иванушку, причесали, одели, и стал он не Иванушкой-дурачком, а молодец молодцом, прямо и не узнаешь! Тут ждать да рассуждать не стали веселым пирком да за свадебку!» (Ibidem).

V druhé verzi pohádky «Сивко-Бурко» ze sbírky A. N. Afanasjeva třetí syn je *Иван-дурак* a dcera cara se uvádí pouze jako Царевна:

«Жил-был старик; у него было три сына, третий был Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался. (...) Царевна потчует гостей, каждому подносит пива и смотрит, не отрётся ли кто шинкой? – тот её и жених.» (Ibidem).

Na konci pohádky, stejně jako v ostatních verzích, je z hloupého *Ivana* chytrý a krásný mladík:

«Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать!» (Ibidem).

V pohádce Sestřička Aljonuška a bratříček Ivanuška jsou dvě křestní jména: ženské – *Алѣнушка* a mužské jméno – *Иванушка*:

„Žili jednou car a carevna a ti měli syna a dceru. Synovi říkali Ivanuška, dcerce Aljonuška.“ (Ruské národní pohádky 1973, s. 5)

V obou pohádkách je jméno *Ivan* uvedeno ve formě *Ivanuška* – hypokoristikum jména *Ivan*. Ženské jméno *Aljonuška*, *Aljona* je zároveň hypokoristikum jména *Elena* (*Helena*), které zůstalo v ruském a běloruském prostředí jako samostatné národní jméno – *Алѣна*. V pohádce Sestřička Aljonuška a bratříček Ivanuška se popisuje příběh dvou dětí, které zůstaly bez rodičů. V celé pohádce jsou pouze hypokoristika, která poukazují na věk dětí a vztah sestry a bratra. Jako například když bratr volá sestru:

„Aljonuško, sestro moje,
vypluj, vypluj ke mně na břeh!“ (Ibidem, s. 7).

Nebo jak v pohádce oslavuje sestra bratra:

„Ivanuško, bratříčku můj!“ (Ibidem).

Ve zmíněné pohádce se hypokoristikum *Ivanuška* vnímá pozitivně na rozdíl od pohádky Ivanuška-duračok, protože se jedná o malé dítě, bratříčka *Aljonušky*. Ženské jméno *Елена* se používá v pohádce pouze jako jeho hypokoristikum – *Алѣнушка*.

Ženské křestní jméno *Helena* je řeckého původu⁴⁵ a znamená „pochodeň“ nebo „světlo“, ve staré řečtině – *Ἑλένη*. Jmeniny jména *Helena* připadají na 18. srpna (Knappová 2020, s. 433). V ruštině a bulharštině má toto jméno ekvivalent *Елена* (Завальнюк 2017, s. 111). Řecké jméno *Elena* je velice oblíbené v Řecku, Bulharsku, Rusku, Bělorusku, na Ukrajině atd. Zároveň je jméno *Helena* populární v Polsku a v České republice. Jméno *Eleni* je novořeckou podobou jména *Helena* (Knappová 2020, s. 406). Hypokoristika od jména *Helena* v češtině jsou: *Helča, Helka, Heloušek, Hela, Helina, Helinka, Helička, Heluše, Heluška, Heluš, Heluna, Helunka, Lena, Lenka, Ela* aj. (Ibidem, s. 433). V běloruštině má jméno *Helena* podobu *Алена* (*Гелена*) a význam – паходня, бляск, свѣтач, выбраная (грэч.) (Завальнюк 2017, s. 245). Tady se setkáváme s dalším významem jména *Helena* jako „vyvolená“ či „blesk“. Hypokoristika v běloruštině ke jménu *Алена* jsou: *Алѣна, Ялена, Гэля, Лена, Аліся* (Ibidem,

⁴⁵ Z řečtiny *heléné*.

s. 111), v ruštině: *Еленка, Лена, Ленка, Ленуша, Ленуся, Леся, Еленя, Еля, Ела, Елюша, Елюся, Алёнка, Алёна, Алёнушка, Леля, Лелечка* aj.

V další ruské pohádce Krásná Vasilisa z cyklu pohádek A. N. Afanasjeva se vypraví o kupci, který měl jedinou dceru *Vasilisu*:

„V jednom království žil kdysi kupec. Dvanáct let žil se svou ženou a měli jen jedinou dceru, Krásnou Vasilisu.“ (Afanasjev 2010, s. 97).

V pohádce jsou využita zároveň hypokoristika *Vasilenka* a *Vasilinka*:

„Poslouchej, Vasilenko! Pozorně mne vyslechni a vyplň moje přání – to poslední!“ (Ibidem).

V prvním případě dívku oslavuje něžně její maminka a používá jméno ve tvaru *Vasilenka*. V druhém případě vypravěč popisuje krásnou dívku a používá hypokoristikum *Vasilinka*:

„Vasilisa byla nejkrásnější dívkou ve vsi. Kam Vasilinka vchází, tam bílé slunko září.“ (Ibidem).

Lze zmínit, že v pohádce celé jméno dívky je *Krásná Vasilisa*, které patří k nepravým antroponymům. Jméno postavy odkazuje na její vnější vlastnosti:

„Tak stanula Krásná Vasilisa před carem a carské oči uviděly krásu, kterou předtím nikdy nespatřily. A jak car krásnou pannu uviděl, nadosmrtil se do ní zamiloval.“ (Ibidem, s. 111).

Vlastní jméno *Vasilisa* je řeckého původu, ze staré řečtiny – *Βασίλισσα, βασίλινα*. V češtině má jméno podobu *Vasila* či *Vasilie*, které bylo přejaté z ruštiny a je ženskou podobou jména *Vasil* (*Василий*), co znamená „královský“. Obě podoby se v České republice vyskytují ojediněle, ale v ruských pohádkách je toto jméno velice oblíbené a frekventované: «Василиса Прекрасная», «Морской царь и Василиса Премудрая» aj. Нурокористика k jménu *Vasila* v češtině jsou: *Vaska, Vasilka, Vasenka, Vasča* apod. Нурокористика v ruštině: *Василиска, Василька, Вася, Васа, Васёна, Васеня, Васюня, Сюня, Васюра, Васюта, Сюта, Васюха, Васюша, Васяня, Васята* aj. Od jména *Vasilisa* se v ruském prostředí vytvořily samostatné hovorové formy: *Веселиса, Висилиса, Велиса*. V ukrajinštině má jméno *Vasila* podobu – *Василина*, v ruštině – *Василиса, Василисса*, v bulharštině – *Василия*, ve francouzštině – *Basilisse*, v nové řečtině – *Βασιλική (Vasiliki)*, v srbštině a makedonštině – *Василија*, v polštině – *Wasilisa*, v běloruštině – *Васіліса, Васіліна*, v maďarštině –

Vaszilia, Vaszília. Jmeniny připadají na 2. ledna a 14. června⁴⁶ (Knappová 2020, s. 569).

V pohádce „Jdi tam – nevím kam, přines to – nevím co“ v podání A. N. Tolstého se uvádí mužské křestní jméno *Andrej*. Při překladu do češtiny autorka Růžena Hořejší ponechává ruskou verzi jména *Andrej* a nepřekládá jméno do češtiny jako *Ondřej*. Pro srovnání uvádíme originál v ruštině a překlad do češtiny:

«В некотором государстве жил-был царь, холост – не женат. Был у него на службе стрелок, по имени Андрей.» (Толстой 1946, s. 3).

„V jednom království žil jednou jeden car, svobodný – neženatý. Měl ve službě střelce a ten se jmenoval Andrej.“ (Tolstoj 1953, s. 9).

Mužské křestní jméno *Ondřej* je řeckého původu, z řečtiny *Ἀνδρέας* (*Andreas*), což znamená „odvážný“, „statný“ či „mužný“ a v současné době je velice oblíbeným a populárním jménem v České republice a zároveň v Rusku a Bělorusku. Vlastní jména *Ondra* a *Ondráš* jsou v češtině osamostatněnými zkráceninami od jména *Ondřej*. *Ondra* se používá běžně a jméno *Ondráš* – ojediněle (Knappová 2020, s. 274). V ruštině hypokoristika od jména *Андрей* jsou: *Андрюша, Андрюха, Андрюня, Андрейка, Андря* aj.

Vlastní jména v pohádkách A. S. Puškina

Alexandr Sergejevič Puškin je bezesporu nejznámější básník, dramatik, prozaik a zakladatel moderní ruské literatury. Pohádky A. S. Puškina provázely v dětství každého a ozvěny jeho tvorby lze pocítit i v dnešní literatuře a kinematografii. Pro předložený článek bylo zvoleno několik ruských pohádek A. S. Puškina, které obsahují vlastní jména. V první ruské pohádce A. S. Puškina «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» (1833) se vyskytuje jméno *Jelisej* – rus. *Елисей*:

«Белолица, черноброва,

Нраву кроткого такого.

И жених сыскался ей,

Королевич Елисей.» (Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях, 2022).

⁴⁶ V obou případech podle starších kalendářů.

Celé jméno pohádkové postavy – *Королевич Елисей*, které je nepravým antroponymem a patří ke kategorii jmen postav odkazujících na jejich sociální postavení (jako např.: *Иван – царевич, Иван – бедняк* atd.). Dle formálně-strukturního hlediska jméno *Королевич Елисей* patří ke kategorii dvouslovných jmen: křestní jméno *Елисей* a přístavek *Королевич*. Jméno *Елисей* – česk. *Elizej, Elizeus* je mužské vlastní jméno hebrejského původu (z hebr. *עִלְיָשָׁה* – Elíša), které znamená „Bůh je má spása, osvobození“. Svátek se slaví 14. června⁴⁷. Нурокористика v češtině ke jménu *Elizej, Elizeus* jsou: *Ela, Elek, Elizek* apod. V němčině jméno *Elizej* má podobu – *Elias*, v polštině – *Elizeusz*, v ukrajinštině – *Єлисей*, v běloruštině – *Елісей*, v maďarštině – *Elizeus*, v angličtině – *Elisha*, v italštině a španělštině – *Eliseo*, ve francouzštině – *Élisée* (Knappová 2020, s. 179), v ruštině a bulharštině – *Елисей*. Jméno *Elíša* je počestvena podoba původem hebrejského jména *Elizej, Elizeus*, která se objevuje v nejnovějších překladech bible. Jméno *Elíša* se zřídka využívá i jako ženské jméno. V angličtině má toto jméno podobu *Elisha* a v němčině – *Elischa* (Ibidem, s. 178–179). Jméno *Elizej* se vyskytuje v ČR jen zřídka. V běloruštině jméno *Елісей* znamená – «якога збавенне праз Бога, якога ратуе Бог» (Завальнюк 2017, s. 210). Нурокористikum v běloruštině ke jménu *Елісей* je *Алісей* a jméno po otci neboli otčestvo zní – *Елісеевіч, Елісееўна*. V ruštině má otčestvo podobu – *Елисеевич, Елисеевна* (Ibidem, s. 44). *Елісей Лаўрышаўскі* (bělor.), v ruštině *Елисей Лавришевский* – je svatý pravoslavné církve a zakladatel mužského kláštera v Bělorusku «Белая Лавра», který nese jeho jméno (Белая Лавра, 2022).

V další velice oblíbené pohádce A. S. Puškina «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» z roku 1831 se objevuje krásné jméno *Гвидон*:

«Все их громко величают

И царевича венчают

Княжей шапкой, и главой

Возглашают над собой;

И среди своей столицы,

С разрешения царицы,

В тот же день стал княжить он

И нарекся: князь Гвидон.» (Сказка о царе Салтане, 2022).

⁴⁷ Podle maďarského kalendáře.

V pohádce toto jméno patří synovi cara Saltána, kterého uvěznili spolu s carevnou do bedny a pustili do oceánu. Carevna a její dítě nezahynuly a posléze se chlapec stal knížetem *Gvidonem*. V českém prostředí má tohle jméno podobu *Kvído* (*Kvido*) nebo *Quido*. Je velice originální, půvabné a v dnešní době je běžné a oblíbené. Jméno *Kvído* je staroněmeckého původu a má bohaté kořeny ze staré horní němčiny – *Wido* a vykládá se jako „lesní“ nebo „pocházející z lesa“ (Knappová 2020, s. 236). Ve slovníku vlastních jmen U. M. Zavalnjuk uvádí význam jména *Гвидон* jako «вучоны, выхаваны» (ням.) nebo «дрэва, лес» (ст.-герм.).⁴⁸ Hypokoristika k jménu *Kvido* jsou: *Kvidek*, *Kvido-nek*, *Kvidoš* či *Kvidošek*. V polštině má tohle jméno podobu – *Gwido*, *Gwidon*, *Guido*, v bulharštině – *Gvido*, v rumunštině – *Quido*, v němčině – *Wido* a *Guido*, v portugalštině, španělštině a nizozemštině – *Guido*, ve francouzštině – *Gui*, *Guy*, v maďarštině – *Gujdó* (Ibidem, s. 236–237), v italštině – *Guidone*, *Guido*, *Guittone*, v litevštině – *Gvidas*, v angličtině – *Guy* a v běloruštině – *Гвидон* (разм. *Гвидо*⁴⁹). V případě ruštiny a běloruštiny jsou od jména *Gvidon* vytvořena jména po otci: *Гвидонович*, *Гвидонова* (rus.) a *Гвидонавіч*, *Гвидонаўна* (bělor.) (Завальнюк 2017, s. 37). Avšak ruská verze *Гвидон* nebo *Гвидо* není v ruském prostředí příliš populární. Jméno *Gvidon* má i arménskou verzi – Չվիդոն.

Do češtiny se název pohádky překládá jako: Pohádka o caru Saltánovi, která byla zfilmovaná několikrát: poprvé v roce 1943, poté v roce 1966 a nakonec v roce 1984 (Česko-Slovenská filmová databáze, 2022). Podle pohádky složil ruský skladatel Nikolaj Rimskij-Korsakov stejnojmennou operu v roce 1900.

V pohádce se syn Saltána jmenuje *Gvidon*. Jiné zdroje uvádějí překlad této pohádky do češtiny jako Pohádka o caru Saltánovi, o jeho synu, slavném a mohutném bohatýru Vítu Saltánoviči a o čarokrásné carevně Labuti. V tomto případě je ruské jméno *Gvidon* přeloženo do češtiny jako *Vít*. Ten překlad lze vysvětlit tím, že křestní jméno *Kvido* se někdy odvozuje také z latiny – *vitus* a vykládá se jako „živý“ nebo „veselý“ a jméno *Vít* je obdobného původu (Knappová 2020, s. 236). Spisovatel F. Táborský přeložil název pohádky z roku 1910 jako: Pohádka o caru Saltánovi, slavném a mocném bohatýru knížeti Gvidonu Saltanoviči a o jeho krásné carevně Labuti a ponechal jméno *Gvidon*. Český básník Ladislav Fikar přeložil v roce 1948 název pohádky Puškina jako: Pohádka o caru Saltánovi, o jeho synu, slavném a velikém bohatýru, knížeti Kvidonu Saltánovi a o překrásné carevně Labuti. V tomto případě autor při

⁴⁸ Čes. *vzdělaný, vycpaný* – z němčiny nebo *dřevo, les* – ze staroněmčiny.

⁴⁹ Hypokoristikum.

překlady využil českou verzi jména – *Kvido*. Na rozdíl od kolegů básník Petr Ladislav Kříčka uvádí název pohádky jako: Pohádka o caru Saltánovi, o jeho synu, slavném a mohutném bohatýru Vítu Saltánoviči a o čarokrásné carevně Labuti (1963) a překládá jméno *Gvidon* jako *Vít*. Křestní jméno *Vít* (*Vítek*⁵⁰) je nejspíš latinského původu⁵¹ a nejasného významu. Jméno *Vít* se nejčastěji vykládá jako „veselý“ nebo „živoucí“, někdy se také odvozuje z němčiny s významem „široký“ (z *wit*) nebo „lesní“ (z *witu*) (Knappová 2020, s. 337). V posledním případě dochází ke shodě významu obou jmen: *Kvido* a *Vít*, a proto nejspíše autor přeložil jméno *Gvidon* jako *Vít*. Avšak do ruštiny se jméno *Vít* překládá jako *Виталий*. Z toho vyplývá, že jména *Гвидон* a *Виталий* jsou odlišná: to první se používá jen zřídka, avšak jméno *Виталий* je velice oblíbené u východních Slovanů, obzvláště v Rusku a Bělorusku.

Přehled vybraných antroponym v pohádkách v ruštině a češtině

Pro lepší přehled v následujících tabulkách byla rozdělena křestní jména, která se zmiňují ve vybraných pohádkách, do dvou tabulek: mužská a ženská křestní jména. Celkem bylo vysvětleno šest vlastních jmen: čtyři mužská a dvě ženská křestní jména. V každé tabulce je zobrazen původ jména, původní znění jména a jeho psaná podoba v češtině a ruštině.

Tabulka č. 1: Mužská křestní jména

	původní znění jména	ruština	čeština	původ jména
1.	Elíša – עִישָׁא	Елисей	Elizej, Elizeus	hebrejský
2.	Jochánán – יְחִיָּאן	Иван	Ivan, Jan	hebrejský
3.	Wido	Гвидон, Гвидо	Kvido, Quido	staroněmecký
4.	Andreas – Ἀνδρέας	Андрей	Ondřej	řecký

Tabulka č. 2: Ženská křestní jména

	původní znění jména	ruština	čeština	původ jména
1.	Βασίλισσα, Βασίλινα	Василиса, Василисса	Vasila, Vasilie	starořecký
2.	Ἑλένη	Елена, Алёна	Helena	řecký

⁵⁰ Osamostatněla domácká podoba jména *Vít*.

⁵¹ Lat. *vitus*.

Závěr

Ruské pohádky patří ke zlaté sbírce literatury, pořád jsou aktuální a zajímavé pro každou věkovou kategorii. Vlastní jména jsou důležitá, protože charakterizují pohádkové postavy. Podle jména se pozná, zda pohádková postava je kladná nebo záporná, jaké má sociální postavení a jak vypadá. Vlastní jméno si sebou nese lingvokulturologický význam a díky němu lépe porozumíme kultuře a tradicím určitého národu. Zároveň se v ruských pohádkách často používají hypokoristika a nepravá antroponyma.

**REFLEXE VÝVOJE PREGRADUÁLNÍ PŘÍPRAVY UČITELŮ
RUSKÉHO JAZYKA NA PEDAGOGICKÉ FAKULTĚ
UNIVERZITY KARLOVY**

Jakub KONEČNÝ, Univerzita Karlova, Praha
ID <https://orcid.org/0000-0002-8987-6046>

Lenka ROZBOUDOVÁ, Univerzita Karlova, Praha
ID <https://orcid.org/0000-0003-0706-670X>

1 Úvod

Učitelství je velmi dynamická profese, která musí neustále reagovat na aktuální stav společnosti. Vzhledem k tomu, že v 21. století je vzdělávání připisována vysoká hodnota, neboť je chápáno jako klíč ke kvalitní společnosti a její prosperitě, jsou učitelé jako hlavní aktéři vzdělávacího procesu pod neustálým drobnohledem veřejnosti a jsou na ně kladeny velmi vysoké nároky v mnoha ohledech. Učitelé tak musí disponovat celou řadou kompetencí od oborových, přes pedagogické, didaktické, sociální, manažerské, až po profesně a osobnostně kultivující (podrobněji např. Vašutová 2004; Schulman 1987; Švec 2007; Píšová et al. 2011 aj.). Významnou otázkou pedagogické teorie a praxe posledních dvaceti let se proto stala problematika profesního standardu učitele či kariérního řádu učitelů (např. Suchánková 2007; Spilková, Tomková et al. 2010; Tomková et al. 2012; Tomková 2012; Janík, Spilková, Píšová 2014; Michek, Spilková 2018 aj.). Všechny tyto požadavky kladené na učitele musí respektovat i systém přípravného vzdělávání učitelů jak v pregraduálním studiu, tak i v rámci dalšího vzdělávání pedagogických pracovníků.

Tato kapitola reflektuje vývoj studijních programů připravujících učitele ruského jazyka na Pedagogické fakultě Univerzity Karlovy (dále jen PedF UK) za posledních 15 let. Základní výzkumnou metodou byla obsahová analýza bakalářských a navazujících magisterských studijních programů, jejíž cílem bylo zjistit, jak se mění struktura a obsah studijních programů, včetně zjištění podílů přímé výuky jejich jednotlivých složek. Analyzovány byly bakalářské a na ně navazující magisterské studijní programy s platností akreditace: 1. od academic-

kého roku 2007/2008 (bakalářský studijní program B7507 Specializace v pedagogice, studijní obor Ruský jazyk (dále jako studijní plán 2007); navazující magisterský program N7504 Učitelství pro střední školy, studijní obor Učitelství VVP pro ZŠ a SŠ – ruský jazyk, který byl realizován od akademického roku 2009/2010 (dále jako studijní plán 2009)); 2. od akademického roku 2017/2018 (bakalářský studijní program B7507 Specializace v pedagogice, studijní obor Ruský jazyk se zaměřením na vzdělávání; navazující magisterský program N7504 Učitelství pro střední školy, studijní obor Učitelství VVP pro ZŠ a SŠ – ruský jazyk (dále jako studijní plány 2017)); a 3. od akademického roku 2021/2022 (bakalářský studijní program B0114A090017 Ruský jazyk se zaměřením na vzdělávání; navazující magisterský program N0114A300098 Učitelství ruského jazyka pro 2. stupeň základní školy a střední školy (dále jako studijní plány 2021)). Analýze byly podrobeny anotace, sylaby a týdenní hodinové dotace jednotlivých předmětů v prezenčním studiu.

Příslušné bakalářské a navazující magisterské programy byly nahlíženy vždy jako celek nezávisle na tom, že pravidla pro přijímání do navazujících magisterských programů se u jednotlivých akreditací lišily. Hlavním cílem bakalářského studia vždy bylo připravit studenty k navazujícímu magisterskému studiu s vizí budoucího uplatnění jako učitele ruského jazyka na základní nebo střední škole v českém vzdělávacím systému. Z tohoto důvodu jsme i v naší analýze nahlíželi na bakalářské a navazující magisterské programy jako na komplex vedoucí k učitelství ruského jazyka.

2 Složky pregraduální přípravy učitelů ruského jazyka na PedF UK

Od akademického roku 2007/2008 začalo být na PedF UK realizováno strukturované studium, vstoupily v platnost nově akreditované bakalářské a navazující magisterské studijní programy. Do akademického roku 2006/2007 bylo realizováno nestrukturované pětileté magisterské studium. Přejít na strukturované studium v návaznosti na Boloňskou deklaraci byl zásadní změnou, která měla své pozitivní i negativní dopady, které byly v minulosti hojně diskutovány (např. Stuchlíková 2013; Mareš, Beneš 2013; Mareš 2013; Doulík, Orlová, Škoda 2013; Bendl, Voňková, Zvírotsky 2013 a mnoho jiných). Vzhledem k faktu, že strukturované učitelství je v českém vzdělávacím prostředí již dostatečně etablované, zaměřili jsme svou pozornost na porovnání pouze akreditací studijních programů strukturovaného studia. Cílem bylo zjistit, k jakým proměnám přípravy učitelů ruského jazyka došlo v rámci tří výše uvedených akreditačních cyklů.

Pro analýzu bakalářských a navazujících magisterských programů jako celku vedoucího k přípravě učitelů ruského jazyka jsme vyčlenili čtyři základní složky její oborové části: 1. lingvistická, 2. literárněvědná a kulturologická, 3. komunikační, 4. oborově-didaktická, včetně oborově-didaktické praxe. Mimo studovaný obor studenti absolvují také kurzy pedagogicko-psychologické přípravy, včetně společných pedagogicko-psychologických praxí, a společného základu a také předměty druhého studijního oboru / programu, neboť ruský jazyk na PedF UK vždy bylo možné studovat pouze ve dvouoborovém / sdruženém studiu. V této analýze jsme se zaměřili pouze na složky oborové přípravy budoucích učitelů ruského jazyka.

1. **Lingvistická složka** zahrnuje předměty věnované jednotlivým lingvistickým disciplínám.

2. **Literárněvědná složka** zahrnuje předměty reflektující vývoj ruské literatury od nejstarších literárních památek po současnou literaturu, včetně literatury pro děti a mládež. **Kulturologická složka** prezentuje vývoj ruské kultury, ruské dějiny a lingvokulturologii.

3. **Komunikační složka** zahrnuje všechny předměty rozvíjející komunikační kompetenci studentů, jde tedy především o všechny předměty s názvem Jazyková cvičení a reálie, ale i další předměty zaměřené na praktické užívání ruského jazyka.

4. **Oborově-didaktická složka** zahrnuje všechny oborově-didaktické předměty, včetně úvodu do disciplíny, i předměty věnované dílčím didaktickým otázkám. Na výuku oborové didaktiky navazují oborově-didaktické praxe z ruského jazyka. Níže jsou analyzovány všechny druhy praxí přímo spojených s ruským jazykem, nejsou zde zahrnuty praxe společné pedagogicko-psychologické přípravy.

V námi provedené analýze jsme předměty studijních programů přiřazovali k jednotlivým složkám oborové přípravy dle majoritního podílu jejich obsahu, který vyplývá z jejich anotací a sylabů.

Pro lepší názornost změn mezi jednotlivými akreditacemi je u vybraných složek oborové přípravy doplněna také přehledová tabulka.

3 Analýza vývoje pregraduální přípravy učitelů ruského jazyka na PedF UK za posledních 15 let

3.1 Bakalářské studium

V bakalářském stupni studia je ve všech třech sledovaných programech hlavní pozornost věnována lingvistickým a literárněvědným disciplínám a rozvoji komunikační kompetence studentů, která cílí na dosažení úrovně B2 dle SERRJ.

Skladba lingvistických disciplín je ve všech třech programech téměř totožná. Analýzou sylabů příslušných předmětů bylo zjištěno, že ani v obsahu jednotlivých kurzů nedochází k žádným výrazným změnám. Jednotlivé studijní plány se od sebe liší především hodinovou dotací přímé výuky a rozložením předmětů do kategorie povinných a povinně volitelných předmětů. Největších změn doznal studijní plán 2021, v němž je zcela zřejmá tendence k omezování přímé výuky. V tomto plánu došlo k vytvoření větších výukových modulů, například předmět Úvod do studia ruského jazyka a literatury integruje poznatky, které byly v obou předcházejících studijních plánech vyučovány v rámci tří předmětů: Úvod do studia ruského jazyka, Úvod do studia ruské literatury a Dějiny Ruska⁵². Taktéž lingvistické původně dvousemestrální kurzy Lexikologie či Syntaxe byly sloučeny do jednosemestrálních kurzů a původně třísemestrální Morfologie byla sloučena do dvousemestrálního kurzu. V celkovém součtu byla snížena hodinová dotace přímé výuky těchto disciplín o třetinu až čtvrtinu oproti předchozím programům.

Tabulka č. 1: Lingvistická složka v bakalářských programech

Předmět	Realizace od roku	Povinný (P) / Povinně volitelný (PV)	Počet hodin předmětu souhrnně⁵³
Úvod do studia jazyka	2007	P	2
	2017	P	1
	2021**	P	1
Fonetika	2007	P	2
		PV	2
	2017	P	4
2021	P	3	

⁵² V tabulkách jsou pro větší přehlednost označeny integrované předměty totožně jako předměty z předcházejících plánů a doplněny symbolem **.

⁵³ V případě, že je předmět vyučován ve více semestrech, je uvedená hodnota součtem výuky předmětu ve všech formách (přednáška, seminář, cvičení) za celou dobu jeho výuky.

		PV	2
Morfologie	2007	P	9
	2017	P	6
		PV	3
2021	P	6	
Lexikologie	2007	P	4
	2017	P	4
	2021	P	3
Syntax	2007	P	4
	2017	P	5
		PV	1
2021	P	4	
Pravopisná cvičení	2007	PV	2
	2017	P	1
	2021	-	-
Jazykový proseminář (analýza textu)	2007	PV	2
	2017	PV	1
	2021	PV	2

Literárněvědné a kulturologicky orientované disciplíny byly formou po-vinných či povinně volitelných předmětů hojně zastoupeny ve studijních pro-gramech s akreditací od roku 2007 a 2017. Nejnovější studijní plán 2021 tuto složku výuky výrazně omezil, získané hodiny byly přerozděleny mezi ostatní složky přípravy, zejména byly přiřazeny k oborově-didaktické složce. Taktéž u literárněvědných předmětů došlo ke sloučení dvousemestrálních kurzů v jednosemestrální. Množství předmětů, v nichž se posluchači seznamují s historií ruské literatury v aktuálním studijním programu reflektuje prostor, který je ruské literatuře udělován ve výuce ruštiny jako dalšího cizího jazyka na českých základních a středních školách. Předmět Ruská kultura zprostředkovává studentům především ruskou big-C kulturu, prezentuje poznatky o ruském výtvarném umění, ruské hudbě, baletu, divadelním umění a kinematografii. S každodenní ruskou kulturou jsou studenti seznamováni v rámci komunikačních témat v předmětu Jazyková cvičení a reálie.

Blok povinných a povinně volitelných předmětů, jejichž cílem je rozvoj interkulturní komunikační kompetence studentů a zároveň seznámení s reáliemi a ruskou small-s kulturou, se v jednotlivých studijních plánech liší zejména postupným snižováním hodinové dotace přímé výuky. Ve studijním plánu 2007 byla praktickému jazyku věnována největší pozornost, předmět Jazyková cvičení a reálie měl v šesti semestrech celkovou dotaci 14 hodin (3 + 3 + 2 + 2 +

2 + 2) a navíc byl doplňován také prakticky orientovanými povinně volitelnými předměty, například Ruština v kulturní sféře či Ruština v hospodářské sféře. Ve studijním plánu 2017 byl snížen počet hodin přímé výuky v prvním ročníku ze tří na dvě a již nebyly nabízeny související povinně volitelné kurzy. Nejvýznamnější změnu přinesl studijní plán 2021, v němž již ve třetím ročníku bakalářského studia žádný takto orientovaný předmět není vyučován, předmět Jazyková cvičení a reálie je vyučován pouze v prvních čtyřech semestrech, jako kompenzace je v obou semestrech třetího ročníku nabízen povinně volitelný předmět Praktický ruský jazyk.

Zásadnějších změn doznala složka oborově-didaktická. Do bakalářského studijního plánu 2007 nebyly didakticky zaměřené předměty zařazeny vůbec. Do studijního plánu 2017 již byl zařazen jeden povinný předmět Úvod do lingvodidaktiky v rozsahu 1 hodina semináře za týden, který byl doplněn povinně volitelným kurzem se stejnou časovou dotací. Předsunutí části výuky oborově-didaktické složky, která byla do té doby výhradně zařazována až do navazujícího magisterského programu, poskytlo prostor k tomu, aby se posluchači seznámili se základními zásadami a poznatky oborové didaktiky a byli tak vybaveni alespoň minimálními znalostmi a dovednostmi nejen pro následující výuku oborové didaktiky, ale zejména pro konání pedagogických praxí. V souvislosti s reformou pregraduální učitelské přípravy a požadavkem na posílení oborově-didaktické složky výuky došlo k tomu, že v aktuálním studijním programu 2021 je tato složka reprezentována povinným kurzem Oborová didaktika, který je zařazen v rozsahu 2 hodiny týdně již ve 4. semestru bakalářského studia a následně ještě ve stejném rozsahu v 5. semestru. Spíše teoretická disciplína je doplněna oborovou praxí, kterou studenti plní ve druhém ročníku. V rámci této praxe studenti samostatně nevyučují, pouze hospitují v hodinách ruského jazyka na základních a středních školách a všestranně asistují učitelům.

Tabulka č. 2: Oborově-didaktická složka v bakalářských programech

Předmět	Realizace od roku	Povinný (P) / Povinně volitelný (PV)	Počet hodin předmětu souhrnně
Úvod do lingvodidaktiky	2007	-	-
	2017	P PV	1 1
	2021	-	-
Oborová didaktika	2007	-	-
	2017	-	-

	2021	P	4
Oborová praxe RJ s reflexí	2007	-	-
	2017	-	-
	2021	P	1

Bakalářský studijní program / obor Ruský jazyk se zaměřením na vzdělávání byl ve všech analyzovaných variantách koncipován jako součást pregraduální přípravy budoucích učitelů ruštiny jako dalšího cizího jazyka v českém vzdělávacím prostředí. Z toho důvodu byl a stále je ve všech předmětech realizován jednak kontrastivní a komparativní přístup (ruština – čeština), jednak je v maximální možné míře uplatňován pohled didaktický – tj. i v rámci většiny disciplín lingvistických, literárněvědných či kulturologických jsou posluchači seznamováni s možnostmi didaktické adaptace obsahu ve výuce žáků základních a středních škol. Jak vyplývá z analýzy, ve sledovaném období docházelo v jednotlivých studijních plánech k postupnému omezování lingvistické, literárněvědné a kulturologické i komunikační složky. Nejvýraznější redukce počtu hodin přímé výuky pak byla provedena při poslední akreditaci v roce 2021. K dalším výrazným změnám mezi jednotlivými plány bezesporu patří přesun části obsahu disciplín oborově-didaktické složky výuky do bakalářského stupně, což lze hodnotit jako správnou cestu v rámci profesní přípravy budoucích učitelů.

3.2 Navazující magisterské studium

Navazující magisterský studijní program učitelství ruského jazyka byl vždy prioritně zaměřen na oborově-didaktickou složku přípravy učitelů, což odráží i struktura kurzů všech sledovaných studijních plánů.

U lingvistických disciplín postupně dochází ke snižování počtu předmětů, neboť strukturované studium je koncipováno tak, že stěžejní část oborových lingvistických a literárněvědných disciplín je zařazována do bakalářského stupně. Ve všech třech navazujících magisterských programech zůstává zachována výuka stylistiky ruského jazyka, z povinných do povinně volitelných byl přesunut předmět Vývoj ruského jazyka. Při akreditaci v roce 2021 byl mezi povinné předměty zařazen kurz Současný ruský jazyk, jehož cílem je shrnout, zopakovat a prohloubit poznatky jednotlivých lingvistických disciplín z předcházejícího studia. Zůstává zachována nabídka lingvistických povinně volitelných předmětů (např. Jazykovědný seminář, Praktická fonetika), avšak pouze s minimální časovou dotací 1 hodina přímé výuky za týden.

Redukce hodin přímé výuky i počtu realizovaných kurzů se týká také bloku předmětů, které se věnují literatuře a kultuře. Výjimku tvoří pouze předmět Literatura pro děti a mládež, který byl v plánu 2009 vyučován jako povinně volitelný s dotací 1 hodina týdně, v plánu 2017 bylo zachováno zařazení předmětu jako povinně volitelného, avšak jeho dotace byla navýšena na 2 hodiny a konečně v aktuálním plánu 2021 je předmět vyučován jako povinný s dotací 3 hodiny týdně. Tento stav je dán praktickým využitím znalostí a dovedností, které si studenti v rámci této disciplíny osvojují, v budoucnu při výkonu vlastní praxe učitele ruského jazyka na základní nebo střední škole. Do plánu 2021 se promítl současný akcent vzdělávání na interkulturní dovednosti žáků i učitelů, tomuto požadavku odpovídá zařazení povinného kurzu Lingvokulturologie, který je doplňován povinně volitelným kurzem ruské kultury; v předchozích plánech byly všechny kulturně orientované kurzy pouze ve statusu povinně volitelných kurzů.

Předměty praktického jazyka byly v navazujícím magisterském studiu vždy s novou akreditací omezovány – nejvíce prostoru bylo této složce přípravy studentů věnováno ve studijním plánu 2009, v plánu 2017 byla snížena hodinová dotace na výuku předmětů, avšak jejich výuka byla zachována ve třech z celkových čtyř semestrů. Při poslední akreditaci v roce 2021 již nebyl do studijního plánu navazujícího magisterského programu zařazen žádný kurz, který by byl prioritně zaměřen na rozvoj komunikační kompetence studentů.

Oborově-didaktická složka byla dominantní součástí výuky v navazujícím magisterském studiu ve všech třech analyzovaných studijních plánech. Ve studijním programu 2009 byla tato složka přípravy budoucích učitelů kompletně vyučována až v navazujícím magisterském studiu. Při akreditaci v roce 2017 byl úvodní lingvodidaktický kurz zařazen již do posledního ročníku bakalářského programu. V navazujícím magisterském programu byla výuka oborové didaktiky vyučována v souhrnné dotaci 10 hodin týdně během čtyř semestrů. Nižší celkový počet hodin oborové didaktiky (8) ve studijním plánu 2021 je dán přesunem nejen úvodního lingvodidaktického kurzu do bakalářského stupně, ale také části oborové didaktiky, konkrétně v rozsahu 4 hodin. Celkový objem hodinové dotace oborově-didaktické složky je v plánu 2021 nejvyšší (12 hodin).

Nezbytnou součástí této složky jsou oborové praxe, které byly realizovány ve všech sledovaných studijních plánech, a to vždy v rozsahu dvou týdnů praxe na základní škole v letním semestru v prvním ročníku a dvou týdnů praxe na střední škole v zimním semestru ve druhém ročníku studia. S poslední akreditací z roku 2021 byl ke každé dvoutýdenní souvislé oborové praxi ve školách

doplněn reflektivní seminář s oborovým didaktikem v rámci přímé výuky v rozsahu 1 hodiny týdně po celý semestr, v němž studenti praxi vykonávají. Tyto semináře reflektují teoretické poznatky získané při výuce oborové didaktiky na základě vlastních zkušeností studentů z reálné výukové praxe. Vedle klasických souvislých oborových praxí byla již do studijního plánu 2017 zařazena následková praxe, během které se studenti seznamují s děním ve škole prostřednictvím návštěv škol a hospitací ve výuce, při nichž se zaměřují na různé jevy a oblasti výchovně-vzdělávacího procesu výuky ruského jazyka. Náslechovou praxí, realizovanou přímo ve školách, doprovází 1 hodina týdně reflektivního semináře s oborovým didaktikem v průběhu celého semestru. Náslechová praxe je ve stejném modelu zachována i v plánu 2021.

Významnou součástí výuky všech předmětů je v současné době využívání ICT. Tento fakt byl reflektován ve všech akreditacích. Již v roce 2009 byl studentům nabízen volitelný⁵⁴ předmět Média ve výuce. K významnému posílení této složky došlo při akreditaci v roce 2017, kdy byly otázky využívání moderních didaktických prostředků a ICT ve výuce ruského jazyka vyučovány v rámci samostatného kurzu ICT ve výuce RJ. Ve studijním plánu 2021 je těmto otázkám rovněž věnován značný prostor, jsou zařazena do výuky předmětu Oborová didaktika 3.

Tabulka č. 3: Oborově-didaktická složka v navazujících magisterských programech

Předmět	Realizace od roku	Povinný (P) / Povinně volitelný (PV)	Počet hodin předmětu souhrnně
Lingvodidaktika	2009	P PV	2 1
	2017	-	-
	2021	-	-
Didaktika RJ	2009	P	6
	2017	P	10
	2021	P	8
Pedagogická praxe	2009	P	4 týdny
	2017	P	6
	2021	P	2
Náslechová praxe	2009	-	-
	2017	P	1

⁵⁴ V rámci studijních plánů jsme analyzovali pouze povinné a povinně volitelné předměty, proto se tento předmět z akreditace z roku 2009 neobjevuje v přehledové tabulce.

	2021	P	1
ICT ve výuce RJ	2009	-	-
	2017	P	1
	2021	-	-

Struktura jednotlivých námi analyzovaných studijních programů odpovídá požadavkům doby, v níž byly tyto programy připravovány k akreditaci. Ke změnám, které v jednotlivých studijních plánech nalzáme, patří zejména snižování míry lingvistické, literárněvědné a komunikační složky výuky, případně přesun lingvistických či literárněvědných disciplín z povinných předmětů do předmětů povinně volitelných. Výjimku tvoří předmět Literatura pro děti a mládež, který byl naopak výrazně posílen. Těžiště výuky spočívá v oborově-didaktické složce, a to jak formou teoreticko-praktické přípravy v průběhu výuky oborové didaktiky, tak i během oborových praxí na fakultních či spolupracujících školách pod vedením zkušených provázejících učitelů. S cílem maximálního využití potenciálu praxí byly do plánu 2021 zařazeny také pravidelné reflektivní semináře, při nichž mohou studenti navzájem sdílet své zkušenosti jak mezi sebou, tak i s oborovými didaktiky.

4 Závěr

Z provedené analýzy studijních programů v oboru ruský jazyk s platností akreditace od 2007 (2009), 2017 a 2021 na PedF UK vyplývá, že příprava učitelů ruského jazyka se na této fakultě v průběhu posledních 15 let měnila v závislosti na změnách v obecném nahlížení na profesi učitele, na vnímaných potřebných kompetencích učitelů pro kvalitní výkon profese i na proměnách výuky jazyků v českém vzdělávacím prostředí jako takové. Nicméně základní struktura oborové části pregraduálního studia, na nějž nahlížíme jako propojený celek bakalářského a navazujícího magisterského studia, zůstává ve všech sledovaných programech stejná.

V analyzovaných studijních plánech lze vysledovat základní tendence směřování přípravy učitelů ruského jazyka na PedF UK:

- a) snižování počtu hodin přímé výuky celkově, s čímž souvisí posilování vlastní odpovědnosti studenta za jeho studium a nutnost zvýšené míry samostudia a individuálních konzultací, přičemž největší redukci zaznamenal studijní plán 2021;

- b) vytváření větších výukových celků, kdy některé předměty jsou slučovány do jednoho, například předmět Úvod do studia ruského jazyka a literatury, stejně tak mnohé původně dvousemestrální oborové předměty (Lexikologie, Syntax, Ruská literatura aj.) jsou aktuálně vyučovány jako jednosemestrální;
- c) redukce literárněvědné, kulturologické a komunikační složky studia ve prospěch složky oborově-didaktické;
- d) postupné začleňování předmětů oborově-didaktické složky do bakalářského stupně studia.

Studijní plány 2007 (2009) a 2017 si byly svou strukturou velmi podobné, ačkoli některé rozdíly již lze pozorovat (např. snížení počtu hodin přímé výuky nebo změny statusu předmětů jako povinné/povinně volitelné). Výše uvedené zásadní tendence jsou nejvíce patrné v porovnání se studijními plány bakalářského a navazujícího magisterského studia z roku 2021, které byly připraveny v návaznosti na fakultní koncepci učitelské přípravy na PedF UK. Tyto změny významně ovlivňují způsob výuky, způsob komunikace se studenty, způsob samostatné přípravy studentů. Ze studentských hodnocení výuky však vyplývá, že ne všechny změny jsou studenty vnímány pozitivně, zejména se jedná o snížení podílu přímé výuky a o slučování předmětů do větších celků. Efektivita zvolené koncepce bude prověřena při realizaci studijních programů v následujících letech.

V každém případě je nezbytně nutné v učitelské přípravě reflektovat aktuální potřeby a stav školství v České republice, potřeby učitelů i žáků v českých školách tak, aby byli absolventi učitelských programů schopni vyučovat efektivně, a směřovat tak k rozvoji kýžených interkulturních komunikačních dovedností žáků.

Tato kapitola prezentuje výsledky obsahové analýzy pouze tří bakalářských a tří navazujících magisterských programů v oboru ruský jazyk uskutečňovaných na PedF UK. Zajímavé by bylo porovnat obsah a studijní plány programů realizovaných na jiných univerzitách připravujících učitele ruského jazyka či podrobně analyzovat strukturu programů pro kombinované a rozšiřující učitelské studium či nabídku kurzů DVPP. Ačkoli pouze na základě komplexní podrobné analýzy všech nabízených učitelských programů v oboru ruský jazyk i souvisejících programů dalšího vzdělávání bychom mohli objektivně vyhodnotit aktuální směřování přípravy učitelů ruského jazyka v České republice, i tato díl-čí analýza poskytuje dle našeho názoru základní vhled do současných tendencí přípravy učitelů ruského jazyka.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Алена КАЛЕЧИЦ, Университет им. Константина Философа в Нитре
ID <https://orcid.org/0000-0002-5738-7168>

Введение. Компетентностный подход в современном профессиональном образовании. Понятия *компетентность* и *компетенции*

Компетентностный подход в системе современного высшего образования сформировался на базе действующих обучающих программ США, Англии, Франции и Германии второй половины XX века с целью создания единого пространства «для интеграции студентов и выпускников учебных заведений стран-участниц Болонского соглашения» (Ермолова 2018, с. 192; а также см. работы: Чернышова 2010, с. 61–68; Белая 2013, с. 166–170 и др.). Однако главная причина его внедрения в обучение – это непосредственная подготовка студентов к профессиональной деятельности, не требующей дальнейшей мгновенной переподготовки молодых специалистов при поступлении на рабочее место. В российские вузы компетентностный подход стал внедряться после 2003 года, когда начался переход на Болонскую систему образования. Ведущую роль в этом сыграли известные учёные И.А. Зимняя, А.А. Вербицкий и мн. др. Они вместе с интересующимися данной проблематикой исследователями предопределили результативность компетентностной парадигмы профессионального образования в целом, которая стала основной и в системе филологического обучения в области иностранных языков.

Ю.И. Мишенева под компетентностным подходом в образовании понимает «метод обучения, который направлен на развитие у учащихся способностей решать определённого класса профессиональные задачи в соответствии с требованиями к личностным профессиональным качествам» (Мишенева 2014, с. 2). Он тесно связан с личностно-ориентированным, или личностно-деятельностным, подходом в обучении (А.В. Хуторской (2002), И.Л. Бим (2007), Н.Ф. Коряковцева (2016) и др.), так как базируется на концепте развития цельностной личности, способной к саморазвитию

и самообразованию. Так, компетентностный подход становится основным в общеевропейских положениях обучения иностранным языкам⁵⁵ и современных российских государственных образовательных стандартах и программах высшего и среднего профессионального обучения⁵⁶, отражающих модель лингвистической подготовки вторичной языковой личности иностранных студентов.

В основу модели вторичной языковой личности легли разнообразные компетенции. Вначале в научной литературе данный термин употреблялся в значении 'знания, умения и навыки как компоненты обучения', параллельно формировалось паронимичное ему понятие *компетентность* – 'способность данные знания и умения применять в практической деятельности' (Абрамова 2011, с. 84). На сегодняшний день можно найти разнообразные дефиниции названных терминов. Большинство из них сводятся к тому, что специальное наименование *компетентность* трактуется через понимание приобретённого опыта. А *компетенции* рассматриваются как некоторые внутренние, потенциальные психологические новообразования, закреплённые в виде знаний, представлений, алгоритмов действия, системы ценностей. Они, как правило, заметны в деятельностных проявлениях человека, т.е. в компетентностях (Зимняя 2006, эл. ресурс), приобретаемых студентами во время обучения и определяющих степень его квалифицированности. Похожего мнения придерживается Э.Ф. Зеер. Он пишет, что *компетенциями* следует называть «способы действий... и способности человека реализовать на практике свою компетентность», а *компетентность* – это уже обладание компетенциями, т.е. «целостной и систематизированной совокупностью обобщенных знаний» (Зеер 2005, с. 29, 31). Как видно, дефиниции вышеназванных понятий в процессе развития лингводидактики претерпели свои изменения и трактуются немного иначе, чем это предлагалось изначально.

На то, что анализируемые термины в словацком языке до сих пор смешиваются и не прекращаются дискуссии, какой из них является более точным и имеет право на существование в педагогической и дидактической литературе, в своей статье указывают Зузанна и Пётр Шмидты (2021). Они дают рекомендации в разграничении понятий, в частности пи-

---

⁵⁵ См.: Spoločný európsky referenčný rámec pre jazyky. Učenie sa, vyučovanie, hodnotenie. Bratislava: Štátny pedagogický ústav, 2017.

⁵⁶ См. по ссылке проекты образовательных программ Российской Федерации: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/19>.

шут о неправильном употреблении термина *компетенции*, поскольку он семантически и функционально не тождественен наименованиям «*spôsobilosť, schopnosť, zručnosť*»⁵⁷. Таким образом, на наш взгляд, *компетентность* следует трактовать как «совокупность знаний и опыта, необходимых для эффективного осуществления какой-нибудь деятельности», а компетенции – «способность полученные знания и умения успешно применять в практической деятельности» (Калечиц и кол. 2022, с. 100–101).

Дискуссионным остаётся также вопрос, касающийся классификации компетенций. Рассмотрим некоторые из них, являющиеся наиболее популярными среди учёных. Так, на основе общеобразовательных целей А.В. Хуторской разработал целый ряд универсальных образовательных компетенций – ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые и компетенции личностного совершенствования (Хуторской 2002, с. 149). Позже они стали называться *ключевыми*, поскольку «определяют реализацию специальных компетентностей и конкретных компетенций» (Зеер 2005, с. 31). В словацком дидактическом дискурсе находим следующее предложение относительно классификации ключевых компетенций – информационные, обучающие, познавательные, межличностные (социальные), коммуникативные и личностные (Hrmo, Turek 2003a, с. 10). Как видно, обе типологии схожи как по содержательному, так и номинативному аспектам, однако они имеют свои особенности. Словацкими дидактами изначально отдельно не выделялись ценностно-смысловые и общекультурные компетенции. Позже в связи с развитием теории поликультурного воспитания и области межкультурной коммуникации некоторые учёные стали акцентировать своё внимание на важность приобретения именно межкультурных компетенций (см., например, работы Kramárová 2010, s. 62; Jakubovská, V., Jakubovská, K. 2017, s. 42–45), которые включают в себя и аксиологический компонент.

В лингводидактике, с точки зрения изучения иностранного языка, в середине 80-х гг. XX в. предлагалось различать всего три типа компетенций – лингвистическую, коммуникативную и культурную (Hammerly 1985, s. 54). В научной литературе определённое время наименования *лингвистическая* и *языковая компетенции* употреблялись как синонимичные

---

⁵⁷ Следует подчеркнуть, что похожая ситуация в смешении терминов *компетенция* и *компетентность* сложилась в большинстве славянских языков, что указывает на состояние развития и неупорядоченности данного аспекта дидактической терминологии.

и даже взаимозаменялись. Чешский учёный Р. Ходера аргументирует разделение лингвистической (знания о языке) и языковой (знания языка) компетенций. Он трактует типологию компетенций, состоящую из четырёх основных типов – лингвистической, языковой, речевой и коммуникативной, которые очень близки к пониманию целей обучения и в какой-то мере даже с ними совпадают (Choděra 2013, с. 55). На наш взгляд, следует согласиться с Р. Ходерой относительно обособления лингвистической и языковой компетенций. Что же касается предложения о выделении речевой компетенции, то на синхронном срезе термин *дискурсивно-прагматические компетенции* будет более уместен в связи с тенденциями развития теории полипарадигмальности в современной лингвистике.

Логичной нам представляется классификация компетенций, соответствующая уровням овладения иностранным языком – на базовые и продвинутые (Мишенева 2014), поскольку они отражают необходимые результаты усвоения знаний за определённый этап обучения. Однако названная типология свидетельствует об узком подходе к пониманию данного вопроса. Среди вышеназванных групп было бы уместно говорить ещё об общих и частных (языковых) компетенциях, как это предлагается в основном документе *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка*⁵⁸. В данном нормативном сборнике, на который ориентируются все образовательные системы, основанные на компетентностном подходе в профессиональном языковом обучении, находим формулировки двух основных групп компетенций – это общие и коммуникативные языковые компетенции. К общим компетенциям относят социокультурные знания, межкультурную осведомленность, «экзистенциальную» компетентность и способность к обучению, а среди коммуникативных языковых различают собственно языковые (лексическую, грамматическую, семантическую, фонологическую, орфографическую и орфоэпическую), социолингвистическую и прагматические (дискурсивную, функциональную) компетенции. Таким образом, первая группа компетенций связана с процессом обучения, а вторая – с его результатами (Jakubovská, Jonášková, Predanociová 2016, s. 72). Как видим, теория общих и языковых компетенций продолжает развиваться, как в принципе и система образования в целом, что свидетельствует о появлении новых компо-

---

⁵⁸ *Spoločný európsky referenčný rámec pre jazyky. Učenie sa, vyučovanie, hodnotenie* (Bratislava 2017, s. 103–133). Русская версия датируется 2003 г.

нентов в определенных типах компетенций или собственно новых компетенций, требуемых от граждан на современном рынке труда.

Лексикографическая компетенция как особая разновидность других типов компетенций

В общей дидактике лексикографическая компетенция, на наш взгляд, в определённой мере соотносится с ключевой информационной компетенцией, являющейся залогом успешной реализации личности в различных сферах общения, поскольку предполагает овладение умениями находить и отбирать необходимую информацию, классифицировать её на главную и второстепенную, определять степень её достоверности, эффективно использовать и сохранять (Hrmo, Turek 2003b). Когда же речь идёт о подготовке филологов или учителей иностранного языка, то, профессор О.Н. Семенов лексикографические компетенции рекомендует не только выделять в отдельную группу, но и типологизировать на общие и специальные (Семенов 2015, с. 27–28). Согласно В.Д. Черняк, лексикографическую компетенцию следует включить в общекультурную и лингвистическую компетенции в качестве составной части (Черняк 2020). Как нам кажется, эти предложения являются вполне правомерными, так как умения пользоваться справочной литературой обычно формируются на начальных этапах обучения, а более глубокие теоретические знания из области лексикографии рекомендуются на продвинутом (профильном) уровне. Похожего мнения о культурной направленности общих лексикографических знаний придерживаются В.В. Дубичинский, Н.Н. Щербакова, В.С. Ильина, А.А. Балакай и пр.

Учёные из западноевропейских стран, в соответствии с нашим анализом литературы, не отделяют анализируемый вид языковой компетенции от других типов. Кроме того, большинство лингводидактов из Западной Европы не рассматривают способности использования словарей в учебной и практической деятельности студентов ни в рамках лексической, ни в пределах иной языковой или лингвистической компетенций, хотя работа с лексикографическими источниками, в частности с переводными словарями, является фактически неотъемлемой частью любого иноязычного образования. Навыки и умения извлекать и обрабатывать информацию, как уже было отмечено выше, закомпонованы в общедидактические ключевые информационные компетенции.

На наш взгляд, данную концепцию (точку зрения) необходимо пересмотреть, тем более что в современной научно-дидактической литературе встречается достаточное количество работ учёных, которые обращают внимание преподавателей на важность формирования именно лексикографической компетентности (грамотности) учащихся и студентов при обучении: например, А. Бежуэн, В.В. Дубичинский, В.В. Морковкин, А.А. Хуснутдинов, Л.Н. Кривоносова и мн. др. На то, что в научном сообществе интерес к анализируемому вопросу не снижается, указывают публикации последних лет.

Таким образом, мы, вслед за вышеназванными учёными, предлагаем обособлять лексикографическую компетенцию от других видов компетенций и рассматривать её в качестве составляющего компонента общекультурной, собственно языковой или социолингвистической компетенций. Кроме того, под *лексикографической компетенцией* рекомендуем понимать высокий уровень общих и специальных теоретических знаний, умение пользоваться в практической деятельности словарями различных типов, включая навыки самостоятельной научно-исследовательской работы в области лексикографии (Берков 1996, с. 38; Абрамова 2011, с. 85).

По нашему мнению, знания, полученные студентами из области лексикографии, помогут глубже овладеть иностранным языком, поскольку дадут бóльшие возможности для самообразования и саморазвития. Так, лексикографические компетентности станут мотивирующим фактором в потребности находить достоверную информацию и опираться на нее в своих выводах и умозаключениях. В результате у студента появится чувство удовлетворённости от своей учебной деятельности, что, бесспорно, отразится на качестве образования в целом, а в дальнейшем способствует эффективности работы в профессиональной жизни.

Связь учебной лексикографии с дидактикой

Лексикография, как известно, связана с лексикологией и является неотъемлемой её частью. Современная лексикография представляет собой синтетическую науку, накопившую богатый материал по теории и практике создания словарей различных типов (Козырёв, Черняк 2014, с. 6; Исаева 2017, с. 40; Hartmann, Janes 2002, s. 54), в которых хранится информация из различных областей знаний. Эта база данных об истории развития языка, современных особенностях и его функционировании на различных этапах развития общества, отражающих культурные особенности народа, пред-

ставлена в определённой системе. С синхронической точки зрения противопоставляются теоретическое и практическое направления в лексикографии, причём в практической лексикографии обособляется учебная лексикография, основы которой были заложены Л.В. Щербой в работе *Опыт общей теории лексикографии*, опубликованной в 1940 г. В ней учёный не только делает попытку классификации и размежевания существующих словарей, но и делится своими наблюдениями как преподаватель о необходимости создания словаря, преследующего учебные цели. Этим вопросом, по мнению Л.В. Щербы, должны заниматься методисты (Щерба 1974). Кроме Л.В. Щербы, о тесной связи учебной лексикографии с методикой преподавания родного и иностранного языков писали О.В. Дидиченко, В.В. Морковкин, Е.М. Кочнева, В.А. Козырёв, В.Д. Черняк и др. Например, О.В. Дидиченко подчеркивает связь активизации познавательной деятельности у иностранных студентов с формированием лексикографической компетенции. Именно учебный словарь должен быть нацелен на изучение языка – как родного, так и неродного, и его главная задача – формирование лексикографической компетенции (Дидиченко, эл. ресурс). Возникают вопросы: можно ли любой словарь назвать учебным и какие требования предъявляются лексикографами к такому типу словарей? Например, О.Л. Петрушова говорит о трёх основных особенностях учебного словаря: адресной направленности, использовании нейтральной лексики, а также толковании заглавных слов с помощью лексического минимума, знакомого студентам (Петрушова 2009, с. 15). Для В.В. Морковкина и Е.М. Кочневой, кроме антропоцентрического характера и обучающей роли, важными в учебном словаре являются его речевая направленность (функциональность), отражение системных связей в лексике и указание на возможную сочетаемость с другими словами (Морковкин, Кочнева 1992, с. 81–82). На значимость функционального аспекта при изучении иностранного языка, кроме многих других, обращал внимание В.В. Дубичинский. Учёный подчёркивал его ключевую роль в обучении иностранцев и даже прогнозировал появление нового перспективного направления в лексикографии – теории функциональной лексикографии (Дубичинский 2008, с. 343). Таким образом, учебный словарь должен отвечать как общеметодическим, так и частнометодическим запросам, соответствующим логике работы со словарем, и иметь выразительный функциональный характер, обеспечивающий обучение межъязыковому общению. Из всего вышесказанного, очевидным является вывод, что работа по созданию учебного словаря по русскому языку, адресованная конкретному

пользователю (в нашем случае словацкому студенту), является актуальной и перспективной. Однако до тех пор, пока названная лакуна не будет устранена, преподаватели в своей работе должны обходиться имеющимися лексикографическими источниками. Какие же из них являются наиболее эффективными на занятиях в иностранной аудитории?

Об использовании разных типов словарей в обучении иностранных студентов писал Л.В. Щерба. Учёный подчёркивал важность обращения к переводным словарям на начальном этапе образования, а при дальнейшем изучении неродного языка советовал как можно раньше переходить к работе с толковыми словарями (Щерба 1974). Думается, что это одно из наиболее ценных замечаний известного учёного, на которое мало кто из методистов акцентирует свое внимание. О недооценке роли толкового словаря в обучении иностранцев также отмечала В.Д. Черняк. Она в частности писала, что именно толковые словари отражают национальные особенности русского народа, указывают на существование различных пластов и сфер использования языка (Черняк 2020, с. 3). На основании вышенаписанного, возникает следующий вопрос: почему на занятиях по русскому языку как иностранному не воспользоваться всеми лингвистическими данными, включёнными в толковые словари? Ведь в них прослеживаются семантические границы лексики современного языка, на которые ещё в свое время обращал внимание В.В. Виноградов (Виноградов 1977, с. 255), распознаются слова-омонимы от многозначных слов, даётся информация об ударении, грамматических и стилистических особенностях лексики, указывающих на её соответствующее употребление и функционирование в речи. Так, систематически работая с толковым словарём, у студентов появляется шанс научиться видеть взаимодействия лексических и грамматических значений слов, познакомиться с новыми фразеологическими и терминологическими сочетаниями слов, с их использованием в речи, обратить внимание на употребление знакомой лексики в переносном значении и, безусловно, на многие другие лингвистические и культурологические особенности, отражаемые в словарном составе языка.

Формирование лексикографической компетентности словацких студентов на занятиях по лексикологии русского языка

Как уже было отмечено выше, лексикографическая компетенция подразумевает умение пользоваться словарями в соответствии с поставленными

целями и задачами, а именно извлечение из них необходимой информации. Например, А. Бежуэн и В.В. Дубичинский отдают предпочтение практическому направлению использования словарей в обучении в соответствии с потребностями студентов и распространению такого вида работы на весь период обучения (Bejoint 1989, с. 211; Дубичинский 1998, с. 27). Если же речь идёт о подготовке будущих учителей, то Т.Г. Никитина, вслед за Г.И. Канакиной, подчёркивает, что таких студентов необходимо обучать пользоваться словарями уже с профессиональной точки зрения: а именно отдельно организовывать работу с энциклопедическими и лингвистическими словарями (Канакина 2009, с. 37; Никитина 2014, с. 139). Так, по мнению Т.Г. Никитиной и В.В. Дидиченко, выпускнику бакалавриата – будущему учителю – следует знать типологию словарей, в том числе и лингвистических, особенности построения словарной статьи, принципы разработки каждого из лексикографических параметров, уметь отбирать и систематизировать материал, структурировать словарную статью: производить семантическую, грамматическую и культурологическую параметризацию материала, различать приёмы семантизации лексики; знать объект и предмет лексикографии и отличительные особенности от лексикологии, владеть основами компьютерной лексикографии и базовыми концептами учебной лексикографии (Никитина 2014 с. 139–140; Дидиченко, эл. ресурс). А.А. Хуснутдинов в пособии *Лексикография от альфы до омеги* выделяет еще несколько умений, положенных в основу лексикографической компетенции: а это, кроме вышеперечисленных, устанавливать причинно-следственные связи из полученной информации, прогнозировать результаты своей деятельности, самоорганизовываться и контролировать себя, обращаясь к словарям (Хуснутдинов 2005, эл. ресурс). Как видно, цели и задачи по формированию лексикографической компетентности меняются в зависимости от направления профессиональной подготовки студентов. Таким образом, базовой лексикографической компетенцией должны обладать все студенты, поскольку полученные навыки могут быть применены в различных сферах коммуникации. Однако преимущественно практическому характеру использования словарей необходимо отдавать предпочтение при обучении иностранных студентов непрофильных специальностей, а будущим учителям и филологам следует ориентироваться на более глубокие как практические, так и теоретические знания из области лексикографии. Формирование вышеназванной компетенции, по мнению учёных, необходимо осуществлять в системном пор-

ядке на основе специально подобранных и разработанных упражнений (Скопина 1981; Семенов 2008; Щербакова 2015).

Знакомство с вопросами функциональной лексикологии словацких студентов неизбежно приводит к использованию различных типов словарей как на занятиях, так и дома. И результатами данной работы является не только расширение словарного запаса студентов, но и осознанный выбор лексических единиц в речи в зависимости от коммуникативных задач. Опыт такой работы в словацкой студенческой аудитории нашёл отражение в составленном нами пособии, посвящённом основам лексикологии и лексикографии. Оно предназначено для студентов среднепродвинутого уровня владения русским языком (B1–B2), который они получают в бакалавриате. Главная цель пособия заключается в формировании «языковой, лингвистической, коммуникативной и лексикографической компетенций студентов с целью решения как познавательных, так и дальнейших исследовательских задач, стоящих перед учащимися высшего учебного заведения» (Калечиц 2022, с. 6). Соответственно, на занятиях по лексикологии студентам предлагаются задания, условием выполнения которых является обращение к различным филологическим справочникам, на анализ отдельных словарных статей, выявление необходимой лингвистической информации для решения конкретных задач, поставленных в курсе лексикологии. Следует подчеркнуть, что при таком обучении приоритет отдаётся печатным версиям толковых словарей русского языка, так как в процессе работы отмечается их качественное превосходство относительно электронных вариантов словарей, в которых, как правило, отсутствуют грамматические и стилистические пометы.

Заключение

Как показал анализ доступной нам научной и научно-методической литературы, посвященной выбранной теме, а также опыт преподавания русского языка в словацкой языковой среде,

1. комплексный подход в профильном образовании основан на принципах развивающего и личностно-ориентированного обучения и на современном этапе является приоритетным и перспективным направлением в области образования;

2. термины *компетенции* и *компетентность* стоит разграничивать как в устной, так и письменной речи, используя с широкой семантикой

специальное наименование *компетентность* как 'совокупность приобретённых знаний, умений и навыков', а *компетенции* в значении 'способность данные знания, умения и навыки применять на практике';

3. в современной лингводидактической литературе лексикографическая компетенция должна найти своё конкретное отражение в качестве составной части (компонента) общекультурной, собственно языковой или социолингвистической компетенций;

4. работу по формированию лексикографической компетенции студентов необходимо осуществлять как на базовом (формировать практические навыки пользования), так и продвинутом уровнях обучения иностранному языку (практическое использование лингвистических справочников сочетать с углубленным погружением в теоретические вопросы и проблемы лексикографии);

5. на том основании, что учебный словарь русского языка для словацких студентов до сих пор не составлен, в качестве основного лексикографического источника получения достоверной языковой информации на продвинутом этапе обучения рекомендуется использовать современные толковые словари русского языка.

КОНЦЕПТЫ КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Наталия ГЕТЬМАНЕНКО, Карлов университет, Прага
ID <https://orcid.org/0000-0002-4393-1601>

Ленка РОЗБОУДОВА, Карлов университет, Прага
ID <https://orcid.org/0000-0003-0706-670X>

1 Введение

В центре внимания авторов данной главы являются вопросы понимания, толкования, функционирования и взаимодействия концептов культуры в межкультурном пространстве. Исследование нацелено на дальнейшую разработку лингводидактического направления сравнительной лингвокультурологии, одним из центральных понятий которой специалисты рассматривают концепт культуры, являющийся «стержневым термином понятийного аппарата культурологической лингвистики» (Ангелова 2004, с. 3).

Актуальность заявленной проблематики подкрепляется объективно неугасаемым интересом мирового научного сообщества к таким научным дисциплинам, как культурология, этнолингвистика, лингвокультурология, этнопсихология, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация. Остаются весьма востребованными инновационные методические идеи в области изучения иностранных языков, в том числе, русского языка как иностранного (второго, третьего) в разных условиях его преподавания.

Тенденции стремительного разнонаправленного развития современного общества и его новые запросы приносят оттенок ренессансного характера в порядок научных исследований этих дисциплин как центра изучения общественных и гуманитарных наук, где современный человек – *homo modern* с его запросами, нуждами, неудачами и достижениями становится главным действующим лицом.

Тесное взаимодействие разных наук (точных и общественных) при изучении *homo modern* не удивляет специалистов, напротив, выглядит вполне уместным, потому что позволяют использовать и детализировать

достижения одной науки на благо развития другой. Например, так появилось целое направление в культурологических исследованиях – межкультурная коммуникация, междисциплинарная направленность которой очевидна. Достижения культурологии, лингвистики, этнопсихологии, социологии, философии, этнологии, антропологии стали базисными для становления и развития знаний и исследований по межкультурной коммуникации, дисциплины, которая стала популярной в эпоху глобализации и практически неизбежно приобрела прикладной характер в силу своей повседневной востребованности.

Таким же образом обстоит дело и с формированием сравнительно молодой науки – лингвокультурологии. С уверенностью можно констатировать, что появление и развитие лингвокультурологии и применение её достижений, в том числе и в дидактике, является актуальным социальным заказом.

В данной главе предпринята попытка обобщить личный практический опыт авторов, их многолетние наблюдения в студенческих аудиториях разных стран и предложить опробованный алгоритм работы над концептами культуры при обучении иностранных языков, в том числе русскому как иностранному (первому, второму, третьему).

2 Материалы и методы

В ходе работы был использован комплекс исследовательских методов: аналитико-синтетический – рассмотрение научных публикаций и нормативных документов; логические методы анализа понятий (интерпретация, конкретизация, обобщение, анализ, синтез, универсализация и унификация, трансформация и преобразование).

Под нашим пристальным вниманием оказались как классические дидактические работы в области преподавания иностранных языков, так и работы новейшего времени. Ориентиром авторам послужил опыт, применённый и описанный в работах российских, чешских и других европейских ученых: И.А. Зимней (1985), Е.И. Пассова (1989), В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой (1994), Ю. Ларссон (2008), С.И. Щукина (2010), Н.В. Баско (2011), Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова (2014), Н.Л. Мишатиной и И.П. Цыбулько (2016), С.В. Чернышова (2016), Л. Розбодовой и Я. Конечны (2021), Е.А. Хамраевой (2022) и др.

В нашей работе мы опирались на общий лингвометодический подход, обеспечивающий создание достаточной лингвистической базы у студентов-иностранцев для формирования на должном уровне всех видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) и позволяющий создать условия для дальнейшей углубленной работы над формированием кросс-культурных компетенций.

Мы учитывали тот факт, что в специальной литературе уже существует описание методологического подхода применительно к лингвистическому аспекту исследования концептов и применение исследовательского опыта в методике преподавания иностранных языков. Это перспективное направление в методике получило название лингвоконцептодидактика (Чернышов 2016).

В работе совершенствуется уже нашедший применение в разнообразных вариантах на занятиях по обучению иностранных языков концептный подход, который предусматривает активное использование компаративного анализа концептов культуры в разных языках.

При разработке методической модели по сравнению концептов культуры на занятиях по русскому языку особое место было отведено анализу трудов по этнопсихологии и этнопсихолингвистике Т.Г. Стефаненко (2009), педагогической психологии И.А. Зимней (1985), исследованиям по педагогической герменевтике А.А. Брудного (2005) и А.Ф. Закировой (2011), психолингвистике А.А. Леонтьева (1969) и Т. Лобель (2014), когнитивной лингвистике В.В. Красных (2002), публикациям В.А. Масловой (2004) по лингвокультурологии. Идеи Н. Хомского (2008) и Л.С.Выготского (2019) по взаимодействию языка и мышления, особенностям развития языковой (лингвистической) и речевой компетенции также получили отражение в процессе моделирования процесса обучения.

В процессе разработки методики работы с концептами культуры нами были учтены новые методические идеи и достижения в области изучения русского языка как иностранного в разных условиях его преподавания. Особый интерес вызвали публикации Л.В. Ассуировой и Л.В. Хаймович (2017) о роли концептного подхода при обучении русскому в поликультурной среде, труды С.В. Чернышова (2016), относящиеся к построению эмотивно-концептной модели при обучении иностранных языков, описание современных технологий при обучении РКИ в работах М.М. Ангеловой (2004), Ю. Ларссон (2008), И.А. Шерстобитовой (2016),

где основой предлагаемого перечисленными выше авторами подхода является компаративный анализ.

В работе нашёл применение метод моделирования на основе анализа результатов проведённого педагогического эксперимента, включающего анкетирование, тестирование, наблюдение, математико-статистические способы обработки результатов.

При создании методической модели преподавания русского языка (как второго или третьего) в условиях иноязычной, но родственной среды, каким является чешский язык, принадлежащий к группе западных славянских языков, авторы данной главы опирались на *концептный подход* как на методическую доминанту.

3 Результаты

Одной из важнейших задач при разработке методической модели работы с концептами культуры стало определение понятия концепт культуры в плоскости лингводидактики и выработка критериев отбора концептов культуры, которые мы могли бы предложить студенческой аудитории при изучении иностранных языков.

В результате анализа трудов по лингвокультурологии и лингвоконцептологии Д.С. Лихачёва (1999), В.В. Воробьёва (2008), Ю.С. Степанова (2004), А. Вежбицкой (2001), В.А. Масловой (2001) и публикаций В.В. Красных (2002), З.Д. Поповой и И.А. Стернина (2005, 2007) по когнитивной лингвистике мы пришли к заключению, что содержание термина «концепт» неоднозначно трактуется в гуманитарных науках и это понятие по-прежнему «остаётся частью дискурса научного» (Воркачёв 2014, с. 16).

Мы принимаем во внимание современные подходы по изучению иностранных языков, в частности, практику применения учения о логосистеме (от греч. *logos* – «слово, речь» и *episteme* – «знание», предложенного В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой (Костомаров – Бурвикова 2001, с. 43).

Своевременным и востребованным выглядит появление в лингводидактике более узкого направления в методике преподавания иностранных языков – лингвоконцептодидактики (Чернышов 2016, с. 130–131), под которой автор термина понимает «теорию и практику обучения опредмеченным изучаемым языком лингвокультурным концептам, обеспечивающим обучающемуся широкое проникновение его сознания в иноязычную кар-

тину мира, адаптацию к условиям иноязычной реальности и адекватность межкультурного взаимодействия с представителями иного лингвокультурного социума» (Чернышов 2016, с. 131).

Особую роль концепту в дидактике отводит исследователь Н.Л. Мишатиная: «концепт – это средство осуществления интегративной мировоззренческой функции обучения. Он помогает осуществить «переход» от конкретных знаний, выраженных в одной системе понятий, к мировоззренческим представлениям, выраженным в другой системе» (Мишатиная 2018, с. 17). Идеи Мишатиной, направленные на «формирование и развитие методической лингвоконцептологии (термин Мишатиной) как нового теоретико-прикладного междисциплинарного направления современной русистики» (2018, с. 18).

Обобщая накопленный сегодня исследователями разных гуманитарных областей опыт трактовки сути концепта, мы стремились к максимальной прозрачности его формулировки для изучающих иностранные языки. Ключевой универсалией для определения концепта культуры мы предлагаем считать ментальную энергию, которая может накапливаться в подсознании нации и принимать разные языковые формы, преобразовываться и реализовываться в речи носителями языка.

Таким образом, в учебную аудиторию студентов, изучающих иностранные языки, мы вносим следующее определение концепта – «это исторически накопленная в коллективном подсознании нации ментальная энергия, имеющая свойство преобразовываться и оформляться средствами языка в слова и словосочетания с основным и периферийными значениями и реализуемая в речи различными текстами культуры» (Гетьманенко – Розбодова 2013, в печати).

Для разработки и формулировки критериев отбора концептов нами были проанализированы уже существующие подходы к общей классификации концептов в когнитивной лингвистике и в лингвокультурологии. Ю.В.Богоявленская в статье «Проблема типологии концептов в современной лингвистике» обобщает опыт создания и функционирования некоторых классификаций концептов (Богоявленская 2021, электронный ресурс).

Опираясь на успешный опыт создания классификаций концептов в лингвокультурологии, мы сформулировали основные критерии отбора концептов культуры применительно к нашей учебной ситуации и с учетом особенностей изучения русского языка и культуры. Среди важных критериев отбора концептов культуры при презентации, на наш взгляд,

являются частотность их употребления в современной российской действительности; ключевые концепты российской культуры в контексте мировой; мотивирующие интерес концепты; значимость концептов для российской культуры в целом и их гуманитарная и историческая соотносимость с носителями чешского языка и культуры (Гетьманенко – Розбоудова 2013, в печати).

Разработанная и применённая нами методическая модель, целью которой стал пошаговый анализ концептов культуры на кросс-культурном уровне, учитывала уже описанный опыт и существующую сегодня мировую практику обучения иностранным языкам.

Предложенный алгоритм, под которым мы понимаем последовательные операции или схему учебных действий, представляет собой совместную или индивидуальную научно-исследовательскую творческую работу (классную и домашнюю), состоящую из нескольких последовательных шагов при сравнительно-сопоставительной работе с концептами культуры. У каждого компонента есть своя учебно-методическая задача, последовательное решение которой позволяет достигнуть общей цели – рассмотреть концепты культуры в диахроническом и синхроническом аспектах в плоскости компаративистики и выявить, как концепты функционируют в разных современных текстах.

При разработке программы обучения нами была сформулирована исследовательская задача, компонентами которой стали четыре важнейших методических вопроса: На каком этапе языковой подготовки иностранной аудитории можно предлагать работу с концептами? Какие концепты культуры предпочтительны для анализа? Каким иллюстративным материалом предпочтительней пользоваться при работе с концептами культуры в иноязычной аудитории? Какие творческие задания можно предложить учащимся для того, чтобы вызвать их интерес к данной работе и превратить этот интерес в устойчивую мотивацию? (Гетьманенко – Розбоудова 2013, в печати).

Предложенная методическая программа, отбор содержания и выбор методических приёмов, повышающих и сохраняющих интерес к предмету ориентировались на возраст обучаемых, их интеллектуальную направленность, круг интересов студенческой аудитории в вузах Чехии.

Как показывает практика, работа по опредмечиванию концептов культуры (формированию осознанных представлений о концептах) – это продвинутый этап работы (уровень В1–2; С1–2), потому что студенты уже

имеют сформированное представление о системе родного и изучаемого языка, о правилах функционирования этих языков и обладают хорошо сформированным уровнем абстрактного мышления. В нашем случае принимается во внимание и родственная близость русского и чешского языков, что позволяет точнее определить объём для самостоятельной (домашней) работы.

Изначально предполагалось, что работа над концептами культуры может быть групповой или индивидуальной. Главное, чтобы она стала творческой и интересной, именно поэтому мы видим эту работу, прежде всего исследовательской.

Первый этап предусматривает историко-этимологический сравнительный анализ смыслов, значений концептов культуры и сравнительный анализ роли концептов, например, при оформлении фразеологических единиц, которые часто являются зеркальным отражением ментальной памяти народа, зафиксированной в языке.

На втором этапе концепты рассматриваются и сравниваются нами как оформленные и реализованные языковые единицы в разных разделах языка: в фонетике, словообразовании, лексике, грамматике. Обращается внимание на правописные нормы и нормы произношения.

На третьем этапе мы наблюдаем, как могут присутствовать и оживать концепты в разных текстах культуры и как сегодня они функционируют в разных типах текстов (повседневно-бытовых, художественных, повествовательных, визуальных, музыкальных и т.д.).

Отметим, что основным подходом реализации данного алгоритма стал системно-деятельностный подход. При работе с концептами культуры особое внимание уделяется также формированию общепредметных умений и навыков, активному использованию заданий по формированию универсальных учебных действий (УУД).

В этой связи представленный алгоритм работы с концептами культуры может быть успешно использован при формировании или совершенствовании метапредметных компетенций, таких как свободное обращение со словарями разных типов (в том числе и электронными), умение точно формулировать поисковые запросы в сети Интернет, умение быстро находить информацию разного типа и уметь структурировать и анализировать её; создавать тексты разных типов в зависимости от запроса и определять ключевые слова в тексте, составлять опросные листы и т.д.

Запрос современного общества на квалифицированных специалистов, умеющих работать с текстами как информацией, велик.

4 Обсуждение и вывод

О высокой результативности применяемого нами алгоритма работы с концептами культуры в иноязычной студенческой аудитории говорят результаты анкетирования, проведённого нами по окончании курса «Лингводидактика». Мы предложили студентам пройти небольшой опрос и отметить самые запомнившиеся им занятия и интересные, на их взгляд, методические приёмы, использованные в данном курсе. В большинстве случаев учащиеся указали на блок занятий по работе с концептами культуры. Этот факт демонстрирует перспективность дальнейшей разработки предложенного алгоритма и эффективность применённых методических приёмов.

Предложенный нами вариант работы с концептами культуры при обучении РКИ в чешской студенческой аудитории представляет собой готовый, разработанный и апробированный алгоритм, который может найти применение в качестве дополнительного или основного в других курсах, таких как «Межкультурная коммуникация», «Современные культурные реалии», «Деловое общение», «Культурная социология», «Туристический маркетинг», и др., предполагающие подтему «Концепты культуры».

Перспективное направление дидактики – это создание банка концептов культуры, рекомендованных для рассмотрения на занятиях по обучению иностранному языку, где особое внимание следует уделить трудно сопоставимым и непереводаемым концептам культуры.

Предлагаемая нами модель алгоритма работы с концептами культуры рассчитана на создание и поддержание положительного эмоционального фона и студенческого интереса к изучению иностранных языков, в том числе к русскому языку и культуре, и развитие стойкой мотивации к предмету в дальнейшем.

Работа с концептами культуры является важным дополнительным приёмом овладения искусством межкультурной коммуникации. Совершенствование методики обучения межкультурной коммуникации детей разного возраста, подростков, студентов – это приоритет сегодняшнего дня. Современная методическая наука обучения правилам межкультурного диалога может выступить в качестве искусного соединения (*callida*

junctura) запросов современного общества и возможностей нынешней методики обучения иностранным языкам, где особая роль отводится формированию умений к построению эффективного межкультурного диалога.

РУССКИЕ НЕПЕРВООБРАЗНЫЕ ПРЕДЛОГИ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

Зденька НЕДОМОВА, Острaвский университет, Острава
ID <https://orcid.org/0000-0003-1875-0021>

Введение

Импульсом для выбора темы нашей главы послужили мысли Власты Страковой, высказанные в её работе в 80-ые годы: «Использование предлогов представляет область, в которой в рамках близкородственных языков (таких как чешский и русский языки) проявляются настолько небольшие и тонкие расхождения, и поэтому им необходимо уделять особое внимание»⁵⁹ (Straková RJ 30, с. 450; перевод автора).

На выбор темы повлиял также факт, что на конференциях «Русский язык в сфере бизнеса (обучение бакалавров)» в Острaвском университете в 90-ые годы проблема предлогов в сопоставительном плане была активно обсуждаема такими учёными как Я. Руферова (1994), С. Жажа (1996), А. Бранднер (1997), Л. Воборжил (1997). Надо отметить, что эта проблема была в центре внимания учёных и во второй половине XX в. в русском и чешском языках (ср. Е.Т. Черкасова, Л. Кроупова). Она остаётся в центре внимания и в наши дни, о чём свидетельствуют большие международные проекты (ср. межнациональный проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис») и серия монографий «Русские предлоги и средства предложного типа» под руководством М.В. Всеволодой.

На проблему взаимоотношения грамматики и лексики с методической точки зрения обращал внимание уже Л.В. Щерба: «Грамматика представляет собою репертуар средств, посредством которых, во-первых, по определённым правилам выражаются отношения между самостоятель-

---

⁵⁹ „Užívání předložek je oblastí, v níž se projevují v jazycích blízce příbuzných, jako je čeština a ruština, rozdíly tak jemné a rafinované, že je jim třeba věnovat zvláštní pozornost.“ (Straková RJ 30, с. 450).

ными предметами мысли и посредством которых, во-вторых, по не менее определённым правилам образуются новые слова» (Щерба 1974, с. 84).

Значение грамматики в методике РКИ подчёркивают российские учёные Л.С. Крючкова и Н.В. Мощинская: «Овладеть иностранным языком как средством общения невозможно без знания грамматики. Это положение особенно актуально для русского языка, так как он принадлежит к числу флективных языков, с разветвлённой предложно-падежной и видо-временной системой, обладает сложной системой синтаксических форм, специфическими особенностями словорасположения и др.» (Крючкова 2009, с. 168).

Словацкие учёные А. Петрикова, Т. Куприна и Я. Галло утверждают, что грамматика при обучении иностранному языку как средству общения нужна для того, чтобы: 1. Правильно строить русскую речь. 2. Правильно понимать высказывания. 3. Уметь контролировать построение высказывания. 4. Уметь выбирать требуемые грамматические формы и конструкции (Petriková, Kuprina, Gallo I. 2013, с. 90).

Проблема предлогов требует более пристального внимания к описанию данных единиц, что обусловлено с одной стороны динамикой и разнообразием изменений, происходящих в данной группе слов, а с другой стороны возможными процессами интерференции, стилевой и стилистической маркированностью данных единиц.

В современном русском и чешском языке класс предлогов активно пополняется непервообразными предлогами. В чешском языке, однако, они носят несколько более книжный характер, в результате чего отношения, выражаемые в русском с помощью непервообразных предлогов, нередко передаются, с одной стороны, при помощи первичного предлога (или даже беспредложной словоформы), с другой стороны, при помощи придаточного предложения. К такому выводу пришли авторы вузовского пособия «Morfologie ruštiny» (Adamec 1997, с. 147).

Наш материал непервообразных предлогов русского языка (254 лексические единицы) был получен на основе «Объяснительного словаря русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы частицы, междометия вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы» (2003)⁶⁰ под редакцией В.В. Морковкина. а также на основе энциклопеди-

---

⁶⁰ Морковкин В.В. (ред.), 2003, *Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числи-*

ческого словаря-справочника «Морфология русского языка» (2010) Г.И. Пановой⁶¹. Чешские эквиваленты были установлены с помощью переводных словарей. Иллюстративный материал был получен из КартаСлов.ру – в онлайн-карте слов и выражений русского языка, где связи между словами фиксируются в конкретных речевых употреблениях.

Ряд признаков непервообразных предлогов также производных предлогов (ПП), отличающих их в целом от непроизводных предлогов, выделила А.А. Камынина (Панова 2010, с. 378). В частности: 1. ПП не имеют закрытого списка и постоянно пополняются новыми лексемами; 2. ПП употребляются только с одним падежом; 3. Практически все ПП однозначны; 4. ПП не бывают средством сильного управления; 5. Не все из ПП способны сочетаться с местоимёнными падежными формами.

Необходимо здесь однако напомнить высказывания о предлогах В.В. Виноградова, ставшие классическими и опубликованные уже в 40-ые годы XX в.: «В морфологическом строе предлогов открывается характерное явление: по мере того как первичные предлоги всё более и более утрачивают свою лексическую индивидуальность, превращаясь из слов-морфем в падежные префиксы и глагольные послелогии, возникают и распространяются новые аналитические, сложные типы предлогов. В составных формах предложных новообразований основа существительного, наречия или глагола как бы указывает на то грамматическое отношение (причинное, пространственное и т.п.), которое выражается данным предлогом. (...) Аналитическому строю этих предлогов соответствует логическая и вещественная расчленённость их значений. В составных предлогах, которые образованы из сочетания наречий или деепричастий с предлогом или из предложных сочетаний имён существительных со вторым предлогом (...) – значение целого складывается из лексического, вещественного значения первой части и синонимического или дополнительного, усилительного формального значения конечного предлога» (Виноградов 1947, с. 683).

В нашей главе нас будут интересовать следующие свойства непервообразных предлогов: а) мотивационные связи (если речь идёт об отымённых, отглагольных, наречных предлогах); б) их структура (относятся ли

тельные, связочные глаголы. Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ».

⁶¹ Панова Г.И., 2010, *Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник.* Москва: КомКнига.

они к простым или составным предложениям); в) их падежная сочетаемость; г) конкретная семантика, а также д) их эквиваленты в чешском языке.

В рамках нашего материала, включающего 254 лексические единицы (ЛЕ), основную массу (79,5%; 202 ЛЕ) составляют отымённые (отсубстантивные) предлоги, количество наречных предлогов меньше (15,8%; 40 ЛЕ) и отглагольные непервообразные предлоги представлены ещё меньше (4,7%; 12 ЛЕ).

Таблица № 1: Количественная представленность непервообразных предлогов

1.	ОТЫМЁННЫЕ предлоги	202 ЛЕ	79,5%
2.	НАРЕЧНЫЕ предлоги	40 ЛЕ	15,8%
3.	ОТГЛАГОЛЬНЫЕ предлоги	12 ЛЕ	4,7%
		254 ЛЕ	100%

Отымённые (отсубстантивные) предлоги

Авторы «Краткой русской грамматики» (КРГ 1989, с. 330) отмечали, что в современном литературном языке класс предлогов активно пополняется за счёт отымённых предложных сочетаний. Ни по своей формальной структуре, ни по системе своих лексических значений, ни по правилам выбора связуемых единиц слова этого класса они не являются однородными.

Отсубстантивные предлоги по мнению Г.И. Пановой (2010, с. 379), образованы в результате препозитивации (т.е. способом конверсии знаменательных частей речи, в данном случае существительных), причём этот процесс в современном русском языке весьма продуктивен (Панова 2010, с. 378).

Таблица № 2: Количественная представленность отымённых предлогов

1.	СОСТАВНЫЕ отымённые предлоги (2 компонента)	145 ЛЕ	72%
2.	СОСТАВНЫЕ отымённые предлоги (3 компонента)	48 ЛЕ	23,7%
3.	ПРОСТЫЕ отымённые предлоги	9 ЛЕ	4,3%
		202 ЛЕ	100%

Часть отымённых предлогов восходят к беспредложным словоформам существительных и являются простыми. В нашем материале они составляют лишь 4,3% (9 ЛЕ: *ввиду отсутствия, вопреки здравому смыслу, наподобие улыбки, путём опроса населения* и др.). Но обычно они являются составными, т.е. состоящими из нескольких, отдельно пишущихся компонентов. Они могут быть двухкомпонентными, включающими слово, подвергшееся препозитивации и один непроизводный предлог; такие предлоги преобладают среди отсубстантивных предлогов нашего материала (72%; 145 ЛЕ: *в защиту западной культуры, за исключением последних страниц, по линии наименьшего сопротивления, со стороны государства* и др.). Реже встречаются в нашем материале трёхкомпонентные отсубстантивные предлоги, включающие два непроизводных предлога. Они составляют 23,7% материала (48 ЛЕ: *без связи с реальной жизнью, в опоре на научные данные, на память о встрече, с оглядкой на традицию*).

В рамках нашего материала нас интересует также доля первичных предлогов, участвующих в образовании составных непервообразных предлогов. Было отмечено, что в группе примеров с двухкомпонентными предлогами помимо существительных обнаружены также 15 разных примеров с разными предлогами, различающимися разной частотностью употребления. Самой высокой частотностью отличаются предлоги *в* и *во*, которые зарегистрированы нами в 53,9% материала (104 ЛЕ: *в вопросах отбора специалистов, получить в качестве компенсации, в стадии гусениц*); довольно высокая частотность (12,9%; 25 ЛЕ) фиксируется также у предлога *по* (*по вопросам наследства, по мере развития, по случаю дня рождения*); у предлога *на* (9,8%; 19 ЛЕ: *на пользу обществу, на протяжении веков, на фоне неба*); предлог *за* (6,2%; 12 ЛЕ: *за время отсутствия, за исключением пары страниц*) и предлоги *с* и *со* (5,7%; 11 ЛЕ: *с периода реформирования, с позиции силы, с целью захвата власти, со стороны государства*).

Первичные предлоги также выступают в качестве третьего компонента составных отымённых предлогов, где самой высокой частотностью пользуются предлоги *с* и *со* (41,7%; 20 ЛЕ: *в соотнесённости с социальными функциями коммуникации, по подобию с человеческим мозгом, по сравнению с предыдущими годами*); предлог *на* (16,7%; 8 ЛЕ: *в направлении на север, в расчёте на инвестиции, с оглядкой на традицию*); предлог *к* (12,5%; 6 ЛЕ: *в дополнение к сказанному, в отношении к слоям, по отношению к женщине*) и следующие пять предлогов (*от*: *в направлении от льба, в отличие от большинства людей*; *о*: *автограф на память о встрече*;

в и во: с интервалами в 7–10 дней; между: в период между 1929 и 1932 годами; у: за спиной у вас и др.).

Интерес вызывают также падежи, с которыми сочетаются отымённые предлоги: простые и двухкомпонентные составные предлоги сочетаются лишь с двумя падежами (родительным и дательным), а родительный (96,7%) встречается чаще чем дательный (3,3%); напротив того в трёхкомпонентных составных предлогах встречается пять падежей, преобладает творительный (47,9%), винительный (25%), родительный (14,6%) и дательный (14,6%) употребляются намного меньше и предложный (2%) отмечается спорадически.

Наречные (отадъективные) предлоги

Наречные предлоги (в нашем материале составляющие 15,8%) восходят к наречиям и в современном русском языке не употребляются без сочетания со словоформой существительного. В нашем материале количество примеров с простыми наречными предлогами (55%; 22 ЛЕ: *находиться вблизи рек, становиться вроде давними знакомыми, стоять посреди комнаты*) превосходит количество примеров с двухкомпонентными составными предлогами (45%; 18 ЛЕ: *впредь до внесения изменений, быть наравне с другими, развитие совместно с маркетинговой концепцией*).

Таблица № 3: Количественная представленность наречных предлогов

1.	ПРОСТЫЕ наречные предлоги	22 ЛЕ	55%
2.	СОСТАВНЫЕ наречные предлоги (2 компонента)	18 ЛЕ	45%
		40 ЛЕ	100%

В большинстве примеров с непервообразными наречными предлогами отмечается предлог *от* (50%; 9 ЛЕ: *вблизи от берега, вдалеке от начальства, независимо от сознания человека*); количество предлога *с* несколько ниже (33,3%; 6 ЛЕ: *рядом с дверью, совместно с концепцией, согласно с природой*) и только единичные случаи с предлогами *до* (*впредь до внесения изменений*), *за* (*вслед за мужем*), *к* (*применительно к условиям*) были зарегистрированы в материале.

Кроме того наречные предлоги, отмеченные в нашем материале, сочетаются главным образом с родительным падежом (61,1% составных

и 81,8% простых), а также с дательным (5,5% составных, 18,2% простых) и творительным (33,3%) падежами составных наречных предлогов.

Отглагольные предлоги

Отглагольные предлоги, образованные в результате препозитивации деепричастных форм (в нашем материале они связаны с 8 глаголами: *взирать, включать, исключать, кончать, начинать, смотреть, судить, считать*), составляют относительно небольшую группу (4,7%; 12 ЛЕ от всего материала) с преобладанием составных отглагольных предлогов (58,3%; 7 ЛЕ), в которых употребляются также первообразные предлоги *от, на, с, по* (*начиная от самых первых, невзирая на возраст, считая с сегодняшнего числа, судя по одежде старика*), и всего лишь 41,7% (5 ЛЕ) выступали в простой форме (*включая сюда двух негров-кочегаров, кончая делами сегодняшних дней, исключая двух офицеров*). К простым отглагольным предлогам относим и *не считая* (*маленького пятна*) с отрицательной частицей *не*.

Таблица № 4: Количественная представленность отглагольных предлогов

1.	СОСТАВНЫЕ отглагольные предлоги (2 компонента)	7 ЛЕ	58,3%
2.	ПРОСТЫЕ отглагольные предлоги	5 ЛЕ	41,7%
		12 ЛЕ	100%

Отглагольные предлоги, в отличие от остальных производных предлогов, представленных в нашем материале, употребляются с разными падежами, что обусловливается управлением этих глаголов (родительный (50%), винительный (33,3%), дательный (8,3%), творительный (8,3%)). Наши наблюдения подтверждают данные относительно сочетаемости интересующих нас предлогов, приведённые в учебнике «Современный русский литературный язык» под ред. В.И. Максимова (СРЛЯ 2003, с. 494).

Семантика первообразных предлогов

Семантика первообразных предлогов является важным аспектом их исследования. Уже В.В. Виноградов писал, что «в семантической системе предлогов открывается сложная область отвлечённых отношений, выра-

жающих общественное понимание самых разнообразных связей между предметами, признаками, состояниями и действиями» (Виноградов 1947, с. 689). Проблематика семантической стороны русских предлогов достаточно активно разрабатывается в русистике (РГ-80; РЯЭ 2003; СРЛЯ, 2003; Панова 2010). Однако самую подробную классификацию смысловых отно-шений, выражаемых предлогами, разработал именно В.В. Виноградов (1947, с. 685–689), который предложил 21 вид таких отношений⁶². Коллектив авторов, возглавляемый В.И. Максимовым в своём учебнике СРЛЯ (2003, с. 495–501) выделил 12 типов отношений⁶³, выражаемых предлогами; Г.И. Панова (2010, с. 375–376) определила 9 смысловых отношений между реалиями⁶⁴. В словаре «Русский язык: Энциклопедия» (2003, с. 370) выделено 7 абстрактных предложных значений⁶⁵.

⁶² В.В. Виноградов (1947, с. 685–689) выделил следующие основные виды отношений, обозначаемых предлогами: 1) локальные, пространственные отношения; 2) темпоральные, временные отношения; 3) комитативные отношения; 4) аблятивные (каритивные) отношения; 5) трансгрессивные отношения; 6) инхоативные отношения; 7) квантитативные, количественно-определяющие отношения; 8) дистрибутивные, разделительные отношения; 9) лимитативные, ограничительные отношения; 10) поссессивные, притяжательные отношения; 11) генетические, или генетивные отношения; 12) компаративные отношения; 13) модальные отношения; 14) финальные, целевые отношения; 15) каузальные, причинные отношения; 16) инструментальные отношения; 17) делиберативные отношения; 18) отношения внутреннего содержания; 19) отношения заместительства, функционального пребывания в роли кого-нибудь; 20) отношения внутренней зависимости; 21) отношения приблизительной меры.

⁶³ Предлоги по характеру выражаемых отношений (СРЛЯ 2003, с. 495–501): 1) предлоги, выражающие пространственные отношения; 2) временные отношения; 3) условно-временные отношения; 4) причинные отношения; 5) целевые отношения; 6) отношения совместимости; 7) объектные отношения; 8) отношения сравнения; 9) отношения орудия к действию; 10) отношения источника информации к действию; 11) определительные отношения; 12) отношения уступки.

⁶⁴ Смысловые отношения, выражаемые предлогами (Панова 2010, с. 375–376): «Предлоги в единстве с падежной словоформой существительных выражают всевозможные значения, или смысловые отношения между реалиями: 1) пространственные; 2) временные; 3) разного рода объектные отношения: а) отношения собственно объекта; б) объекта-орудия; в) объекта-адресата; г) объекта-содержания мысли, речи, чувства; д) объекта совместного действия; 4) целевые отношения; 5) отношения причины; 6) определительные, включая отношения сравнения; 7) отношения образа действия (или тоже определительные – в широком смысле); 8) сопоставления; 9) ограничительные, или конкретизирующие, отношения».

⁶⁵ «Русский язык: Энциклопедия» (2003, с. 370): «Предлог как отдельно взятое слово обладает лексическим значением; это значение того или иного отношения. Традиционно выделяются такие абстрактные предложные значения, как значения пространственной и временной ориентации, компаративные, причинные, целевые, отношения принадлежности, образа действия и др.».

Все непервообразные предлоги русского языка, содержащиеся в нашем материале, мы сгруппировали в следующие 12 тематических групп (их последовательность зависит от количественной представленности): 1) Пространственные отношения (14,1%: *держаться в стороне от города, вслед за мужем, смотреть поверх голов*); 2) сфера действия с обозначением внешнего или внутреннего предела (13,8%: *в черте города, действовать в рамках закона, считая от верхней части бедра*); 3) качество (12,7%: *наказание в виде штрафа, рассмотреть вопрос в свете политических задач*); 4) временные отношения (11,8%: *в годы учёбы, за спиной у вас только вера и оптимизм*); 5) причина, повод, основание, зависимость, следствие (9,5%: *судя по одежде, по причине нехватки времени, по случаю дня рождения*); 6) цель, предназначение (8,7%: *действовать в интересах дела, работать на пользу общества*); 7) образ действия, орудие действия (8,7%: *вопросы решаются при помощи сил, танцы под аккомпанемент флейты*); 8) сопоставление, противопоставление, сходство, соответствие (6,3%: *по сравнению с предыдущими годами, в противовес традиционным исследованиям, действовать согласно плану*); 9) ограничение, включённость (5,7%: *в отличие от большинства людей, изучать проблемы в ракурсе анализа*); 10) объектные отношения (3,6%: *посылать в адрес правительства, народы растут на пути развития, вопрос по поводу работы*); 11) функция, вид, состояние (3,6%: *стоять во главе государства, в лице господина Иванова, с оглядкой на традицию*); 12) условие (1,5%: *в случае недоразумений, жить в условиях дефицита, при условии соблюдения параметров*).

Современные исследователи объединяют предлоги в семантические парадигмы, под которыми понимаются ряды «предложных единиц, образованных от одной лексемы и объединённых системными семантическими связями» (Панова 2010, с. 375). В нашем материале такие парадигмы в русском языке образованы вокруг четырёх лексем: 1. НАПРАВЛЕНИЕ: *в направлении развития, в направлении к мозговому черепу, в направлении на запад, в направлении от центра, по направлению к выходу*; 2. ПРЕДЕЛ: *в пределы допустимого, в пределах границ, за пределами Москвы, за пределы культуры, из пределов законов, из-за пределов мира*; 3. ПОМОЩЬ: *без помощи других людей, при помощи силы, с помощью ингаляторов*; 4. СЧИТАТЬ: *считая и Моисеенко, считая от верхней части бедра, считая с сегодняшнего числа*.

Представленный анализ уточняет картину динамических изменений непервообразных предлогов. Качественный материал даёт возможность

использовать его на занятиях русского языка в чешской языковой среде. Семантическая классификация позволяет концептуализировать данный грамматический класс слов, что и значительно упрощает познавательные аспекты обучения и способствует закреплению материала.

Таким образом, следующим важным этапом в процессе анализа непервообразных предлогов как методического материала в рамках методики РКИ является сопоставление русских предлогов и их чешских эквивалентов. Мы установили три группы соответствий русских и чешских предлогов:

1. Русскому простому предлогу соответствует чешский составной эквивалент: а) отымённые ПП: *ввиду отсутствия* x *s ohledem na absenci*, *наподобие улыбки* x *na způsob úsměvu*; б) наречные ПП: *накануне поездки* x *v předvečer zájezdu*, *свыше 100 лет* x *více než 100 let*.

2. Русскому составному предлогу соответствует простой предлог в чешском языке: а) отымённые ПП: *в конце XX века* x *koncem XX. století*, *в годы учёбы* x *za studií*, *через посредство министров* x *prostřednictvím ministrů*; б) наречные ПП: *вблизи от берега* x *roblíž břehu*, *рядом с дверью* x *vedle dveří*; в) отглагольные ПП: *начиная от самых первых* x *ročníraje prvními*, *начиная с дошкольного возраста* x *ročníraje předškolním věkem*.

3. Эквивалентом русского составного предлога из 3 компонентов является более простой чешский предлог, как например у отымённых предлогов: *в унисон с числами* x *unisono s čísly*, *по подобию с человеческими мозгами* x *podle lidského mozku*, *в сообществе с другими* x *spolu s ostatními*.

Эта классификация имеет методическую ценность, поскольку она фиксирует семантико-структурные различия между чешскими и русскими предлогами как обобщающая и опорная схема при изучении русских предлогов.

Выводы

Проблема усвоения предлогов является одной из методических трудностей в изучении близкородственных славянских языков. Эти трудности связаны с указанными выше расхождениями в структуре, семантике и стилистике данных предлогов, которые как указывалось, могут быть небольшими и трудно уловимыми, что может вызывать интерференции и является конечной целью в обучении иностранному языку: т.е. построение правиль-

ного высказывания с грамматической, лексической и композиционной точки зрения.

Таким образом, представленный грамматико-смысловый и сопоставительный анализ предлогов позволил продемонстрировать как особенности развития русских непервообразных предлогов, так и наметил перспективы лингвистического и методического анализа данной группы слов. А также практического применения как теоретического, так и эмпирического материала на занятиях русского языка в чешской среде.

РУССКИЙ ЯЗЫК В БИЗНЕСЕ. ДЕЛОВЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ – ТЕМАТИКА, ЛЕКСИКО-СИТУАТИВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Тадеуш ДОМБРОВСКИЙ, Лодзинский университет, Лодзь
ID <https://orcid.org/0000-0003-3391-4258>

Введение

Вопросы делового общения, речевого этикета и культуры деловой речи являются объектом изучения многих учёных, которые исследуют различные аспекты культуры русской речи и риторики в сопоставлении с другими языками.

В рамках дисциплины «Русский язык специальности (бизнес)» мы со студентами 3-го курса бакалавриата, рассматриваем основные темы, обсуждаемые бизнес партнерами в процессе деловых переговоров.

Материал, включённый в данную дисциплину, предваряет отдельные занятия по ведению деловых переговоров, которые проводятся на 4 курсе (1-ом курсе магистратуры).

В отличие от наших занятий, в магистратуре студенты учатся искусству ведения деловых переговоров, изучают этические вопросы, национальные стили, стратегии, а также техники в деловом общении на русском языке.

Как известно, бизнес-партнёры прежде чем составить и подписать контракт и в итоге заключить взаимовыгодную сделку, должны тщательно обсудить ряд вопросов, непосредственно связанных с данной торговой операцией.

Основные вопросы деловых переговоров

Наиболее существенными вопросами, требующими обсуждения между деловыми партнёрами, которые заинтересованы, например, в купле-продаже товара / услуги, являются следующие:

1. количество продаваемого / приобретаемого товара / услуги;
2. качество приобретаемого товара / услуги;
3. стоимость товара / услуги и факторы, влияющие на изменение цены;
4. виды скидок и условия их предоставления / получения;
5. выбор транспортного средства;
6. базис поставок на примере ИНКОТЕРМС 2020;
7. определение места поставки товара / оказания услуг;
8. определение сроков поставки товара / оказания услуг;
9. частота и равномерность поставок / оказания услуг;
10. определение времени, условий и формы платежа;
11. выбор упаковочного материала для продаваемого / приобретаемого товара;
12. согласование содержания и формы (вида) маркировки на упаковке товара;
13. решение вопроса о гарантийном и постгарантийном обслуживании;
14. страхование груза (и физических лиц) на время перевозки товара.

Данные вопросы обсуждаются сторонами будущей сделки во время телефонных разговоров, интернет-переписки, однако, наиболее подходящим с точки зрения этики бизнеса и эффективным являются деловые переговоры.

Понятие «деловые переговоры»

Деловые переговоры – это «речевое общение между собеседниками, которые обладают необходимыми полномочиями от своих организаций (учреждения, фирмы и т.д.) для установления деловых отношений, разрешения спорных вопросов или выработки конструктивного подхода к их решению» (Максимов 2004, с. 173).

Этапы переговорного процесса

Обычно, прежде чем начать обсуждение деловых вопросов, бизнес-партнёры начинают общение с так называемой «светской беседы».

Для того чтобы студенты постепенно «вживались» в роль предпринимателей – участников переговоров мы предлагаем им начать непринуждённую беседу о том о сем, в случае необходимости корректируя выбор темы. Не рекомендуется с партнёром обсуждать вопросы, например, политики, экономики, спорта, а также семьи. Это во избежание появления

негативных эмоций, которые могут повлиять на ход переговоров и их конечный результат. Объяснив причину, мы переводим внимание учащихся на погоду / природу / климат, градостроительство, формы и места отдыха, культуру и пр.

Светский разговор между партнёрами проводится с целью знакомства бизнесменов, снятия волнения зачастую в связи с языковым барьером, стресса из-за пребывания в другой обстановке, введения собеседников в хорошее настроение, а также (при первой встрече) установления доверительных отношений, по возможности сокращения дистанции общения.

Следующим этапом встречи после светского разговора является **открытие переговоров**, в котором принимающая сторона представляет и называет всех участников переговоров, определяя их компетенцию.

Для того чтобы сделать ситуацию более правдоподобной, мы на занятиях разыгрываем подобную сценку, предварительно разделив группу пополам и избрав глав сторон – участников переговоров. С целью активизации студентов мы просим председателей лишь вкратце охарактеризовать участников, предоставляя возможность всем индивидуально представиться, обменяться визитными карточками, назвать занимаемую на предприятии должность (по выбору самих учащихся), а также рассказать, что входит в круг их обязанностей.

Переговоры обычно начинаются с представления **повестки дня** и определения круга вопросов для обсуждения.

Блок переговорных **вопросов о количестве товара** открывают примерно такие фразы:

- *Мы хотели бы **купить** / **закупить** / (**приобрести**) у вас ... штук / единиц / литров / метров / граммов и т. д. продукции;*

- *Объем поставки будет составлять ... и др.*

На занятиях мы изучаем единицы измерения (метрической системы) разных товарных групп по весу и массе, длине, площади, объёму и ёмкости, а также так называемые специфицированные (внесистемные) единицы измерения товаров.

Для расширения общих знаний учащихся, а также в качестве задания для аудиторной работы мы предлагаем следующее:

Задание. Определите единицы измерения отгружаемого товара. Заполните интервалы.

1.

Тип трубы	Наружный диаметр	Толщина стенки	Длина трубы	Цена, руб.
-----------	------------------	----------------	-------------	------------

2. Мы готовы вам поставить марганцевую руду с содержанием марганца около 49 _____.
3. Сообщаем, что первая партия сахарного гороха в количестве 15 _____ будет отгружена на следующей неделе.
4. Отвечая на ваш вопрос, сообщаем габариты многофункционального устройства, включая лотки: (ШхГхВ) 572х632х608 _____.

Переговоры по вопросу о качестве товара мы начинаем с введения лексики по теме, а также предъявления дополнительного аутентичного информационного материала.

Далее обсуждаются показатели / признаки качества для потребителей (определяем потребительскую стоимость), а затем с помощью примеров-заданий нами объясняются и называются методы установления качества товара.

Задание. Подберите способы установления качества товара к видам груза.

1. по образцам	а) руда, сплавы металлов
2. путём непосредственного осмотра	б) пшеница, семена
3. по стандартам и сертификатам	в) овощное рагу, икра из кабачков
4. путём описания товара	г) станки, автомобили
5. по натурному весу	д) пушнина, стёганое одеяло
6. по содержанию чистого элемента или вещества.	е) столешницы, ткани

Задание. Назовите товары, качество которых устанавливается, применяя следующие методы:

измерительный; органолептический; социологический.

Ключевым вопросом любых деловых переговоров является **цена товара или услуги**. Продавец / Экспортер заинтересован реализовать продукцию по выгодной для себя цене, чтобы возместить понесённые затраты и получить прибыль.

Для расширения предметных знаний, мы предлагаем учащимся ознакомиться с разными видами цен и подобрать к ним товар (по выбору).

Задание. Выучите виды цен. Определите товар, реализуемый по данной цене, используя выражения внизу.

оптовая / розничная; исходная, начальная; закупочная, конкурентоспособная (конкурентная), рекламная, справочная, приемлемая / доступная / фабричная / льготная / скользящая / договорная / фиксированная / свободная / гибкая, экспортная **цена** установить / устанавливать цену на товар; предложить / предлагать товар по цене

Для ощущения реалий деловых переговоров, мы предлагаем студентам примерно такое задания:

Задание. Восстановите текст микродиалогов, вставляя в интервалы пропущенные слова.

- К _____, мы никак не можем _____ с вами насчет _____ на ваши изделия.
- А что, собственно, вас не _____? По нашим _____, товар такого же _____ наши _____ продают на _____ на 20% _____.

Задание. Дополните предложения пропущенными словами. Ссылайтесь на общий смысл предложений.

Закупочная _____ вареной колбасы «Докторская», _____ ГОСТ 23670-79, купленной магазином «Три поросенка», _____ Р1000 за 1 _____. Магазин продавал изделие по Р1500 за _____. Значит, маржа, _____ магазином на _____ изделия _____ Р500.

На наш взгляд, ценность подобных заданий заключается в том, что учащиеся, выполняя его, проверяют не только свой уровень владения иностранным языком, но и предметную компетенцию и логику мышления.

Продолжением обсуждения вопроса о цене продукции является просьба покупателя предоставить ему скидку и/или объяснить, при каких условиях он может на неё рассчитывать.

Скидка – это важный инструмент в процессе купли-продажи. Желание предоставить скидку, а также сам размер скидки зачастую влияют на дальнейшие торговые взаимоотношения между бизнес-партнерами.

Для того чтобы покупатель мог торговаться о возможных скидках, сначала ему нужно ознакомиться с их видами и условиями получения.

С этой целью мы предлагаем студентам учебный материал, который помогает разобраться в данной тематике.

***Задание.** Изучите виды скидок. Определите вид скидки по описанию. В интервалы впишите название скидки, образованное от слов внизу.*

***Слова для справки:** сезон; бонус; экспорт; дилер; сконто; возврат; количество; серийность.*

1. Скидка _____ предоставляется при покупке товара за наличный расчет или за досрочное выполнение платежей по контракту.
2. Скидка за _____ предлагается при размещении большого заказа на товар.
3. _____ скидки предоставляются производителями своим постоянным представителям.
4. _____ скидка дается привилегированным покупателям.
5. _____ скидка, которая предоставляется иностранным покупателям.

...

Говоря о льготных условиях поставок, мы, прежде всего, обращаем внимание на **выбор транспортного средства для перевозки товара**, место забора и доставки груза.

***Задание.** Оцените каждый из видов транспорта по отдельности, учитывая следующие факторы:*

1. время доставки;
2. частота отправок;
3. надёжность соблюдения графика поставок;
4. способность перевозить разнородные / негабаритные грузы;
5. способность доставить груз в любую точку;
6. стоимость перевозки.

По нашему мнению, особого внимания заслуживают **базисы поставок (торговые правила, например, ИНКОТЕРМС 2020)**, которые, как отмечают сами студенты, неоднократно принимающие участие в собеседованиях на замещение вакантных должностей, очень часто используются рекрутерами в качестве контрольных / проблемных вопросов.

После тщательного анализа таблиц, размещенных в интернете и иллюстрирующих обязанности продавца и покупателя и момент перехода рисков по каждому отдельному базису поставок, а также ряда авторских учебных материалов с разным типом заданий мы просим студентов принять участие в переговорах по вопросу о выборе базиса поставок по Инкотермс 2020, выполняя, например, такого вида задание на развитие русской деловой речи:

Задание. Восстановите пропущенные реплики диалога и заполните лакуны фактической информацией.

- _____ поставляете товар?

- На условиях _____.

- Этот _____ нас не устраивает. Мы обязаны будем получить импортную _____, выполнить таможенные _____ для импорта _____.

-

_____?

- Например,

_____.

- Это возможно, но только в том случае, если Вы возьмёте на себя _____ по таможенной _____ товара для экспорта.

- Хорошо. Значит так, Вы получаете экспортную _____, доставляете _____ в указанный нами _____ и размещаете его _____ борта _____.

Следующим этапом переговоров является установление сторонами сделки **места и сроков поставки товара**, а также её частоты и равномерности.

Задание. Впишите в интервалы пропущенные слова по контексту.

1. Мы хотели бы получить товар _____ полгода _____ подписания договора, это возможно?
2. Мы можем вам поставить первую _____ товара уже в _____ этого квартала.
3. Мы будем _____ товар _____ равные _____ времени до конца года.
4. _____ будут _____ двумя равными _____ по 500 штук в каждой.
5. Мы хотели бы получить товар в III и IV _____ текущего _____.

Работа с материалом по теме «**Условия платежа**», которая включает в себя такие аспекты, как виды платежа, сроки оплаты, а также банковские платежные документы, всегда довольно сложная. Она требует от студентов усвоения многих лексических единиц и банковских понятий, а также предвещает постоянный контакт с русскими именами числительными в разных конфигурациях (дроби, проценты), а они вызывают у учащихся большие трудности.

В качестве учебного материала, кроме прочих, мы предлагаем такого типа задания:

Задание. Определите форму и схему / график платежей. Используйте исходные данные.

Образец: Предлагаем следующую схему платежей: 70% в качестве предоплаты в течение ближайших 7 рабочих дней, остальные 30% (оставишюся / причитающюся) сумму мы обязуемся оплатить в течение 14 дней с момента / с даты / со дня прибытия товара на границу / поступления товара на терминал / получения товара / по факту получения

1. 20% – предоплата, перечисление; 14 дней со дня подписания договора, 80% – 3 дня со дня прибытия товара на склад покупателя, аккредитив.
2. 30% – платежное поручение; 3 дня со дня пересечения границы, 70% – банковский перевод.
3. 10% – аванс, перевод, 90% – вексель, платеж через 60 дней.
4. 5% – наличные; 5 рабочих дней, извещение о готовности товара к отгрузке, 95%, инкассо.
5. 15% – предоплата, перевод, 7 дней с даты поступления товара на границу, 85% – платежное поручение.

Задание. В интервалы вставьте пропущенные слова. Следите за контекстом. Обратите внимание на подчеркнутые словосочетания. Изучите их.

1. Платежи за поставленный товар в соответствии со _____ будут производиться посредством _____, который будет открыт в банке _____ в течение 14 дней после _____ договора.
2. Оплата производится в _____, путем _____ денежных средств банковским _____ на расчётный _____ Продавца.
3. Сумма _____ составляет согласно спецификации N1 ... долларов США. Валютой _____ являются ... . _____ за каждую поставленную партию товара производятся в форме безналичных _____ в течение ... путем ... .
4. Платеж за _____ товара производится _____ товаросопроводительных _____.
5. _____ осуществляется Покупателем до 28 _____ месяца поставки. Порядок _____ должен быть _____ по _____ сторон.

Для успешной реализации коммерческой сделки **упаковка** имеет большое значение. Она обеспечивает сохранность груза при разных видах перевоз-ки, включая возможную перевалку товара.

В рамках занятий мы знакомим студентов с упаковочными матери-алами, а также видами упаковки в зависимости от продукции.

Задание. К данному внизу товару (справа) подберите вид упаковки (слева).

1. ящик	а) шерсть, хлопок
2. мешок	б) тонизирующий напиток
3. коробка, блистер	в) килька в масле, бычки в томате
4. бутылка	г) вермишель, лапша
5. ПЭТ-бутылка	д) сухофрукты, конфеты
6. баррель (м.р.)	е) сельдь «Матъе», филе горбуши
7. тюк/кипа	ж) компьютерная техника
8. банка	з) молоко, кефир, ряженка
9. пачка	и) нефть
10. пакет	к) мебель ИКЕА
11. пресерва	л) Пепси-кола
12. групповая упаковка	м) постель
13. лоток, стрейч-пленка	н) мясо
14. термоусадочная пленка	о) колбасные изделия
15. полиэтиленовые чехлы	п) медикаменты, канцтовары

Для надлежащей перевозки и сдачи товара покупателю используется **маркировка груза**.

Задание. Объясните деловому партнеру, как следует наносить клеймо на ткани. Используйте информацию, данную внизу.

Задание. Ознакомьтесь с манипуляционными знаками, наносимыми на транспортную тару или упаковку.

Задание. Изобразите тару / упаковку своего груза, размещая на ней согласно ГОСТ 14192-96, ГОСТ Р 51474-99 с нормативными актами, вымышленные данные.

При заключении коммерческой сделки одним из обсуждаемых в процессе переговоров вопросов является **гарантийный срок**, установленный производителем, на продаваемую продукцию.

В течение гарантийного срока покупатель, выявив скрытые недостатки товара, вправе предъявить претензию продавцу / производителю и потребовать ее удовлетворить.

Задание. Вместо пропусков вставьте недостающие слова.

В соответствии с данным гарантийным _____ фирма принимает на себя _____ по ремонту (или _____ при невозможности ремонта) техники.

Данный гарантийный _____ дает право осуществить _____ гарантийный ремонт изделия, _____ из строя по вине _____ в течение гарантийного _____, указанного в гарантийном _____.

Гарантийное _____ не производится при _____, вызванных неправильной _____ со стороны _____, например, некорректным _____ техники к сети, приведшим к выходу из _____, механическим _____ и пр.

Обсуждение вопросов переговоров завершает **страхование перевозимого груза** и лиц, которые занимаются его транспортировкой до места назначения.

Задание. Ознакомьтесь с аутентичным бланком заявления о страховом случае. Обратите внимание на новую лексику. Заполните документ вымышленными данными.

Задание. На основании информации в таблице составьте диалог по плану.

Характеристика груза	Договор страхования	Страховой случай
ЖК-мониторы «LG», 250 шт., автотранспортная накладная (CMR) N348-17, дата отправления 12 мая т.г., автофургон KJE 760912 PL	Генеральный договор, страховая сумма 120 тыс. долл. США.	Кража части мониторов, часть повреждена (поцарапана / помята матрица)

1. Объяснение цели визита.
2. Подробности происшествия, состояние груза.
3. Действия страхователя.
4. Условия получения страхового возмещения.
5. Завершение разговора.

Заключение

Необходимость предварять заключение коммерческой сделки продолжительными деловыми переговорами бизнес-партнеров бесспорна. Процесс переговоров способствует выяснению сомнений, раскрытию нюансов, обсуждению всех деталей будущей сделки. Главная задача переговоров – это достижение консенсуса. Такие общие бизнес-постулаты мы стараемся донести до студентов, изучающих русский язык в бизнесе. Иностранный язык является лишь инструментом для взаимопонимания деловых партнёров, а взаимопонимание – это условие будущего взаимовыгодного сотрудничества.

Summary and Abstracts of Articles

The presented publication of the Department of Slavic Studies of the Faculty of Arts of the University of Ostrava is the fourth in a series of collective monographs *Area Slavica* and concerns the issue of linguistics and language didactic Russian studies. The monograph presents the view of Czech, Polish, Russian and Slovak linguists (Russists) on issues related to the topic of *Contemporary Russian Studies and changes in university studies*. The monograph is a joint work of 18 authors and contains 17 chapters, which are listed in the order below. The following is a brief description of the contents of each chapter:

Зденька НЕДОМОВА, Люба МРОВЕЦОВА, Лукаш ПЛЕСНИК;

zdenka.nedomova@osu.cz, ljuba.mrovecova@osu.cz, lukas.plesnik@osu.cz

Anniversary of the 70th Anniversary of the Department of Russian Studies in Ostrava and the 30th Anniversary of the Bachelor's Degree in Russian

In the introductory chapter, the authors look back at the rich history of the Department of Russian Studies at the University of Ostrava, introducing readers to some aspects (such as the history of origin, pedagogical activity, research activities, international cooperation) of its rich 70-year history. The second part of the chapter deals with conferences held by Ostrava Russianists and collections of materials from conferences dedicated to the education of bachelors in Russian studies.

Keywords: Department of Russian Studies, University of Ostrava, pedagogical activity, research activities, international cooperation, education of bachelors in Russian studies.

Елена МАРИНОВА; marinova@list.ru

Features of the Formation of the Russian Language of the Digital Society

The process of formation of the Digital Society terminology in Russian language is considered. The semantic structure of the keyword of this lexical field – the adjective *tsifrovoy* and its vast syntagmatic possibilities, defined by the author of the article as “combinatorial expansion”, are analyzed. The main thematic

groups of words used with the attribute *tsifrovoy* in modern speech as part of turns of different degrees of idiomaticity are presented. From the point of view of origin, the turns themselves are calques (Russian *tsifrovoe obshchestvo* from English *digital society*) or innovations (*tsifrovoy rubl'*), that arise in Russian language. The activity of the members of the word-formation nest of the adjective *tsifrovoy* and their role in the formation of the Digital Society vocabulary are noted. The essential feature of the analyzed process is the tendency to use keywords and terms of the Digital Society as an ideologeme.

Keywords: digital society, Russian language, keywords of terminology, ideologeme, word-formation nest, syntagmatics, formation of vocabulary, calque, innovation

Лукаш ПЛЕЧНИК; lukas.plesnik@osu.cz

Word-formation Possibilities of Lexical Components Art (Art) and Art (Iskusstvo) at the Present Stage of Development of the Russian Language

The article is focused on the question of the word-formation possibilities of lexical components *art (art)* and *art (iskusstvo)* in the modern Russian language. Both components have their place in the lexicographic sources of the Russian language, however, in recent years, more and more often there has been an increased productivity of the lexical component *art (art)*. It acquires in Russian both the role of a noun and an analytical adjective. The derivational component *art (art)* refers etymologically to the Latin language and forms a number of complex words and analytical constructions. The article presents analyzes on aspects of graphic adaptation, stylistic affiliation and etymological definition.

Keywords: analytical adjective, word formation, art, graphics, stylistics, etymology, Russian language

Станислав РЫЛОВ; slavc@mail.ru

Syntactic Typology of Modern Slavic Languages: Comparison of Simple Sentence in Russian and Czech

One of the acute problems of Slavic studies is the development of a syntactic typology of modern Slavic languages. The purpose of the paper is to identify the syntactic types of Russian and Czech languages at the level of simple sentence; to state the peculiarities of expression in these types. Differential features of syntactic systems of Slavic languages singled out by R. Mrazek provided the comparison basis: 1) general syntactic perspective of simple sentence; 2) means of expressing predicate and rendering possessive relations; 3) the character of rendering subject-object relations in the structure of a sentence; 4) measurement

of the sentence predicative base asymmetry. The notable national specificity of the syntactic type of the Russian language against the background of Czech is revealed. Genetically related Slavic languages show significant differences for all the considered differential features.

Keywords: linguistic typology, syntactic typology, modern Slavic languages, comparative method, simple sentence, differential features of the syntactic systems, syntactic type of language, Russian language, Czech language

Йиндржих КЕСНЕР; jindrich.kesner@uhk.cz

Proper Names Functioning as Indeclinable Prepositional Attribute in Russian and Czech Language

Language develops hand in hand with the development of the society. Within this context, we can speak about the influence of external factors on the language development. However, language also develops in compliance with the internal laws of its development. Changes in grammar by comparison with other language levels are the least prominent. Syntax, which is not very sensitive to external influences, also does not change very fast, nevertheless, the changes in syntax do happen faster than changes in morphology. Mass expansion of the word connections containing indeclinable prepositional attribute (NPA) proves the development of Russian and Czech language towards analytism. The chapter introduces the word connections with a proper name in the part of the NPA. All the word connections are described and classified according to the semantic character of the prepositional component.

Keywords: development of the Russian and Czech language towards analytism, indeclinable prepositional attribute, proper name

Лукаш МАРШИК; marsikluke@seznam.cz

Traces of Proper Nouns in Appellative Vocabulary of Russian, Czech and Polish Languages

Eponyms form a specific vocabulary of every language. This term refers to expressions and names that were formed from proper nouns – from anthroponyms (personal names of people), toponyms (names of geographical objects), theonyms and other mythonyms (names of gods, mythical beings, literary and movie characters or names of mythical lands) and from another proper noun categories (for example names of companies, cultural objects etc.). This article focuses on traces of proper nouns in appellative vocabulary of Russian, Czech and Polish languages. The attention is given to historical and cultural aspects of

these lexical items in a vocabulary of given languages and their close connection with proper names from which they were formed.

Keywords: eponym, deonym, deonymization, deproprialization, appellativization, appellative

Габриэла МАТЫАШКОВА; a20606@student.osu.cz

Syntactic Features of Scientific Writing Style (Parentheticals in a Comparative Russian and Czech Study)

Material used for this research belongs to scientific writing style in exact science, which is defined as a type of language for special purposes. This paper provides characteristics of the above-mentioned scientific writing style and an analysis of some of the language and grammatical features. In general, the style has a tendency to achieve precision, unambiguity and logic of the expression. This paper addresses the syntactic means, such as parentheticals, which are aimed to ensure the previously stated characteristics. The Czech counterparts to Russian parentheticals are not only parenthetical expressions, but also different parts of speech and syntactic structures.

Keywords: syntactic structure, parenthetical, parenthetical statement, parenthetical remark, scientific writing

Елизавета МАДЕЙ; lizaveta@lizaveta.sk

Russian-Slovak Interlingual Homonymy in Professional Legal Texts

Russian-Slovak interlingual homonymy is analysed in the article as a linguistic phenomenon. The objective is to identify Achilles heels of professional legal translation, using examples of legal terminology correlates and propose specific linguistic and translating solutions. Secondary objective is to apply comparative analysis to define specifics of individual legal terms nomination in Russian and Slovak languages. The article aims to avoid using potential interference elements in translation.

Keywords: professional translation, translation of legal texts, interlingual homonymy, faux amis, language interference

Галина ГАДОМСКА; halina.gadomska@uni.opole.pl

The Specifics of Lexicographic Description and Translation Russian and Polish Christian Eortonyms (on the Example of the Twelve Great Feasts)

The study and description of the Russian and Polish versions of the religious language does not lose its relevance. First of all, this is due to the problem of

mutual understanding between Orthodox and Catholics who speak Russian and Polish. This is explained by the fact that in the modern world, the situation of coexistence of representatives of different cultures, religions and speakers of related, but still different, languages generates a number of problems that can become causes of conflict situations. This article continues the author's series of publications devoted to the study of Christian eortonyms as an integral part of religious vocabulary. The work presents an analysis of the features of the description and translation of Russian and Polish Christian eortonyms with the meaning of "The Twelve Great Feast". The source of the research was the specialized Russian-Polish dictionary published in Poland by Russian and Polish authors.

Keywords: lexicography, eortonym, variants of religious language, dictionary interpretation, Russian-Polish dictionary, translation

Anna CALDROVÁ; 413405@mail.muni.cz

Changes in the Frequency and Use of Russicisms after 1989

Czech, like all living languages, is constantly evolving, changing, and adapting to the needs of its users. As a result of cultural, economic, or technological development and changes in society, some words in our vocabulary become obsolete and gradually disappear or change their semantic meaning. These changes and shifts also occur in the case of words adopted from foreign languages, including the so-called russicisms. The paper is devoted to the analysis of changes in the frequency of occurrence of selected russicisms and the way they are used in Czech after 1989. The analysis is based on the author's own research on russicisms and is based on data from the Czech National Corpus, which allows easy searching across different periods and types of texts and thus helps us to get a good picture of the representation and usage of russicisms in the contemporary Czech language.

Keywords: contemporary Czech, russicisms, corpus, frequency analysis, CNC

Александра ГНЬП; aleksandra.gnyp@gmail.com

Specifics of the “Viking” Episode Titles Translation on Russian and Polish Languages

This article discusses the problem of translating episode titles in a historical costume series. The exemplification material consists of all seasons of the Canadian-Irish series “Vikings” available on the Netflix streaming platform. The au-

thor makes a linguistic division – an analysis of three language versions: English, Polish and Russian. He also classifies the etymologies of each group of titles, taking into account their anthropological, toponymic and zoonimic references, as well as references to the names of gods and deities.

Keywords: audiovisual translation, film, costume series, historical series, title, episode, “Vikings”

Alena DANYIOVÁ; alenadikevic@seznam.cz

Anthroponyms in Russian Fairy Tales: Their Origin, Meaning and Use Today (Selected Fairy Tales)

The presented publication discusses proper names in Russian fairy tales from the point of view of etymology, compares selected anthroponyms primarily in Russian and Czech, and describes their use today. The publication is based on selected Russian fairy tales, in which proper names are found, explains the meaning and origin of these names and analyzes the use of proper names in the Czech, Russian and Belarusian environment at the present time.

Keywords: anthroponym, proper name, hypocorism, Russian fairy tales, origin, Czech, Russian

Jakub KONEČNÝ, Lenka ROZBOUDOVÁ;

jakub.konecny@pedf.cuni.cz, lenka.rozboudova@pedf.cuni.cz

Reflection on the Development of the Undergraduate Russian Language Teacher Training at the Faculty of Education, Charles University

The chapter summarizes and presents the results of the analysis of three Bachelor's and three follow-up Master's study programs, which have been implemented since 2007 by the Department of Russian and Language Teaching Methodology of the Faculty of Education, Charles University. The text presents the structure of the study plans and describes the changes that occurred in the undergraduate training of Russian language teachers in the monitored period.

Keywords: teacher training, Russian language, bachelor's study program, follow-up master's study program, language teaching methodology, linguistics, literature, culture, practical language

Алена КАЛЕЧИЦ; akalechyts@ukf.sk

Formation of Students' Lexicographic Competence at the Advanced Level of RFL Teaching

Formation of lexicographical competence is a very important aspect in teaching both future RFL teachers and international students in general. It is connected with the popularization of competency-based approach in vocational education and the multiparadigm approach in language learning. The article clarifies the definitions of the term competence as they are often confused in didactic literature. Own position on the typology of competences in linguistics is expressed. Attention is paid to the importance of forming lexicographical competence in foreign language classes at an advanced level using mainly explanatory dictionary.

Keywords: competence approach, multiparadigm approach, vocational education, educational standards, competence, competences, lexicographic competence, information competence, learner's dictionary, explanatory dictionary

Наталия ГЕТЬМАНЕНКО, Ленка РОЗБОУДОВА;

natalia.getmanenko@pedf.cuni.cz, lenka.rozboudova@pedf.cuni.cz

Cultural Concepts in Foreign Language Teaching

This chapter is dedicated to the problems of learning culture concepts when studying foreign languages. The authors analyze the understanding of the essence of the term "concept" in different humanities and provide their definition of the notion of "concept" taking into consideration the situation of teaching in high school and universities outside the environment of the subject foreign language. The researchers share their experience in creating the algorithm for work with culture concepts and their developed criteria for the selection of concepts for their comparative description.

Keywords: concept, linguo-didactics, linguo-conceptology, teaching foreign languages, model for work with culture concepts, inter-cultural communication

Здeнька HEДOМOBA; zdenka.nedomova@osu.cz

Russian Non-primitive Prepositions and Some Aspects of Their Comparative Study and Teaching

The article focuses on non-primitive prepositions of the Russian language in comparison with the Czech language. Russian non-primitive prepositions are analyzed from the point of view of their motivational connections (nominative,

adverbial and verbal prepositions), structure (simple and compound prepositions), case compatibility, semantics and equivalents in the Czech language. Within the framework of semantics, classifications of the types of relations denoted by prepositions by different authors are recalled, and a study of the semantics of prepositions is carried out according to the author's own classification of the article. Of methodological value in the Czech environment is the author's comparison of Russian prepositions and their Czech equivalents.

Keywords: preposition, non-primitive preposition, structure, case compatibility, semantics, equivalent, teaching methods, comparison, Russian language, Czech language

Тадеуш ДОМБРОВСКИЙ; tadeusz.dabrowski@uni.lodz.pl

Russian Language in Business. Business Negotiations – Theme, Lexical-situative Exercises (from Work Experience)

In this article, the author presents the most essential issues discussed by business partners during business negotiations. The material gives a detailed description of the individual stages of the negotiations, their logical sequence, and at the same time practical teaching material is offered for the assimilation of the appropriate vocabulary, the most frequent in the process of discussing the specific question. As an example, the author gives a number of situational authentic and/or the most plausible practical tasks with the aim of expanding the vocabulary for the appropriate abbreviations, abbreviations and terms, as well as the development of the subject competence necessary for future professional activity in the field of international business.

Keywords: business partners, business negotiations, quantity and quality, preferential sale, price calculation, cargo transportation, Incoterms 2020, customs formalities, terms of payment, cargo insurance

Алфавитный список литературы и электронных источников (источники, записанные кириллицей)

Абдуллаева Ч.Б., 2019, Сопоставительный анализ этимологии и значения лексем «искусство»/"art"/"санъат" в русском, английском и узбекском языках, *Хорьжий филология*, 4, с. 78–82.

Абрамова И.А., 2011, Лексикографическая компетенция в структуре лингвистического образования, *Вестник социально-гуманитарного образования и науки*, 1, с. 82–86.

Азаров А.А., 2002, *Русско-английский словарь религиозной лексики (с толкованиями)*. Москва: Руссо.

Ангелова М.М., 2004, «Концепт» в современной лингвокультурологии. In: *Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: Сборник научных трудов*. Выпуск 3, Москва: МПГУ, с. 3–10.

Андреева О.С., 2004, *Семантико-стилистические особенности функционирования геортонимов в современном русском языке*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Волгоград.

Арнаутов Н.Б., 2009, Идеология «стахановского движения» в советской политической пропаганде (по материалам центральной периодической печати). In: *Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы*. Р.Е. Романов (отв. ред.). Новосибирск: Сибирское отделение РАН – Институт истории, с. 223–230.

Ассуирова Л.В., Хаймович Л.В., 2017, Обучение русскому языку как неродному на основе концептов. In: *Материалы всероссийской научно-практической конференции «Русский язык в диалоге культур»*. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, с. 96–105.

Ахманова О.С., 2016, *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Либроком.

Багана Ж., Блажевич Ю.С., 2011, Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на примере русского и португальского языков), *Вестник ИГЛУ*, с. 10–15.

Бажид Р.С., 2013, *Лексика из сфере православне духовности у српском језику и њена лексикографска обрада*. Докторска дисертација. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду.

Балакай А.А., 2021, Наивные представления о лексикографии и формирование лексикографической компетенции на занятиях по русскому языку и культуре речи в техническом вузе. In: *Язык. Культура. Этнос*. Новокузнецк–Красноярск: Кемеровский государственный университет, с. 307–316.

Банькова Н.В., 2011, Этимология и значение лексем «искусство»/'art', *Вестник Московского государственного областного университета*, 4, с. 34–41.

Баско Н.В., 2011, *Русские фразеологизмы в ситуациях: учебное пособие по русской фразеологии и развитию речи*. Москва: Русский язык. Курсы.

Белая лавра, 2022. Режим доступа: <https://lavra.by/vozrozhdenie-obiteli/istoriya/prepodobnyu-elisey-lavricheskiy/kratkaya-istoriya-svyato-eliseevskogo> [цит. 2022-05-08].

Белая Н.С., 2013, Компетентностный подход как объект исследования отечественных и зарубежных учёных, *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 6 (56), с. 166–170.

Берков В.П., 1996, *Двуязычная лексикография*. Санкт-Петербург: СПУ.

Бим И.Л., 2007, Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам. In: *Компетенции в образовании: опыт проектирования*. Москва: ИНЭК, с. 156–163.

Богоявленская Ю.В., 2013, *Проблема типологии концептов в современной лингвистике* Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tipologii-kontseptov-v-sovremennoy-lingvistike-1/viewer> [цит. 2023-01-07].

Бодуэн де Куртенэ И.А., 1963, Обозрение славянского языкового мира в связи с другими ариоевропейскими (индогерманскими) языками. In: *Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1*. И.А. Бодуэн де Куртенэ. Москва: Академия наук СССР, с. 127–138.

Большая российская энциклопедия. Режим доступа: https://bigenc.ru/world_history/text/2093804 [цит. 2022-09-01].

- Бранднер А.**, 1997, Функционирование непервообразных предлогов в текстах коммерческого характера. In: *Rossica Ostraviensia. Lingua rossica in sphaera mercaturae 1997*, К. Lepilová. Ostrava: Ostravská univerzita, с. 9–12.
- Бранднер А.**, 2001, Неизменяемые прилагательные иноязычного происхождения в современном русском языке, *Sborník prací FF Brněnské univerzity*, 50A/49, с. 107–118.
- Брудный А.А.**, 2005, *Психологическая герменевтика*. Москва: Лабиринт.
- Бугаева И.В.**, 2007, *Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ*. Москва: ФГОУ ВПО РГАУ МСХА им. К.А. Тимирязева.
- Буцева Т.Н. (ред.)**, 2014, *Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. Т. 3. (НСЗ)*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Валгина Н.С.**, 2003, *Активные процессы в современном русском языке*. Москва: Логос.
- Валенцова М.М.**, 1996, *Терминология календарной обрядности чехов и словаков*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Москва.
- Васильева Н.В.**, 2009, *Собственное имя в мире текста*. Москва: Либроком.
- Вежбицкая А.**, 2001, *Понимание культур через посредство ключевых слов*. Москва: Языки славянской культуры.
- Вербицкий А.А.**, 2004, *Компетентностный подход и теория контекстного обучения*. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.**, 2014, *Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции*. Москва, Берлин: Директ-Медиа.
- Викисловарь**. Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/арт> [цит. август 2022].
- Виноградов В.В.**, 1947, *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Учпедгиз.
- Виноградов В.В.**, 1977, *Лексикология и лексикография: избранные труды*. Москва: Наука.

Воборжил Л., 1997, К проблематике русских отглагольных предлогов при обучении русистов-бакалавров. In: *Rossica Ostraviensia. Lingua rossica in sphaera mercaturae 1997*, К. Lepilová. Ostrava: Ostravská univerzita, с. 21–23.

Вольпер И.Н., 1965, *Псевдонимы В.И. Ленина*. Ленинград: Лениздат.

Воркачѳв С.Г., 2014, Лигвокультурная концептология и её терминосистема (продолжение дискуссии). *Политическая лингвистика*. 3 (49), Екатеринбург: УрГПУ, с. 12–20.

Воробѳѳв В.В., 2008, *Лингвокультурология*. Москва: Издательство Российского Университета дружбы народов.

Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., 2013, *Русские предлоги и средства предложного типа*. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Москва: URSS.

Вся Норвегия на русском. Режим доступа: <http://www.norge.ru/joel/> [цит. 2022-09-01].

Выготский Л.С., 2019, *Мышление и речь*. Москва: Национальное образование.

Гадомская Г.П., 2021, Польские и русские христианские эортонимы в переводческом и лексикографическом аспекте, *Общество. Коммуникация. Образование*, 2 (12), с. 107–118.

Гетьманенко Н., Розбоудова Л., 2023, *Концептный подход при обучении иностранным языкам*. Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta.

Головко Н.В., 2020, *Стилистика русского научного дискурса: учебное пособие*. Москва: Флинта.

Гусев И.М. и др., 2020, Подходы к оценке зрелости органического вещества в баженовском горизонте по данным сопоставления пиролитических параметров, литологии и стратиграфии разрезов. Юрская система России: проблемы стратиграфии и палеогеографии. In: *Материалы VIII Всероссийского совещания с международным участием*. Онлайн-конференция, 7–10 сентября 2020 г., с. 54–58. [В тексте ГусПод].

Гусейнова А.В., 2021, Церковные и народные названия православных праздников в хакасском языке, *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 4 (12). Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK421> [цит. 2022-10-04].

Дзюба О.С. и др., 2020, Новые данные по палеонтологии и стратиграфии средней юры Буреинского осадочного бассейна (Дальний Восток России). Юрская система России: проблемы стратиграфии и палеогеографии. In: *Материалы VIII Всероссийского совещания с международным участием*. Онлайн-конференция, 7–10 сентября 2020 г., с. 59–62. [В тексте ДзюНов].

Дидиченко О.В., 2016, *Роль и место лексикографических навыков в общей и специальной профессиональной подготовке лингвиста-преподавателя*. Режим доступа: <https://dmee.ru/docs/100/index-30281.html> [цит. 2022-11-25].

Дубичинский В.В., 1998, *Теоретическая и практическая лексикография*. Вена–Харьков: Wiener Slavistischer Almanacs, Харьковское лексикографическое общество.

Дубичинский В.В., 2008, *Лексикография русского языка: учебное пособие*. Москва: Наука: Флинта.

Ермолова В.С., 2018, Проблемы развития теории компетентностного подхода в ведущих странах Западной Европы, *Человек и образование*, 4 (57), с. 192–195.

Жажа С., 1996, Конструкции с первичными предлогами в текстах коммерческого и подобного характера. In: *Rossica Ostraviensia. Lingua rossica in sphaera mercaturae 1996*, К. Lepilová. Ostrava: Ostravská univerzita, с. 25–31.

Жданова И.Ф., Браслова И.Н., Васильева Н.П., 1991, *Русско-английский внешнеторговый и внешнеэкономический словарь*. Москва: Русский язык.

Жуковская Е.А., Шпиндлер А.А., 2020, Эволюция речных систем нижней–средней юры Западной Сибири. Юрская система России: проблемы стратиграфии и палеогеографии. In: *Материалы VIII Всероссийского совещания с международным участием*. Онлайн-конференция, 7–10 сентября 2020 г., с. 63–66. [В тексте ЖукЭво].

Завальнюк У.М., Раманцэвіч В.К., 2017, *Слоўнік асабовых уласных імён*. Мінск: «Народная асвета».

Загорак А., 2020, К некоторым дидактическим аспектам преподавания перевода художественного текста, *Проблемы современного образования*, 5 (11), с. 180–188.

Закирова А.Ф., 2011, *Основы педагогической герменевтики. Авторский курс лекций*. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета.

Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В., 2008, *Новый словарь иностранных слов*. Москва: ООО Издательский центр «Азбуковник».

Зеер Э.Ф., 2005, Компетентностный подход к образованию, *Образование и наука*, 3 (33), с. 27–40.

Земская Е.А., 2014, *Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь*. Москва: Флинта.

Зимняя И.А., 1985, *Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке*. Москва: Просвещение.

Зимняя И.А., 2006, Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования, *Интернет-журнал «Эйдос»*. Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm> [цит. 2022-9-24].

Иванов В.В., 1987, *Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 томах. Т.1: А–К*. С.А. Токарев (гл. ред.). Москва: Советская энциклопедия, 1987., с. 468–471.

Игнатьева О.П., 2006, *Лингводидактическая теория ошибки и пути преодоления ошибок в речи иностранных учащихся*. Диссертация кандидата педагогических наук. Москва.

Ильина В.С., 2021, Формирование лексикографической культуры обучающихся. In: *XIX Масловские чтения*. Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, с. 262–265.

Исаева Н.В., 2017, Организация лексикографической работы на занятиях по русскому языку и культуре речи со студентами негуманитарных специальностей, *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*, 4 (11), с. 39–48.

Какзанова Е.М., 2015, *Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: Название и происхождение. От А до Z*. Москва: Галлея-Принт.

Какзанова Е.М., 2015а, *Имя собственное в термине*. Москва: Галлея-Принт.

Калечиц А., 2022, *Основы лексикологии и лексикографии: учебное пособие по русскому языку для словацких студентов*. Нитра: Философский факультет Университета им. Константина Философа в Нитре.

Калечиц, А. и кол., 2022, *Русско-словацко-английский объяснительный словарь по межкультурной коммуникации*. Нитра: Философский факультет Университета им. Константина Философа в Нитре.

- Канакина Г.И.**, 2009, Компетентностная модель подготовки учителя русского языка, *Известия Пензенского государственного университета им. В.Г. Белинского*, 11, с. 35–37.
- Караулов Ю.Н. (ред.)**, 2003, *Русский язык: Энциклопедия*. Москва: Большая Российская энциклопедия (РЯЭ).
- Катлинская Л.П.**, 2008, *Толковый словарь новых слов и значений русского языка*. Москва: Астрель.
- Кеснер Й., Лингартова В., Зоубкова П.**, 2011, О неизменяемом препозитивном определении в русском и чешском языках, *Новая русистика / Nová rusistika*, 1 (4), с. 51–65.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.П., Салимовский В.А.**, 2011, *Стилистика русского языка. Учебное пособие*. Москва: Флинта. Режим доступа <https://klex.ru/nna> [цит. 2022-08-25].
- Козырев В.А., Черняк В.Д.**, 2014, Современные ориентации отечественной лексикографии, *Вопросы лексикографии*, 1 (5), с. 5–15.
- Комиссаров В.Н.**, 1973, *Слово о переводе*. Москва: Международные отношения.
- Кончаревич К.**, 2011, *Руски језик у теологији: обликовање теолошког текста, техника превођења*. Београд: Православни богословски факултет, Институт за теолошка истраживања.
- Коряковцева Н.Ф.**, 2016, Современная парадигма профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе, *Вестник МГЛУ*, 14 (753), с. 9–21.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.**, 2001, *Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений за русским словоупотреблением конца XX века*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- Костомаров В.Г., Максимов В.И. (ред.)**, 2003, *Современный русский литературный язык*. (СРЛЯ) Москва: Гардарики.
- Красных В.В.**, 2002, *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*. Москва: Гнозис.
- Кривоносова Л.Н.**, 2012, Формирование лексикографической грамотности как условие развития речевой культуры, *Международный журнал экспериментального образования*, 4 (2), с. 118–120.

Крысин Л.П., 2020, *Современный словарь иностранных слов*. Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА.

Крючкова Л.С., Мощинская Н.В., 2009, *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному*. Москва: Флинта.

Кузнецов С.А. (ред.), 2000, *Большой толковый словарь русского языка*. (БТС). Санкт-Петербург: Норинт.

Кузьмина Н.А., Абросимова Е.А., 2015, *Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени*. Москва: Флинта: Наука.

Купина Н.А., Михайлова Ю.Н., 2004, Религиозная лексика и её отражение толковыми словарями русского языка. In: *Русский язык сегодня. Выпуск 3: Проблемы русской лексикографии*. Л.П. Крысин (отв. ред.) Москва: ИРЯ, с. 58–60.

Лариохина Н.М., 1979, *Вопросы синтаксиса научного стиля речи: (Анализ некоторых структур простого предложения)*. Москва: Русский язык.

Ларссон Ю., 2008, Использование системы концептов в обучении РКИ, *Русский язык за рубежом*, 3, с. 25–23.

Лейчик В.М., 2011, Обсуждение проблем эпонимии в современной науке. In: *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы Международной научно-практической Интернет-конференции*. В.Ю. Меликян (отв. ред.). Ростов-на-Дону: Росиздат, с. 134–142. Режим доступа: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw1> [цит. 2023-01-20].

Леонтьев А.А., 1969, *Язык. Речь. Речевая деятельность*. Москва: Просвещение.

Лилич Г.А., 1982, *Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.

Лихачёв Д.С., 1999, Концептосфера русского языка. In: *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Очерки по философии художественного творчества*. В.П. Нерознака (ред.). Санкт-Петербург: Блиц, с. 280–287.

Лобашкова С.Г., Игнатьева М.В., 1997, *Бизнес-курс для деловых людей. (Внешнеэкономическая деятельность)*. Учебник русского языка. Москва: ИКАР.

Лобель Т., 2014, *Тёплая чашка в холодный день*. Москва: Atria books.

Лопатин В.В., Иванова О.Е. (ред.), 2015, *Русский орфографический словарь*. Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА.

Максимов В.И., 2004, *Русский язык и культура речи: Учебник*. Москва: Гардарики.

Маринова Е.В., 2010, Вопрос об аналитических прилагательных в отечественной и зарубежной лингвистике, *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 4 (2), с. 628–630.

Маринова Е.В., 2022, Язык IT-сферы как зеркало цифровой революции. In: *Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Выпуск 7*. Санкт-Петербург: РОПРЯЛ, с. 234–239.

Мартин Т., 2022, *Глоссарий юридической терминологии (русско-английский)*. Litres. Режим доступа: https://books.google.sk/books?id=H3ZgEAAAQBAJ&hl=ru&source=gbs_book_other_versions [цит. 2022-11-20].

Маслова В.А., 2001, *Лингвокультурология*. Москва: Издательский центр Академия.

Маслова В.А., 2004, *Когнитивная лингвистика: Учебное пособие*. Минск: ТетраСистемс.

Матезиус В., 2003-1, О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка). In: *Избранные труды по языкознанию: Перевод с чешского и английского*. В. Матезиус (ред.). Москва: Едиториал УРСС, с. 31–39.

Матезиус В., 2003-2, О системном грамматическом анализе. In: *Избранные труды по языкознанию: Перевод с чешского и английского*. В. Матезиус (ред.). Москва: Едиториал УРСС, с. 148–160.

Мечковская Н.Б., 2001, *Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков*. Москва: Флинта: Наука.

Михайлова Ю.Н., 2004, *Религиозная православная лексика и её судьба (По данным толковых словарей русского языка)*. Диссертация кандидата филологических наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького.

Мишати́на Н.Л., 2018, Методическая лингвоконцептология: современное состояние и вектор развития, *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 3 (31), с. 16–25.

Мишати́на Н.Л., Цыбу́лько И.П., 2016, *Антропологическая лингвометодика. В поисках смысла, содержания и оценивания*. Москва: Национальное образование.

Мишенева Ю.И., 2014, Компетентностный подход в обучении иностранным языкам. In: *Концепт. Спецвыпуск № 08*. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/14600.htm> [цит. 2022-9-21].

Морковкин В.В. (ред.), 2003, *Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы*. Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ».

Морковкин В.В. (ред.), 2016, *Большой универсальный словарь русского языка*. Москва: Словари XXI века / АСТ-ПРЕСС ШКОЛА.

Морковкин В.В., 1990, *Основы теории учебной лексикографии*. Диссертация доктора филологических наук в форме научного доклада. Москва: Институт русского языка им. А.С. Пушкина.

Морковкин В.В., Кочнева Е.М., 1992, Ориентация на пользователя как доминанта учебной лексикографии. In: *Eurelexs '92-Proceedings I–II*. Tomola H., Salmi-Tolonen T. (ред.). Тампере, с. 81–87.

Мразек Р., 1990, *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения*. Брно: Университет Й.Е. Пуркыне.

Назарова В.М., Гатовский Ю.А., 2019, «Конодонтовый жемчуг» из девонских отложений в европейской части России. *Вестник Московского Университета, сер. 4. ГЕОЛОГИЯ*. 6. с. 35–42. [В тексте НазКон].

***Народные сказки. Иванушка-дурачок*. Режим доступа: <http://skazkoved.ru/index.php?fid=1&sid=1&tid=39> [цит. 2022-05-08].**

***Народные сказки. Иван-царевич и серый волк*. Режим доступа: <http://skazkoved.ru/index.php?fid=1&sid=1&tid=36> [цит. 2022-05-08].**

***Настольная книга священнослужителя. Русская православная церковь*, 2001. Москва: Издательство Московской патриархии.**

***Национальный корпус русского языка*. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> [цит. август 2022].**

Нерознак В.П., Ханичев Р.З., 2002, Апеллонимика: между именем собственным и именем нарицательным. In: *Вавилонская башня: Слово. Текст*.

Культура. Ежегодные международные Чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого 2001. «Евразия на перекрестке языков и культур». Москва: МГЛУ, с. 180–182.

Нещименко Г.П., 1983, О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования. In: *Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками.* Москва: МГУ, с. 30–51.

Никитина Т.Г., 2014, Лексикографическая компетенция учителя русского языка как иностранного и возможности ее формирования на материале художественного текста, *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2 (32), с. 139–141.

Новинская Н.В., 2004, Структурно-грамматическая характеристика терминов-эпонимов, *Вестник Астраханского государственного технического университета*, 3, с. 284–290. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-grammaticheskaya-harakteristika-terminov-eponimov> [цит. 2023-01-22].

Новоженова З.Л., 2016, *Русское глагольное предложение: Структура и семантика.* Москва: ЛЕНАНД.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., 2017, *Толковый словарь русского языка.* Москва: А ТЕМП.

Осінчук Ю.В., 2009, *Історія української богослужбово-обрядової лексики.* Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго.

Панов М.В. (ред.), 1968, *Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.* Москва: Наука.

Панов М.В., 1971, Об аналитических прилагательных. In: *Фонетика. Фонология. Грамматика.* М.В. Панов (ред.). Москва: Наука, с. 240–253.

Панов М.В., 1999, *Позиционная морфология русского языка.* Москва: Языки славянской культуры.

Панова, Г.И., 2010, *Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник.* Москва: КомКнига.

Пассов Е.И., 1989, *Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению.* Москва: Русский язык.

Петрикова А., 2020, Церковный календарь как жанр религиозной сферы общения (на материале издательской деятельности монашеского братства преподобного Иова Почаевского в 1923–1944 гг. в Словакии, *Stylistyka*, 24, s. 251–269.

Петровић С.Р., 2022, *Лексика из сфере православне духовности у савременом руском и српском језику: лексичко-семантички, лексикографски и лингвокултуролошки аспекти*. Докторска дисертација. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду.

Петровский Н.А., 1966, *Словарь русских личных имён. Около 2600 имён*. Москва: Советская энциклопедия.

Петрушова О.Л., 2009, *Учебные словари в межкультурной коммуникации*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.

Піддубна Н., 2019, *Теорія теолінгвістики: феномен біблійності в українській лінгвокультурі та омовлення релігійної картини світу (аналіз дискурсивної практики ХІХ ст.)*. Харків: Майдан.

Плужников В.И., 2011, *Термины российского архитектурного наследия. Архитектурный словарь*. Москва: Искусство ХХІ век.

Подольская Н.В., 1978, *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука.

Подольская Н.В., 1988, *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука.

Полякова Ю.Ю., 2009, Эортологическая лексика в словарях русского и польского языков ХХ века, *Культура народов Причерноморья*, 159, с. 115–118.

Попова З.Д., Стернин И.А., 2005, *Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку. Антология концептов. Т. 1*. Волгоград: Парадигма.

Попова З.Д., Стернин И.А., 2007, *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж: Истоки.

Прохватилова О.А., 1999, *Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи*. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета.

Рахманкулова С.Е., 2018, *Языковая интерференция и изучение иностранного языка*. Москва: Русайнс.

Розбодова Л., Конечны Я., 2021, *Современная дидактика русского языка как второго иностранного. Избранные аспекты обучения русскому языку в чешской образовательной среде*. Прага: Karolinum.

Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А., 2004, *Современный русский язык*. Москва: Айрис-пресс.

Романова С.В., 2013, *Русский язык для делового общения. Пособие для изучающих русский язык как иностранный С1*. Москва: Русский язык. Курсы.

Русская народная сказка Сивка-Бурка, 2007. Режим доступа: <http://hyaenidae.narod.ru/story3/102.html> [цит. 2022-09-04].

Рылов С.А., 2020, Современные тенденции изменения в русском синтаксисе на фоне чешского синтаксиса, *Rossica Olomucensia. Časopis pro ruskou a slovanskou filologie*, 1 (59), с. 41–56.

Савина С.С., 2011, Особенности лексической интерференции при контакте французского и русского языков, *Вестник ПСТГУ*, 3, с. 53–59.

Селищев А.М., 1928, *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних десятилетий (1917–1926)*. Москва: Работник просвещения.

Семенов Е.Н., 2015, Культура работы учителя с текстом научной коммуникации, *Scientific Journal 'ScienceRise'*, 10/5 (15), с. 25–29.

Семенов О., 2008, Лексикографічна компетенція як показник мовної культури особистості, *Українська література в загальноосвітній школі*, 2, с. 41–44.

Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях, 2022. Режим доступа: <https://russkaja-skazka.ru/skazka-o-mertvoy-carevne-i-o-semi-bogatyiryah/> [цит. 2022-05-08].

Сказка о царе Салтане, 2022. Режим доступа: <https://deti-online.com/skazki/skazki-pushkina/skazka-o-care-saltane/> [цит. 2022-05-08].

Скворцов Л.И., 2020, *Большой толково-объяснительный словарь русского языка. Том I: А–М*. Москва: Мир и Образование.

Скляревская Г.Н. (ред.), 2006, *Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика*. (АЛ). Москва: Эксмо.

Скляревская Г.Н., 2018, О статусе религиозного языка в современном русском языке. In: *Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах*. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова (отв. ред.). Москва: Гнозис, с. 84–92.

Скляревская, Г.Н., 2012, Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания, *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 9 (11), с. 36–40.

Скопина М.А., 1981, Об одном существенном типологическом признаке учебного словаря. In: *Теоретические основы разработки словарей учебного типа*. Н.М. Шанский, Е.А. Быстрова (ред.). Москва: НИИОП АПН СССР.

Справочно-информационный портал Грамота.ру. Режим доступа: <http://gramota.ru> [цит. 2022-08-02].

Старичёнок В.Д., 2008, *Большой лингвистический словарь*. Ростов-на-Дону: Феникс.

Степанов Ю.С., 2004, *Константы: Словарь русской культуры*. Москва: Академический проект.

Стефаненко Т.Г., 2009, *Этнопсихология*. Москва: Аспект Пресс, 2009.

Суперанская А.В., 2007, *Общая теория имени собственного*. Москва: Наука.

Суперанская А.В., 2012, *Общая теория имени собственного*. Москва: Либроком.

Супрун В.И., 2000, *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал*. Волгоград: Перемена.

Тарланов З.К., 2018, *Синтаксис русского языка: университетский курс*. Москва: Юрайт.

Татарникова О.Н., 2015, Антропоним Иван как объект лингвокультурологического анализа волшебных и новеллистических сказок, *Мир русского слова*, 4, с. 38–42.

Терентьева Е.Ю., 2012, *Народные названия церковных праздников в русской и болгарской православной традиции*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Москва.

Тимофеев К.А., 2001, *Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения*. Новосибирск: НГУ.

Тимошенко Л.О., 2012, К вопросу о названии словаря лексических соответствий, *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 3 (5), с. 113–117.

Тихонов А.Н., 1985, *Словообразовательный словарь русского языка. Том I: А–П*. Москва: Русский язык.

Тихонов А.Н., 2003, *Словообразовательный словарь русского языка: в 2 томах*. Москва: Астрель: АСТ.

Тихонов А.Н., Хашимов Р.И. (общ. ред.), 2008, *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 томах*. Москва: Флинта.

Толстой А., 1946, *Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что*. Русская народная сказка в обработке А. Толстого. Москва–Ленинград: ДЕТГИЗ.

Трушина Л.Б., Журавлёва Л.С., Калиновская М.М., Иванова Л.А., 1996, *Бизнес-контакт. Тесты по русскому языку как иностранному для делового общения*. Москва: Омен.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ [цит. 2022-11-20].

Улуханов И., Хебеккер Х., Беленчиков В., Беленчикова Р., 2007, *Русско-немецкий словарь новых слов*. Москва: Издательский центр «Азбуковник».

Фасмер М., 1950–1958, *Этимологический онлайн-словарь русского языка*. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/и/искусство> [цит. 2022-08-10].

Федюкина Е.В., 2008, Специфика лингвокультурной среды польского православия, *Вестник славянских культур. Научный журнал на тему: Психологические науки, история и археология, Языкознание и литературоведение, Философия, этика, религиоведение, Искусствоведение*, 3–4 (10), с. 41–55.

Флидрова Г., 1998, Вводные слова в научном стиле в русском языке в сопоставлении с чешским. In: *Porovnávací opis statiky a dynamiky súčasného ruského jazyka z teoretického a praktického hľadiska. Zborník materiálov z medzinárodnej konferencie*. Katedra RJ a L FF Univerzity J. A. Komenského. Bratislava, с. 169–173.

Хамраева Е.А., 2022, *Нейролингводидактика в сфере речевого развития и билингвизма*. Москва. Режим доступа: <http://mpgu.su/obmpgu/struktura/faculties/institut-filologii-i-inostrannyih-yazykov/magistratura/nejrolingvodidaktika-v-sfere-rechevogo-razvitija-i-bilingvizma-44-04-01-pedagogicheskoe-obrazovanie/> [цит. 2023-01-09].

Хилова Х.К., 2007, К происхождению названий некоторых выбранных праздников и праздничных периодов в чешском языке. In: *У чистого источника родного языка. Сборник научных статей к 60-летию проф. В.И. Супруна*. Е.В. Брысина (ред.). Волгоград: Перемена, с. 239–247.

Хуснутдинов А.А., 2005. Лексикография от альфы до омеги: проект Омега. In: *Языковое образование в России: прошлое, настоящее, будущее*. Режим доступа: http://www.isuct.ru/konf/hum2005/lang_edu_rus_2005.htm#Leksikography_Khusnutdinov [цит. 2022-08-15].

Хуторской А.В., 2002, Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования. In: *Ученик в обновляющейся школе*. Ю.И. Дик, А.В. Хуторский (ред.). Москва: ИОСО РАО, с.135–157.

Цухишвили С.Д., 2010, *Славянская межъязыковая омонимия*. Диссертация доктора филологических наук. Тбилиси.

Чапаева Л.Г., 2010, Идеологический дискурс 1830–1840-х годов: явные и скрытые смыслы лингвоидеологем, *Вестник МГЛУ*, 22 (601), с. 9–18.

Черкасова Е.Т., 1965, *Переход полнозначных слов в предлоги*. Москва: Наука.

Чернышев В.И. (ред.), 1959, *Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Т. 17*. (БАС). Москва; Ленинград.: Издательство АН СССР.

Чернышов С.В., 2016, Лингвоконцептодидактика как перспективное направление современных лингводидактических исследований, *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, с. 130–135.

Чернышова Л.И., 2010, Зарубежный опыт развития компетентностного подхода, *Креативная экономика*, 1, с. 61–68.

Черняк В.Д., 2020, Формирование лексикографической компетенции студента-филолога в контексте новейших направлений современной лексикографии, *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 1 (26), doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1(26).16. Режим доступа: <https://portal.novsu.ru/file/1586750> [цит. 2022-9-14].

Чеснокова П., 2012, *Лингвокультурологические особенности чешских и русских названий праздников*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Волгоград.

Шагалова Е.Н., 2017, *Словарь новейших иностранных слов*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.

Шведова Н.Ю. (гл. ред.), 1980, *Русская грамматика*. (РГ-80). Москва: Наука.

Шведова Н.Ю. (гл. ред.), 1980, *Русская грамматика. Том II. Синтаксис*. Москва: Наука.

Шведова Н.Ю., Лопатина В.В. (ред.), 1989, *Краткая русская грамматика*. Москва: Русский язык.

Шерстобитова И.А., 2016, Концепт в методике преподавания русского языка как иностранного, *Педагогическое образование в России*, 11, с. 114–119.

Шигуров В.В., 2016, Трактовка вводно-модальных слов адъективного и наречного происхождения в исследованиях академика В.В. Виноградова, *Международный журнал экспериментального образования*. 1 (11), с. 60–63. Режим доступа: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=10693> [цит. 2022-11-02].

Щерба Л.В., 1974, *Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики*. Москва: Высшая школа.

Щерба Л.В., 1974, *Языковая система и речевая деятельность*. Москва: Наука.

Щербакова Н.Н., 2015, Лексикографическая культура и проблемы её формирования. In: *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Выпуск 15, т. 7*. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, с. 212–215.

Щукин А.Н., 2010, *Обучение иностранным языкам. Теория и практика: учебное пособие для преподавателей и студентов*. Москва: Филоматис: Омега-Л.

Юдина Н.В., 2010, *Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?* Москва: Гнозис.

Ярцева В.Н. (ред.), 1990, *Лингвистический энциклопедический словарь*. (ЛЭС). Москва: Советская энциклопедия.

Алфавитный список литературы и электронных источников (источники, записанные латиницей)

- Adamec P., Hrabě V., Jiráček J., Miloslavskij I. G., Žaža S., 1999, *Morfologie ruštiny II*. Brno: MU.**
- Afanasjev A. N., 2010, *Ruské pohádky*. Praha: Balt-East.**
- Anderš J., 2003, K typologickému studiu slovanské věty: základ srovnání. In: *Česká slavistika 2003: české přednášky pro XIII. mezinárodní kongres slavistů*. Pospíšil J.–Zelenka M. (eds.). Praha: Academia, s. 17–25.**
- Bayerová N., 2006, Zevrubná charakteristika církevního kalendária, a to částečně i se zřetelem ke komunikaci, *Acta onomastica*, 47, s. 77–82.**
- Bečka J. V., 1992, *Česká stylistika*. Praha: Academia.**
- Bejoint H., 1989, The Teaching of Dictionary Use: Present State and Future Tasks. In: *W. D.D.*, V. 1, p. 208–214.**
- Bendl S., Voňková H., Zvírotsky M., 2013, *Boloňský proces a jeho dopady na strukturovaná studia učitelství*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Pedagogická fakulta.**
- Bláha O. et al., 2016, *Lexikální rusismy v současné češtině*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.**
- Brennen S., Kreiss D., *Digitalization and Digitization – Culture Digitally*. Dostupný z: <http://culturedigitally.org/2014/09/digitalization-and-digitization/> [цит. 2022-12-11].**
- Cvrček V., Richterová O. (eds.), 2021, cnk:pojmy:ipm. *Příručka ČNK*. Dostupné z: pojmy:ipm - Příručka ČNK (korpus.cz) [cit. 2022-10-29].**
- Cvrček V., Richterová O. (eds.), 2022, cnk:syn:2000. *Příručka ČNK*. Dostupné z: cnk:syn2000 - Příručka ČNK (korpus.cz) [cit. 2022-10-29].**
- Cvrček V., Richterová O. (eds.), 2022, cnk:syn:verze8. *Příručka ČNK*. Dostupné z: cnk:syn:verze8 - Příručka ČNK (korpus.cz) [cit. 2022-10-29].**
- Česko-Slovenska filmová databáze, 2022. Dostupný z: <https://www.csfd.cz/film/42551-pohadka-o-caru-saltanovi/prehled/> [cit. 2022-05-08].**

- Čmejrková S., Daneš F., Světlá S.**, 1999, *Jak napsat odborný text*. Praha: Leda.
- Dereń B.**, 2005, *Pochodne nazw własnych w słowniku i tekście*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Doulík P., Orlová N., Škoda J.**, 2013, *Analýza vysokoškolské přípravy učitelů cizích jazyků*. Ústí nad Labem: ÚJEP.
- Dubisz S. (red.)**, 2003, *Uniwersalny słownik języka polskiego (USJP)*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Ďurčo P. et al.**, 2007, *Bezpečnostnoprávna terminológia*. Bratislava: Akadémia PZ. In: Slovenská terminologická databáza Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra Slovenskej akadémie vied. Dostupný cez: https://terminologickyportal.sk/wiki/Hlavn%C3%A1_str%C3%A1nka [cit. 2022-11-20].
- Faltýnek D.**, 2017, *Co je nového v lingvistice*. Praha: Nová beseda, z. s.
- Fediukina H.**, 2014, *Leksykon terminologii prawosławnej rosyjsko-polski*. Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna.
- Flídrová H.**, 2008, К синтаксису научной и разговорной речи русского и чешского языков. In: *Česká slavistika 2008*. I. Pospíšil, M. Zelenka (eds.). Brno–Praha, s. 67–75.
- Flídrová H., Žaža S.**, 2005, *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- Flídrová H., Žaža S.**, 2013, *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Tribun EU.
- Gajda S.**, 1990, O tytułach tekstów. Wprowadzenie do problematyki, *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu, Filologia Polska*, 29, Opole, s. 141–148.
- Gregorová R. a kol.**, 2020, Faunistické společenstvo kroměřížského souvrství na lokalitě Litenčice (karpatská předhlubeň, střední Morava), *Geologické výzkumy na Moravě a ve Slezsku*, 1–2 (27), s. 45–53. Brno: 2020. [V textu GreFau].
- Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I.**, 1989–1990, Z zagadnień leksyki religijnej w słownikach rosyjsko-polskich i polsko-rosyjskich, *Roczniki humanistyczne*, 7 (37–38), s. 107–116.
- Hammerly, H.**, 1985, Anintegrated theory of language teaching and its practical consequences. In: *Second Language Publications*. Blaine, Washington. and Burnaby, B.C., *Canadian Modern Language Review*, 4 (42), p. 888–889.

- Hartmann R. R. K., Janes G.**, 2002, *Dictionary of Lexicography*. London and New York: Routledge.
- Havránek B. (ed.)**, 1960–1971, *Slovník spisovného jazyka českého*. Praha: Středisko společných činností AV ČR.
- Hoffmannová J.**, 1983, *Sémantické a pragmatické aspekty koherence textu*. Praha: Ústav pro jazyk český ČSAV.
- Hoffmannová J.**, 1997, *Stylistika a ...* Praha: Trizonia.
- Hrmo R., Turek I.**, 2003b, *Klíčové kompetencie I*. Bratislava: STU.
- Hrmo R., Turek I.**, 2003a, *Návrh systému klíčových kompetencií*. Dostupné z: http://www.mtf.stuba.sk/docs/internetovy_casopis/2003/2/hrmo2.pdf [cit. 2022-10-14].
- Choděra R.**, 2013, *Didaktika cizích jazyků*. Uvod do vědního oboru. Praha: Akademia.
- Chomsky N.**, 2008, *Language and Mind*. New York: Cambridge University Press.
- Jakubovská V., Jakubovská K.**, 2017, *Rozvíjanie interkultúrnych kompetencií*. Boskovice: Albert.
- Jakubovská V., Jonášková G., Predanociová L.**, 2016, *Učiteľ a jeho kompetencie*. Boskovice: Albert.
- Janík T., Spilková V., Píšová M.**, 2014, Standard a kariérní systém učitele: problémy předložené koncepcce v širších souvislostech, *Pedagogická orientace*, 2 (24), s. 259–274.
- Karlík P.**, 2017, Vsuvka. In: *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová (eds.). Dostupný z: <https://www.czechency.org/slovník/VSUUVKA> [cit. 2022-08-04].
- Kartaslov.ru**. Dostupné z: <http://www.kartaslov.ru> [цит. 2022-08-20].
- Klemensiewicz Z.**, 1956, O różnych odmianach współczesnej polszczyzny. Przedruk. Pochodzenie polskiego języka literackiego, *Studia staropolskie*, 3, Wrocław, s. 178–241.
- Knappová M.**, 2020, *Jak se bude vaše dítě jmenovat?* Praha: Academia.
- Kopaliński W.**, 1996, *Słownik eponimów czyli wyrazów odimiennych*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

- Kramárová M.**, 2010, *Cudzojazyčná edukácia v kontexte rozvoja kľúčových kompetencií*. Trnava: Typi Universitatis Tyrnaviensis.
- Krejčířová I. et al.**, 2004, *Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů. 2. podstatně doplněné a opravené vydání*. Praha: Academia.
- Kroupová L.**, 1985, *Sekundární předložky v současné spisovné češtině*. Ostrava: Ústav pro jazyk český.
- Kubík M. et al.**, 1982, *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*. Praha: SPN.
- Lewicki R.**, 2002, *Христианство. Русско-польский словарь. Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski*, Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax.
- Lipiński K.**, 2002, *Mity przeladoznawstwa*, Krakow.
- Mareš J., Beneš J.**, 2013. Proměny studia učitelství na pedagogických fakultách v ČR v letech 2000–2012 dané boloňským procesem, *Pedagogika*, 4, s. 427–459.
- Mareš, J.**, 2013, Osobní reflexe událostí při zavádění strukturovaného studia učitelství, *Pedagogika*, 4, s. 460–484.
- Markunas A., Uczitiel T.**, 1999, *Leksykon chrześcijaństwa rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Martincová O. et al.**, 1998, *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*. Praha: Academia.
- Mejstřík V. a kol.**, 2016, *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. SSČ. Praha: Academia.
- Michek S., Spilková V.**, 2018, Pád kariérního systému pro pedagogické pracovníky – zkoumání příčin jeho nepřijetí v roce 2017. In: Transdisciplinarita v pedagogických vědách. XXVI. ročník konference České asociace pedagogického výzkumu, Zlín: Univerzita Tomáše Bati ve Zlíně, s. 193–194.
- Mirowicz A., Dulewiczowa I., Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I.**, 2004, *Wielki słownik rosyjsko-polski, t. 1–2*. Moskwa–Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Mrověcová L.**, 2007, *Obchodní ruština. Vše, co potřebujete pro rozvoj písemného a ústního projevu*. Brno: Computer Press.
- Mršić D.**, 2000, *Eponimski leksikon*. Zagreb: Matica hrvatska.
- Nedomová Z.**, 2013, *Tendence k analytismu v současné ruštině (na materiálu jmenných slovních druhů)*. Ostrava: Ostravská univerzita.

Ološtiak M., 2018, *Slovník slovenských eponým*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

Ološtiak M., 2021, Vlastné meno v kontexte nominačných vzťahov (prípady eponým), *Jazykovedný časopis*, 1, s. 80–100.

Orłóś T. Z., 1987, *Polonizmy w czeskim języku literackim*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.

Oxford learners dictionaries. Dostupné z: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/running-dog> [цит. 2022-09-01].

Perry D. M., Gabriele M., 2021, Did the Vikings Actually Torture Victims With the Brutal ‘Blood Eagle’?, *Smithsonian magazine*. Dostupné z: <https://www.smithsonianmag.com/history/did-the-vikings-actually-torture-victims-with-the-brutal-blood-eagle-180979148/> [цит. 2022-09-01].

Petriková A., Kuprina T., Gallo J., 2013, *Didaktika ruštiny I., II*. Prešov: FF PU.

Pišová M. et al., 2011, *Teorie a výzkum expertnosti v učitelství profesí*. Brno: Masarykova univerzita.

Pleskalová J., 2011, *Vývoj vlastních jmen osobních v českých zemích v letech 1000–2010*. Brno: Masarykova univerzita.

Pleskalová J., 2014, *Vlastní jména osobní v češtině*. Brno: Masarykova univerzita.

Pleskalová J., 2016, Eponym. In: *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. (eds). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, s. 436.

Pleskalová J., 2016a, Etnonymum. In: *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. (eds). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, s. 439.

Plesník L., 2019, *Typologická charakteristika tzv. analytických adjektiv (na příkladovém materiálu ruštiny, češtiny a polštiny)*. Ostrava: Ostravská univerzita.

Pongráčová J., Pokorný, R., 2021, Doklady herbivorních aktivit bezobratlých živočichů na lokalitě Kundratice – Jezuitská rokle v Českém středohoří (spodní oligocén, okres Litoměřice, Česká republika), *Czech Geological Survey*, 1 (54), s. 3–11. [V textu PonDok].

Rejzek J., 2015, *Český etymologický slovník*. Praha: LEDA.

Roblíčková M., Mrázek J., Plichta A., 2020, Jeskyně Feryho tajná a její fauna (Moravský kras, Česká republika), *Acta Musei Moraviae, Scientiae geologicae*, 2 (105), s. 251–275. [V textu RobJes].

Rudincová B., Vorel J., 2020, Ostravská rusistika (historie a současnost). In: *Proměny české slavistiky po roce 1989*. Šlaufová E., Skwarska K., Čermák V. (edd.). Praha: Slovanský ústav AV ČR, v.v.i., s. 301–312.

Ruferová J., 1994, K charakteristice předložky v reprezentacích doplnění k predikativně užitým adjektivům v současné ruštině. In: *Rossica Ostraviensia. Lingua rossica in sphaera mercaturae 1997*, K. Lepilová. Ostrava: Ostravská univerzita, s. 92–102.

Ruské národní pohádky, 1973, Praha: Albatros.

Rutkiewicz-Hanczewska M., 2013, *Genologia onimiczna. Nazwa w płaszczyźnie motywacyjno-komunikatywnej*, Poznań, s. 217.

Rygorowicz-Kuźma A., 2014, Terminologia prawosławna w rosyjsko-polskich słownikach ogólnych, *Acta Polono-Ruthenica*, 19, s. 261–271.

Rygorowicz-Kuźma A., 2015, Terminologia prawosławna w rosyjsko-polskich słownikach specjalistycznych, *Studia wschodniosłowiańskie*, XV, s. 403–414.

Rygorowicz-Kuźma A., 2021, *Leksyka pola semantycznego „duchowość” w słownikach opisowych języka rosyjskiego końca XX wieku*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.

Selwyn N., 2019, *What is Digital Sociology?* Cambridge UK: Polity Press.

Schulman L. S., 1987, Knowledge and teaching: Foundations of the new reform, *Harvard Educational Review*, 1 (57), s. 1–22.

Skalička V., 1951, *Typ češtiny*. Praha: Slovanské nakladatelství.

Spilková V., Tomková A. et al., 2010, *Kvalita učitele a profesní standard*. Praha: PedF UK.

Straková V., 1979–1980, Česko-ruský pohled na předložky. *Ruský jazyk*, 10, s. 450–465.

Stuchlíková I., 2013, Strukturované studium učitelství, ano či ne?, *Pedagogika*, 4, s. 423–426.

Suchánková K., 2018, Profesní standard a jeho role ve zkvalitňování učitelské profese, *Orbis scholae*, 3, s. 13–25.

Šmilauer V., 1971, *Novočeské tvoření slov*. Praha: SPN.

Švec V., 2007, Klíčové dimenze v pedagogické přípravě budoucích učitelů. In: *Svět výchovy a vzdělávání v reflexi současného pedagogického výzkumu. Sborník z mezinárodní konference ČAPV*. České Budějovice. Dostupný z: https://capv.cz/klicove-dimenze-v-pedagogicke-priprave-budoucich-ucitelu/?doing_wp_cron=1673868241.2503221035003662109375 [cit. 2023-01-16].

Tofiuk J. ks. m., Ławreszczuk M. ks., Makal P., Charkiewicz J. (red.), 2017, *Kalendarz Prawosławny 2018*. Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna.

Tolstoj A. N., 1953, *Ruské národní pohádky*. Praha. SNDK.

Tomková A., 2012, Rámec profesních kvalit. In: *Kvalita ve vzdělávání. XX. Výchovná konference České asociace pedagogického výzkumu*, Praha: Univerzita Karlova v Praze, Pedagogická fakulta, s. 203–212.

Tomková A., Spilková V. et al., 2012. *Rámec profesních kvalit učitele*. Praha: Národní ústav pro vzdělávání.

Vaňko J., 2004, Slovinsko-slovenská homonymia, *Slavia*, 1 (73), s. 59–70.

Vašutová J., 2004, *Profese učitele v českém vzdělávacím kontextu*. Brno: Paido.

Vikings Wiki. Dostupný z: <https://vikings.fandom.com/ru/wiki/wikingi> [cit. 2022-09-01].

Wawrzyńczyk J. (red.), 2004, *Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim*. Warszawa: PWN.

Wawrzyńczyk J., 1997, Wyrazy i zwroty związane z życiem religijnym w „wielkiej” leksykografii rosyjsko-polskiej, *Acta Polono-Ruthenica*, 2, s. 315–322.

Widel-Ignaszczak M., 2017, *Przekaz leksyki religijnej z języka polskiego na język rosyjski*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.

Wilkoń A., 2000, *Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny*. Katowice: Uniwersytet Śląski.

Witalisz A., 2016, *Przewodnik po anglicyzmach w języku polskim*. Kraków: Wydawnictwo JAK.

Withycombe E. G., 1946, *The Oxford dictionary of English Christian names*. Oxford: Oxford university press.

Wojtak M., 2019, *Do Boga..., o Bogu..., przed Bogiem... Gatunki przekazu religijnego w analizie filologicznej*, Tarnów: Wydawnictwo Biblos.

World history encyclopedia. Dostupný z: <https://www.worldhistory.org/Jormungandr/> [цит. 2022-09-01].

Именной указатель (запись кириллицей)

- Абдуллаева Ч.Б.: 42, 217
Абрамова И.А.: 166, 170, 217
Абросимова Е.А.: 224
Азаров А.А.: 119, 217, 226
Акуленко А.: 102
Ангелова М.М.: 177, 179, 217
Андерш Й.: 52
Андреева О.С.: 112, 217
Антипенко Л.А.: 26
Анфилов М.: 25
Арнаутов Н.В.: 81, 217
Ассуирова Л.В.: 179, 217
Ахманова О.С.: 75, 217
Багана Ж.: 107, 218
Байкова Л.И.: 26
Байић Р.С.: 218
Балакай А.А.: 169, 218
Балцар М.: 25, 26
Банькова Н.В.: 42, 218
Барикко А.: 35
Баско Н.В.: 178, 218
Бауэр Я.: 52
Белая Н.С.: 165, 218
Беленчиков В.: 231

Беленчикова Р.: 231
Белицова М.: 16
Белухина С.Н.: 26
Берков В.П.: 170, 218
Бечка Й.В.: 90, 91, 95
Бим И.Л.: 165, 218
Блага Й.: 14
Блажевич Ю.С.: 107, 218
Богоявленская Ю.В.: 181, 218
Бодуэн де Куртенэ И.А.: 52, 218
Борисова Л.: 102
Бранднер А.: 25, 26, 28, 66, 187, 219
Браслова И.Н.: 221
Брудный А.А.: 179, 219
Бугаева И.В.: 112, 219
Бурвикова Н.Д.: 178, 180, 223
Буцева Т.Н.: 219
Вавречка М.: 12, 17, 26, 28, 29
Валгина Н.С.: 64, 65, 219
Валенцова М.М.: 112, 219
Варданян О.: 26
Васильева Н.В.: 75, 219
Васильева Н.П.: 221
Вежбицкая А.: 180, 219
Вербицкий А.А.: 165, 219
Верещагин Е.М.: 178, 219
Вилимек В.: 13
Виноградов В.В.: 90, 91, 172, 189, 193, 194, 219, 293
Витковска-Левицка Ф.: 26

Воборжил Л.: 187, 220
Вольпер И.Н.: 82, 220
Вольская Н.: 13
Ворел Я.: 13
Воркачѐв С.Г.: 180, 220
Воробьѐв В.В.: 180, 220
Всеволодова М.В.: 220
Выготский Л.С.: 179, 220
Вязников П.: 102
Гадомская Г.П.: 111, 113, 212, 220
Гадушова З.: 29
Газда Й.: 27, 29
Гайда С.: 133
Гак В.: 102
Галло Я.: 81, 188
Гатовский Ю.А.: 226
Гетьманенко Н.: 177, 181, 182, 215, 220
Гньп А.: 133, 213
Головко Н.В.: 95, 220
Голуб И.Б.: 91, 229
Грдличка М.: 12, 17, 29
Гусев И.М.: 220
Гусейнова А.В.: 112, 220
Дерень Б.: 28
Дерокиньи Ж.: 102
Дзюба О.С.: 221
Дидиченко О.В.: 171, 173, 221
Дидковская Л.: 26
Долгополов Ю.: 102

Домбровский Т.: 199, 216
Дубичинский В.В.: 169, 170, 171, 173, 221
Дускаева Л.П.: 89, 93, 223
Елинек И.: 13
Ермолова В.С.: 165, 221
Жажа С.: 28, 29, 52, 91, 187, 221
Жданова И.Ф.: 221
Жижек С.: 35
Жуковская Е.А.: 221
Журавлёва Л.С.: 231
Завальнюк У.М.: 145, 148, 149, 221
Загорак А.: 102, 221
Закирова А.Ф.: 179, 221
Захаренко Е.Н.: 43, 222
Зеер Э.Ф.: 166, 167, 222
Земская Е.А.: 41, 222
Зидаро С.: 12
Зимек Р.: 11, 12, 25, 26, 28, 29
Зимняя И.А.: 165, 166, 222
Зосимова Д.: 16
Зоубкова П.: 64, 68, 223
Иванов В.В.: 139, 222
Иванова Л.А.: 231
Иванова О.Е.: 44, 225
Игнатъева М.В.: 224
Игнатъева О.П.: 108, 222
Ильина В.С.: 169, 222
Исаева Н.В.: 170, 222
Конопелько Б.: 26

Коростенски Й.: 26
Какзанова Е.М.: 76, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 222
Калечиц А.: 165, 167, 215, 222
Калиновская М.М.: 27, 231
Камынина А.А.: 189
Канакина Г.И.: 173, 223
Караулов Ю.Н.: 223
Карлик П.: 89
Катасонов В.Ю.: 34
Катлинская Л.П.: 223
Кеслер М.: 102
Кеснер Й.: 63, 68, 211, 223
Клобукова Л.П.: 26
Клименко Г.: 29, 34
Кожина М.Н.: 89, 93, 95, 223
Козакова В.: 29
Козлова Т.В.: 18, 19, 27
Козырёв В.А.: 170, 171
Комарова Л.Н.: 43, 222
Коменски Я.А.: 14, 22
Комиссаров В.Н.: 102, 223
Конечны Я.: 178, 229
Кононенко І.: 102
Кончаревић К.: 223
Копалиньски В.: 76
Коряковцева Н.Ф.: 165, 223
Костомаров В.Г.: 178, 180, 219, 223
Кочнева Е.М.: 171, 226
Краснов К.: 102

Красных В.В.: 223
Кривоносова Л.Н.: 170, 223
Крысин Л.П.: 43, 44, 224
Крючкова Л.С.: 188, 224
Кузнецов С.А.: 224
Кузьмина Н.А.: 224
Кукушкина О.В.: 220
Купина Н.А.: 112, 224
Куприна Т.: 188
Купцевич Е.: 13
Лаврова Н.В.: 26
Лариохина Н.М.: 224
Ларссон Ю.: 178, 179, 224
Ледницки В.: 14
Лейчик В.М.: 31, 76, 77, 224
Леңделова В.: 29
Ленин В.И.: 35, 82, 220
Леонтьев А.А.: 179, 224
Лепилова К.: 11, 12, 13, 18
Лилич Г.А.: 224
Лингартова В.: 64, 68, 223
Липиньски К.: 133
Лихачёв Д. С.: 180, 224
Лобашкова С.Г.: 224
Лобель Т.: 179, 224
Ловинк Г.: 35
Лопатин В.В.: 44, 225, 233
Мадей Е.: 101, 212
Максимов В.И.: 193, 194, 200, 223, 225

Мала В.: 29
Маринова Е.В.: 31, 36, 45, 209, 225
Мартин Т.: 105, 225
Маршик Л.: 75, 211
Маслова В.А.: 179, 180, 225
Матезиус В.: 52, 53, 225
Матушкова М.: 16
Матыашкова Г.: 89, 212
Мельников Г.: 102
Мечковская Н.Б.: 51, 225
Микулашек М.: 11, 12, 13
Миронова Г.: 26
Михайлова Ю.Н.: 112, 224, 225
Михалкина И.В.: 18, 26, 27
Мишати́на Н.Л.: 178, 181, 225, 226
Мишенева Ю.И.: 165, 168, 226
Молочко Н.В.: 26
Морковкин В.В.: 42, 43, 170, 171, 188, 226
Морозов Е.: 35
Мощинская Н.В.: 188, 224
Мразек Р.: 52, 53, 54, 57, 59, 226
Мргачова Е.: 11, 12, 21
Мровецова Л.: 10, 11, 13, 29, 209
Назарова В.М.: 226
Недомова З.: 10, 11, 13, 28, 29, 187, 209, 215
Нерознак В.П.: 77, 224, 226
Нестерская Л.А.: 26, 27
Нечаева И.В.: 43, 222
Нещименко Г.П.: 52, 227

Никитина Т.Г.: 173, 227
Новинская Н.В.: 77, 227
Новоженова З.Л.: 56, 57, 227
Ожегов С.И.: 43, 227
Олоштяк М.: 76
Орлош Т.З.: 88
Осінчук Ю.В.: 113, 227
Панов М.В.: 45, 65, 227
Панова Г.И.: 189, 190, 194, 195, 227
Пассов Е.И.: 178, 227
Петрикова А.: 113, 188, 228
Петровић С.Р.: 228
Петровский Н.А.: 143, 228
Петрушова О.Л.: 171, 228
Піддубна Н.: 113, 228
Плесник Л.: 10, 11, 13, 41, 209, 210
Подольская Н.В.: 75, 112, 228
Покровская О.А.: 27
Поликарпов А.А.: 220
Полякова Ю.Ю.: 112, 228
Попова З.Д.: 180, 228
Прохватилова О.А.: 112, 228
Раманцэвіч В.К.: 221
Рахманкулова С.Е.: 108, 229
Рис Л.: 12
Розбодова Л.: 177, 178, 181, 182, 215, 220, 229
Розенталь Д.Э.: 91, 94, 229
Романов Р.Е.: 217
Романова С.В.: 229

Рудинцова Б.: 12, 17, 19, 26, 28, 29
Руликова Б.: 92, 93
Руткевич-Ханчевска М.: 133
Руферова Я.: 187
Рыковска М.: 26
Рылов С.А.: 51, 54, 55, 210, 229
Савина С.С.: 107, 229
Саевич С.Т.: 13
Салимовский В.А.: 89, 93, 223
Селищев А.М.: 35, 229
Семенов О.: 169, 174, 229
Скаличка В.: 52
Скацел Й.: 12, 25
Скворцов Л.И.: 43, 229
Скляревская Г.Н.: 112, 113, 229, 230
Скопина М.А.: 174, 230
Співак О.: 102
Старичёнок В.Д.: 77, 82, 230
Старосткова Л.: 16
Степанов Ю.С.: 230
Степанова Л.: 180
Стернин И.А.: 180, 228
Стефаненко Т.Г.: 179, 230
Стиессова Й.: 29
Стракова В.: 31, 187
Стракович Ю.: 31
Суперанская А.В.: 78, 83, 84, 87, 113, 230
Супрун В.И.: 113, 230, 232
Тарланов З.К.: 61, 230

Татарникова О.Н.: 143, 230
Теленкова М.А.: 91, 229
Терентьева Е.Ю.: 113, 230
Тимофеев К.А.: 113, 230
Тимошенко Л.О.: 103, 231
Тихонов А.Н.: 38, 44, 75, 231
Толстая Т.: 56
Толстой А.Н.: 121, 147, 231
Трубецкой Н.С.: 52, 227
Трушина Л.Б.: 231
Улуханов И.: 231
Факторович А.Л.:
Фалтынек Д.: 26
Фасмер М.: 42, 231
Федюкина Е.В.: 116, 117, 231
Флидрова Г.: 91, 93, 94, 95, 96, 97, 231
Хаймович Л.В.: 179, 217
Хамраева Е.А.: 178, 232
Ханичев Р.З.: 77, 226
Харари Ю.Н.: 35
Харчарек А.: 29
Хашимов Р.И.: 75, 231
Хебеккер Х.: 231
Хилова Х.К.: 113, 232
Хомский Н.: 179
Хуснутдинов А.А.: 170, 173, 232
Хуторской А.В.: 165, 167, 232
Цухишвили С.Д.: 103, 232
Цыбулько И.П.: 178, 226

Чапаева Л.Г.: 33, 34, 232
Челаковски Ф.Л.: 21
Черкасова Е.Т.: 187, 232
Чернышев В.И.: 232
Чернышов С.В.: 165, 178, 179, 180, 181, 232
Чернышова Л.Л.: 232
Черняк В.Д.: 169, 170, 171, 172, 223, 232
Чирикова М.: 29
Шагалова Е.Н.: 43, 44, 233
Шведова Н.Ю.: 43, 227, 233
Шерстобитова И.А.: 179, 233
Шигуров В.В.: 91, 233
Шмилауэр В.: 65
Шпиндлер А.А.: 221
Щерба Л.В.: 171, 172, 187, 188, 233
Щербакова Н.Н.: 169, 174, 233
Щукин А.Н.: 178, 233
Эко У.: 36
Юдина Н.В.: 63, 64, 233
Янковичова М.: 14
Ярцева В.Н.: 233

Именной указатель (запись латиницей)

Adamec P.: 188, 235

Afanasjev A. N.: 144, 146, 235

Anders J.: 52, 235

Barnickel K.-D.: 102

Bayerová N.: 113, 235

Bečka J. V.: 90, 235

Bejoint H.: 173, 235

Bendl S.: 154, 235

Beneš J.: 154, 238

Bláha O.: 123, 235

Brennen S.: 35, 235

Caldrová A.: 123, 213

Cvrček V.: 124, 235

Čmejrková S.: 236

Daneš F.: 95, 236

Danyiová A.: 141, 214

Dereň B.: 87, 236

Doulík P.: 154, 236

Dulewiczowa I.: 238

Đurčo P.: 104, 105, 106, 236

Faltýnek D.: 63, 236

Ferguson R.: 102

Flídrová H.: 65, 91, 94, 236

Gabriele M.: 138, 239

Gajda S.: 236
Gallo J.: 188, 239
Getmanenko N.: 215
Gregorová R.: 236
Grek-Pabisowa I.: 112, 119, 236, 238
Gutknecht Ch.: 102
Hammerly H.: 167, 236
Havránek B.: 237
Hoffmannová J.: 94, 237
Hrabě V.: 235
Hrmo R.: 167, 169, 237
Charkiewicz J.: 241
Choděra R.: 168, 237
Chomsky N.: 237
Jakubovská K.: 167, 237
Jakubovská V.: 167, 168, 237
Janík T.: 153, 237
Janos J.: 102
Jiráček J.: 235
Jonášková G.: 168, 237
Karlík P.: 89, 92, 94, 237, 239
Klemensiewicz Z.: 111, 237
Knappová M.: 145, 147, 148, 149, 150, 237
Konečný, J.: 153, 214
Kopaliński W.: 76, 79, 80, 86, 88, 237
Kramárová M.: 167, 238
Kreiss D.: 35, 235
Krejčířová I.: 238
Kroupová L.: 238

Kubík M.: 65, 238
Kučera A.: 69, 74
Kuprina T.: 188, 239
Ławreszczuk M. ks.: 241
Lewicki R.: 112, 115, 238
Lipczuk R.: 102
Lipiński K.: 238
Makal P.: 241
Mareš J.: 154, 238
Markunas A.: 112, 115, 238
Martincová O.: 238, 257
Maryniakowa I.: 112, 119, 236, 238
Meunier B.: 102
Miller L.: 102
Miloslavskij I. G.: 235
Mirowicz A.: 113, 238
Mrázek J.: 240
Mrovčová L.: 238
Mršić D.: 76, 238
Nedomová Z.: 63, 238
Ološtiak M.: 76, 85, 239
Orłoś T. Z.: 88, 239
Orlová N.: 154, 236
Perry D. M.: 138, 239
Petriková A.: 188, 239
Píšová M.: 153, 237, 239
Pleskalová J.: 76, 87, 141, 142, 237, 239
Plesník L.: 63, 239
Plichta A.: 240

Pokorný R.: 239
Pongrácová J.: 239
Predanocyová L.: 168, 237
Rejzek J.: 81, 82, 85, 87, 88, 239
Richterová O.: 124, 235
Roblíčková M.: 240
Rozboudová L.: 153, 214
Rudincová B.: 240
Ruferová J.: 240
Rutkiewicz-Hanczewska M.: 240
Rygorowicz-Kuźma A.: 112, 113, 119, 120, 122, 240
Selwyn N.: 32, 240
Schulman L. S.: 153, 240
Skalička V.: 52, 240
Spilková V.: 153, 237, 238, 240, 241
Straková V.: 187, 240
Stuchlíková I.: 154, 240
Suchánková K.: 153, 240
Světlá S.: 236, 258
Škoda J.: 65, 154, 236
Šmilauer V.: 66, 240
Švec V.: 153, 241
Tofiuk J. ks. m.: 241
Tomková A.: 153, 240, 241
Turek I.: 167, 169, 237
Uczitiel T.: 115, 238
Vaňko J.: 103, 241
Vašutová J.: 153, 241
Viewegh M.: 55, 59

Voňková H.: 154, 235
Vorel J.: 240
Wawrzyńczyk J.: 112, 113, 241
Wideł-Ignaszczak M.: 112, 241
Wilkoń A.: 111, 112, 241
Witalisz A.: 83, 241
Withycombe E. G.: 143, 241
Wojtak M.: 112, 241
Zuckermann Gh.: 102
Zvírotsky M.: 154, 235
Žaža S.: 65, 91, 235, 236

**Научно-исследовательская деятельность сотрудников
кафедры русистики / отделения русистики кафедры
славистики Философского факультета Остравского
университета за 1990–2022 годы**

A. Словарь

Hrdlička M., 1998, *Translatologický slovník*. Praha: ToP.

Hrdlička M., Demlová E., Lepilová K., 2000, *Stručný slovník řečové komunikace. (Výběr z českých a slovenských prací)*. Ostrava: FF OU.

Mrhačová E., Kupcevičová J., Klymenko D., Vaida V., 2019, *Východoslovanská rčení v pohledu od češtiny*. Ostrava: FF OU.

Mrhačová E., Plesník L., Kupcevičová J., Vaida, V., 2017, *Východoslovanská přísloví a pořekadla v pohledu do češtiny*. Ostrava: FF OU.

Rudincová B., Skácel J., Mezuláník J., Nováček P., 1993, *Stručný česko-ruský slovník pro podnikatele*. Karviná: OPF SU.

Rudincová B., Skácel J., Mezuláník J., Nováček, P., 1993, *Stručný rusko-český slovník pro podnikatele*. Karviná: OPF SU.

Vavrečka M., 2006, *2000 nejpoužívanějších ruských slov + MP3*. Brno: Computer Press.

Vavrečka M., 2007, *Ruská slovesa a jejich české ekvivalenty*. Brno: Computer Press.

Vavrečka M., Lednický V., 1999, *Pojmový slovník managementu II. (česko-anglicko-německo-ruský)*. Ostrava: FF OU.

Vavrečka M., Lednický V., 2006, *Česko-ruský, rusko-český slovník managementu. Чешско-русский, русско-чешский словарь менеджмента*. Brno: Computer Press.

Vavrečka M., Lednický V., Hopkinson C., 1999, *Pojmový slovník managementu (česko-anglicko-německo-ruský)*. Ostrava: FF OU.

Vavrečka M., Lednický V., Hopkinson C., 2006, *Česko-anglický, anglicko-český slovník managementu*. Brno: Computer Press.

Vavrečka M., Lednický V., Imider M., 1999, *Pojmový slovník managementu (česko-anglicko-německo-ruský)*. Ostrava: OU.

Vavrečka M., Lednický V., Imider M., 2000, *Pojmový slovník managementu (česko-anglicko-německo-ruský) 2*. Ostrava: OU.

Vavrečka M., Lednický V., Imider M., 2001, *Pojmový slovník managementu (česko-anglicko-německo-ruský) 3*. Ostrava: OU.

Vavrečka M., Lednický V., Imider M., 2006, *Česko-německý, německo-český slovník managementu. Fachwörterbuch Management tschechisch-deutsch, deutsch-tschechisch*. Brno: Computer Press.

Vavrečka M., Rudincová B., 1996, *Česko-ruský slovník slovesných spojení v ekonomické sféře*. Ostrava: Pedagogické centrum.

Vavrečka M., Rudincová B., Hrdlička M., 1997, *Česko-ruský slovník pro hospodářskou sféru. Díl I a II*. Ostrava: FF OU.

Vavrečka M., Rudincová B., Hrdlička M., 1998, *Rusko-český slovník pro hospodářskou sféru. Díl I. a II*. Ostrava: FF OU.

Vavrečka M., Rudincová B., Hrdlička M., 1999, *Česko-ruský slovník pro hospodářskou sféru*. Praha: Centr Evropy.

Vavrečka M., Rudincová B., Hrdlička M., 1999, *Rusko-český slovník pro hospodářskou sféru*. Praha: Centr Evropy.

Б. Монография

Вилимек В., 2022, *Не только на словах: Перевод невербальных средств славянских культур*. Berlin: Peter Lang GmbH.

Елинек И., 2019, *В мире авторской песни и песенных произведений В. Высоцкого*. Ostrava: FF OU.

Hrdinová E., Vilímek V., Rábeková S., Šabršula J., Harviřáková, L., 2008 *Úvod do teorie, praxe a didaktiky tlumočení: Mezi Skyllou vědy a Charybdou praxe?!*. Ostrava: FF OU.

Hrdlička M., Čeňková I., 1995, *Bibliografie českých a slovenských prací o překladu a tlumočení*. Praha: FF UK.

Lepilová K., 2002, *Dynamika řečové a literární komunikace (Multimediální čtenář)*. Ostrava: FF OU.

Lepilová K., Demlová E., Gromová E., Hopkinson C., Hrdlička M., Nedomová Z., Rudincová B., Vavrečka M., 2004, *K cizojazyčné řečové komunikaci ve sféře podnikání*. Ostrava: FF OU.

Lepilová K., 2002, *Vyprávějte si s námi. 8. díl videoprogramu. Námět, scénář, experimenty*. Olomouc: AVC UP.

Mikulášek M., Bínová G., 1995, *Panoráma ruské literatury*. Boskovice: Albert.

Mikulášek M., 2004, *Hledání duše díla v umění interpretace. Genologicko-hermeneutická anamnéza vnitřní formy artefaktu a mytopoidních forem narace*. Ostrava: Tilia.

Mikulášek M., 2011, *Via cordis: ars interpret ationis hermeneutice: duchovněvědné paradigma literární hermeneutiky*. Ostrava: FF OU.

Mikulášek M., 2020 *Odysea lidského ducha: hledání smyslu umění, pravdy věku a ducha světa hranolem humanitněvědné hermeneutiky*. Červený Kostelec: Pavel Mervart.

Mrhačová E., 1993, *Korelativní slovesa pohybu ve slovanských jazycích*. Ostrava: OU.

Mrověcová L., Kolberová U., Pančíková, M., 2012, *Parémie národů slovanských VI*. Ostrava: FF OU.

Mrověcová L., Kupcevičová J., Grygerková M., Jankovičová M., 2010, *Parémie národů slovanských V*. Ostrava: FF OU.

Mrověcová L., Mrhačová E., Balowski M., Pančíková M., Kolberová, U., 2014, *Parémie národů slovanských VII*. Ostrava: FF OU.

Nedomová Z., 2006, *Funkčně-sémantické pole kvantity v ruštině v porovnání s češtinou*. Ostrava: OU.

Nedomová Z., 2013, *Tendence k analytismu v současné ruštině (na materiálu jmenných slovních druhů)*. Ostrava: OU.

Plesník L., 2019, *Typologická charakteristika tzv. analytických adjektiv (na příkladovém materiálu ruštiny, češtiny a polštiny)*. Ostrava: OU.

Rudincová B., 2001, *Typy pojmenování v současné ruštině (zejména v podnikatelské oblasti)*. Ostrava: FF OU.

Vilímek V., Mammadova S., Majer D., 2012, *Země věčného ohně III: Přehled dějin Ázerbájdžánu (autor originálu Igrar Aliev a kol.)*. Ostrava: Ostravské muzeum, příspěvková organizace.

Vilímek V., Uzeneva E. S., Plotnikova A., 2018, *Karpatské tradice v balkánské perspektivě: etnolingvistické aspekty*. Ostrava: OU.

Vorel J., 2007, *Astrální próza Andreje Bělého*. Ostrava: FF OU.

Vorel J., 2012, *Od dekadence k teurgii. Esteticko-filozofická hledání české a ruské literatury přelomu 19. a 20. století*. Ostrava: FF OU.

Vorel J., Jelínek I., Przywara M., Fucimanová M., Ligocký P., Fiurášková L., 2017, *Ruská a polská literární esejistika konce 19. a počátku 20. století v komparativním pojetí*. Ostrava: FF OU.

В. Глава в монографии

Вавречка М., 2007, Релевантные признаки термина. In: *Język w kontekście społecznym i komunikacyjnym: rusycystyczne studia konfrontatywne*. A. Charciarek, P. Czerwiński (eda.). Katowice: Uniwersytet Śląski, s. 65–73.

Вайдо В., 2017, Лингвистическая терминология в словарях. In: *Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы*. J. Lubocha-Kruglik, O. Malysa, G. Wilk, A. Zych (eds.). Katowice: Uniwersytet Śląski, s. 261–271.

Вилимек В., 2011, Отражение этнической принадлежности в невербальном плане общения. In: *Tożsamość na styku kultur 2*. I. Masojć, R. Naruniec (eds.). Vilnius: Edukologija, s. 284–292.

Елинек И., 2007, Авторская песня как особый жанр в контексте русской культуры второй половины XX века. In: *Tożsamość na styku kultur*. I. Masojć, R. Naruniec (eds.). Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, s. 279–287.

Елинек И., 2010, Meta i hodos, или Пути постижение истины в переводе литературных произведений. In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace III*. Ostrava: OU, с. 147–158.

Елинек И., 2010, Песня о друге Владимира Высоцкого и её переводы на английский и чешский языки. In: *Славяне в неславянских странах*. Россий-

ская Федерация: Санкт-Петербургский государственный университет, с. 16–27.

Елинек И., 2012, Психогерменевтика творчества Владимира Высоцкого. In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace IV*. Ostrava: FF OU, s. 499–510.

Елинек И., 2015, Переводы поэзии В.С. Высоцкого на чешский язык. In: *Мир Высоцкого: исследования и материалы: альманах*. Москва: ГБУК г. Москвы, ГКЦМ В.С. Высоцкого «Дом Высоцкого на Таганке», с. 317–332.

Купцевич Е., 2017, Выражение обусловленности способа действия или отношения к действию в русских, украинских и чешских народных приметах о погоде календарного цикла. In: *Parémie národů slovanských VIII*. Ostrava: OU, s. 243–252.

Купцевич Е., Миронова Г., 2007, Паремийный фонд национального языка как отражение кризисных явлений в обществе. In: *Parémie národů slovanských III*. Ostrava: FF OU, s. 45–62.

Маршик Л., 2018, Проявление тенденции к интернационализации в лингвистической терминологии (на материале русского, польского и чешского языков). In: *Štýl ako výskumný nástroj v synchronii a diachronii slovanských jazykov: k teórii slovanských spisovných jazykov*. V. Liashuk (ed.). Banská Bystrica: Belianum. Vydavateľstvo UMB, s. 70–77.

Мрвцецова Л., 2012, Документ, документоведение, документооборот и делопроизводство в Российской Федерации. In: *Русский язык в деловой коммуникации. – Język rosyjski w komunikacji biznesowej*. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, s. 101–188.

Недомова З., 2010, Метаморфозы современного русского языка. In: *Areálová slavistika a dnešní svět. Monografie z filologicko-areálových studií*. Brno: Tribun EU, s. 203–210.

Недомова З., 2013, Мастер маникюра Ольга, бармен Анастасия, лауреат конкурса Татьяна – názvy osob ženského pohlaví v textech ruské publicistiky. In: *Text a kontext*. Brno: FF MU, s. 57–67.

Недомова З., 2015, Тенденция к аналитизму на морфологическом уровне в современном русском языке. In: *Jednostki języka w systemie i w mowie*. A. Charciarek, A. Zych, E. Kapela (eds.). Katowice: Wydawnictwo UŚ, s. 18–27.

Недомова З., 2016, Феминативы в современном русском языке. In: *Area Slavica 1*. I. Bogoczová, Z. Nedomová (eds.). Ostrava: FF OU, s. 129–139.

Недомова З., 2017, Сопоставительное изучение лингвистической терминологии в Остравском университете. In: *Русистика и современность. Спорные вопросы, новые ответы*. J. Lubocha-Kruglik, O. Malysa, G. Wilk, A. Zych (eds.). Katowice: Uniwersytet Śląski, s. 249–260.

Недомова З., 2018, Динамические изменения несклоняемых существительных в современном русском языке. In: *Jednostki języka w systemie i w tekście 2*. A. Charciarek, A. Zych, E. Kapela (eds.). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, s. 131–140.

Недомова З., 2018, Терминосистема стилистики русского языка в сравнении с терминологической системой чешского языка. In: *Area Slavica 2. Slovanské jazyky ve světle termínu*. I. Bogoczová, Z. Nedomová (eds.). Ostrava: OU, s. 211–221.

Недомова З., 2019, К проблеме вариантов родовой принадлежности заимствованных несклоняемых существительных. In: *Cizojazyčné vlivy na slovanské jazyky*. J. Kesner (ed.). Hradec Králové: UHK, s. 32–41.

Недомова З., 2019, Лингвистическая терминология вчера и сегодня (к научному проекту русистов Остравского университета). In: *Актуальные проблемы обучения русскому языку XIII*. Brno: MU, s. 344–351.

Недомова З., 2019, Термины стиль и стилистика в русском и чешском языках. In: *Porządek słow. Gramatyka. Tekst. Styl. Dyskurs. Księga jubileuszowa dedykowana Profesor Zoi Nowożenowej z okazji 45-lecia pracy naukowej*. T. Kananowicz, A. Klimkiewicz (eds.). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 157–165.

Недомова З., 2020, К проблеме вариантов в лингвистической терминологии русского языка (теоретическое вступление). In: *Jednostki języka w systemie i w tekście 3*. A. Charciarek, A. Zych, E. Kapela (eds.). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, s. 164–172.

Недомова З., 2020, К проблеме эквивалентов зоологической терминологии (на материале русского и чешского языков). In: *Przestrzenie przekładu 5*. Katowice: J. Lubocha-Kruglik, O. Malysa, G. Wilk (eds.). Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych-Śląsk Wydawnictwo Naukowe, s. 207–215.

Недомова З., 2022, Олимпийские игры спортивная терминология в русском и чешском языках. In: *Przestrzenie przekładu 6*. J. Lubocha-Kruglik, O. Małysa, G. Wilk (eds.). Katowice: Uniwersytet Śląski, s. 175–185.

Плесник Л., 2018, К вопросу модного слова и демократизации языка (на примере русского языка). In: *Štýl ako výskumný nástroj v synchronii a diachrónii slovanských jazykov: k teórii slovanských spisovných jazykov*. V. Liashuk (ed.). Banská Bystrica: Belianum. Vydavateľstvo UMB, s. 226–233.

Плесник Л., 2018, Терминология глагольной системы русского языка (в сопоставлении с чешским языком). In: *Area Slavica 2. Slovanské jazyky ve světle termínu*. I. Bogoczová, Z. Nedomová (eds.). Ostrava: OU, s. 201–210.

Плесник Л., 2019, Компонент хлеб в русских паремиологических единицах (в сопоставлении с чешским языком). In: *Parémie národů slovanských IX*. Ostrava: OU, s. 139–148.

Плесник Л., 2019, Продуктивность префиксоида био- в современном русском, чешском и польском языках. In: *Cizojazyčné vlivy na slovanské jazyky*. J. Kesner (ed.). Hradec Králové: UHK, s. 85–97.

Плесник Л., 2020, Греко-латинские терминологические элементы в лингвистической терминологии (на примере русского языка). In: *Príspevky k aktuálnym otázkám jazykovednej rusistiky (5): pragmatika – syntax – sémantika*. Brno: Česká asociace slavistů, Ústav slavistiky, Středoevropské centrum slovanských studií, s. 79–87.

Плесник Л., 2020, К проблеме передачи топонимических терминов как особого типа специального перевода (на материале русского и чешского языков). In: *Przestrzenie przekładu 5*. J. Lubocha-Kruglik, O. Małysa, G. Wilk (eds.). Katowice: Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych-Śląsk Wydawnictwo Naukowe, s. 219–228.

Плесник Л., 2020, Терминологическая система именных частей речи (русско-чешский сопоставительный аспект). In: *Jednostki języka w systemie i w texcie 3*. A. Charciarek, A. Zych, E. Kapela (eds.). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, s. 173–183.

Плесник Л., 2021, Аналитические прилагательные современного интернет-пространства (русско-чешский сопоставительный анализ). In: *Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное*. Москва: Флинта, с. 592–603.

Рудинцова Б., 2013, Закон языковой экономии и его проявления в современном русском и чешском языках. In: *Dialog kultur VII*. Hradec Králové: Garamon, s. 45–51.

Рудинцова Б., 2016, К вопросу об одном из способов обогащения словарного состава русского языка. In: *Area Slavica 1*. I. Bogoczová, Z. Nedomová (eds.). Ostrava: FF OU, s. 119–127.

Рудинцова Б., 2018, К вопросу терминообразования в современном русском языке (анализ терминосистемы маркетинга). In: *Area slavica 2. Slovan-ské jazyky ve světle termínu*. I. Bogoczová, Z. Nedomová (eds.). Ostrava: OU, s. 125–134.

Янковичова М., 2010, Русские безэквивалентные фраземы и словацкие фразеологические лакуны. In: *Язык и культура*. Белгород: Белгородский государственный университет, с. 186–192.

Demlová E., Lepilová K., 2004, Řečová komunikace – dynamické pojmosloví. In: *K cizojazyčné řečové komunikaci ve sféře podnikání*. Ostrava: FF OU, s. 13–38.

Grossmann M., Vilímek V., 2011, Neverbální komunikace při soudním tlumočení. In: *Kontrastívne štúdium textov a prekladateľská prax*. Banská Bystrica: UMB, s. 347–358. Preklad a tlmočenie 9.

Hrdlička M., 1995, Vztah dobové normy, interpretace a tvořivosti při překládání. In: *Devětkrát o překladu*. Praha: FF UK, s. 20–24.

Hrdlička M., 1999, Slovo o stylu a překladu. In: *15x o překladu*. Praha – Bratislava: JPT, s. 28–30.

Hrdlička M., 2007, Odborný text a jeho translace. In: *Antologie teorie odborného překladu*. Ostrava: FF OU, s. 65–72.

Hrdlička M., Demlová E., Lepilová K., Vavrečka M., 2004, K verbální a neverbální komunikaci. In: *K verbální a neverbální komunikaci*. Ostrava: FF OU, s. 301–340.

Hrdlička M., Gromová E., Hopkinson Ch., 2004, cizojazyčnost a jinakost ve sféře podnikání. In: *K cizojazyčné řečové komunikaci ve sféře podnikání*. Ostrava: FF OU, s. 85–136.

- Hrdlička M., Vilímek V.**, 2008, O vývoji uvažování o odborném překladu na Slovensku a v Čechách: Antologie teorie odborného překladu. In: *Odborný preklad 3*. Bratislava: AnaPress, s. 83–90.
- Jankovičová M.**, 2009, Medzijazyková idiomatickosť odborného jazyka. In: *Odborný preklad 4. Studia Translatologica Bratislavensia 16*. Bratislava: AnaPress, s. 85–101.
- Jankovičová M.**, 2010, Nové frazémy ako prejav dynamiky slovenskej frazeológie. In: *Phraseologische Studien*. Greifswald: Ernst-Moriz-Arndt-Universität, s. 184–197.
- Jelínek I.**, 2012, Vladimír Vysocký v českých překladech z pera Jany Moravcové, Milana Dvořáka a Radůzy. In: *Překlad a kultura 4*. Nitra: FF UKF, s. 159–170.
- Jelínek I.**, 2015, Autorská píseň a její básnické transformace: ve světě písní Vladimíra Vysockého. In: *Tajemství tvaru. Proměny vnější a vnitřní formy artefaktu v ruské literatuře 20. století*. Ostrava: FF OU, s. 129–162.
- Jelínek I.**, 2016, Berd'ajevova Krize umění a problematika jejího převedení do češtiny. In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace VI*. Ostrava: FF OU, s. 221–234.
- Jelínek I.**, 2022, Hermeneutické reflexe Richarda E. Palmera (Třicet tezí o interpretaci). In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace IX*. Ostrava: FF OU, s. 57–71.
- Lepilová K.**, 1999, Překladatel díla a čtenář multimediální éry. (Konkretizace uměleckého textu a poetické vědomí). In: *15x o překladu*. Praha: JTP, s. 13–18.
- Lepilová K., Rudincová B.**, 2004, Multimediální komunikace a řeč. In: *K cizojazyčné řečové komunikaci ve sféře podnikání*. Ostrava: FF OU, s. 39–84.
- Mikulášek M.**, 2001, Medailóny ruských spisovatelů. In: *Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů*. Praha: LIBRI, 2001.
- Mikulášek M.**, 2009, 'Ars interpretationis hermeneuticae' jako 'duchovní poznání'. Přínos slovanských myslitelů k vědě o paradigmatu literární hermeneutiky. In: *Die Ost-West-Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen Ausgewählte Aspekte Problematik / Východ – Západ v evropských kulturách a literaturách Vybrané aspekty*. Praha – Dresden: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. / Neisse Verlag, s. 633–671.

- Mikulášek M.**, 2010, K synestézii a penetraci uměleckých forem artefaktu jako *duchovního organismu*. In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace III*. Ostrava: FF OU, s. 37–59.
- Mikulášek M.**, 2012, Fenomén "duchovnosti" v epoše sváru civilizace a kultury. In: *Vzdelávanie – kultúra – duchovnosť. Od homo loquens k homo spiritualis*. Prešov: CUBE consulting, s. 52–66.
- Mikulášek M.**, 2012, Kultura a "duchovnost". Kultura v kleštích ireligiozity novodobé civilizace. In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace IV*. Ostrava: FF OU, s. 9–26.
- Mikulášek M.**, 2014, Duchovní dimenze umění interpretace – vědní paradigma "techné hermeneutiké". In: *Anticipace a reflexe filosofických, psychologických a sociologických koncepcí v literatuře 19. a 20. století 1*. Brno: Česká asociace slavistů ve spolupráci s Ústavem slavistiky FF MU, s. 69–88.
- Mikulášek M.**, 2014, Odysea lidského ducha. Hledání "smyslu" díla a "pravdy věku". In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica metodologie a theurgie hermeneutické interpretace V*. Ostrava: FF OU, s. 11–30.
- Mikulášek M.**, 2015, Reflexe k metodologii "humanitněvědní hermeneutiky" (parerga et paraligomena). In: *Revitalizace hodnot: umění a literatura II*. Brno: Ústav slavistiky FF MU, s. 17–31.
- Mikulášek M.**, 2016, "Světlo" poznání vazby "vnějšku" a "nitra" díla umění v exegezi "techné hermeneutiké". In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica metodologie a theurgie hermeneutické interpretace VI*. Ostrava: FF OU, s. 13–40.
- Mrověcová L.**, 2008, Sociokulturní minimum v učebnici Čeština pro rusky mluvící cizince I. In: *Sociokulturní kompetence ve výuce cizího jazyka a SERR*. Praha, Ratiboř: UK, Státní vysoká odborná škola v Ratiboři, s. 125–136.
- Mrověcová L.**, 2010, Modifikace frazémů v titulcích ekonomických periodik. In: *Parémie národů slovanských V*. Ostrava: FF OU, s. 119–127.
- Mrověcová L.**, 2012, Ruské a české frazémy s klíčovým slovem dluh/dolg a jejich deriváty. In: *Parémie národů slovanských VI*. Ostrava: FF OU, s. 163–172.
- Mrověcová L.**, 2013, Frazémy s komponentem práce v ruském a českém jazyce. In: *Dialog kultur VII*. Hradec Králové: Garamon, s. 205–213.
- Mrověcová L.**, 2013, Jazyky a metody cizojazyčné výuky. In: *Rozvoj klíčových kompetencí pracovníků vysokých škol*. Karviná: OPF SU, s. 105–115.

Mrověcová L., 2015, Z historie západoslovanského panslavismu a východoslovanského slavjanofilství: setkání Slovanů v Sankt Peterburgu a v Moskvě roku 1867. In: *Aktuální problémy současné slavistiky (jazyk – literatura – kultura – politika)*. Brno: Galium, s. 481–491.

Mrověcová L., 2017, Sémantická specifika a variabilita konceptu "pravda" v českých a ruských parémiích (kognitivní a kulturologický aspekt). In: *Parémie národů slovanských VIII*. Ostrava: FF OU, s. 221–231.

Mrověcová L., 2020, Latinismy a grecismy v terminologii managementu. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (5): pragmatika – syntax – sémantika*. Brno: Česká asociace slavistů, Ústav slavistiky, Středoevropské centrum slovanských studií, s. 51–63.

Nedomová Z., 2004, Bibliografie. In: *K cizojazyčné řečové komunikaci ve sféře podnikání*. Ostrava: FF OU, s. 241–255.

Nedomová Z., 2004, Řečové modely ve sféře podnikání. In: *K cizojazyčné řečové komunikaci ve sféře podnikání*. Ostrava: OU, s. 175–232.

Nedomová Z., 2020, K vyjadřování prostorových vztahů v ruštině a češtině. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (5): pragmatika – syntax – sémantika*. Brno: Česká asociace slavistů, Ústav slavistiky, Středoevropské centrum slovanských studií, s. 65–78.

Plesník L., 2016, Tzv. analytická adjektiva v současné češtině jako projev demokratizačních tendencí jazyka. In: *Area Slavica 1*. I. Bogoczová, Z. Nedomová (eds.). Ostrava: FF OU, s. 141–149.

Rudincová B., 2010, Internacionalizace slovní zásoby současné ruštiny. In: *Areálová slavistika a dnešní svět. Monografie z filologicko-areálových studií*. Brno: Tribun EU, s. 173–179.

Rudincová B., 2013, Ruské zkratky a zkratková slova v kontextu 21. století. In: *Text a kontext*. Brno: FF MU, s. 68–74.

Rudincová B., 2015, Vývojové tendence v současné ruské a české slovo tvorbě. In: *Aktuální problémy současné slavistiky*. Brno: GALIUM, s. 291–298.

Vavrečka M., Rudincová B., Hopkinson C., 2004, Komunikační bariéry. In: *K cizojazyčné řečové komunikaci ve sféře podnikání*. Ostrava: FF OU, s. 137–173.

Vilímek V., 2007, Česká a slovenská bibliografie prací o překladu odborného textu. In: *Antologie teorie odborného překladu. Výběr z prací českých a slovenských autorů*. Ostrava: FF OU, s. 222–241.

- Vilímek V.**, 2008, Etické otázky překladatelské a tlumočnické činnosti. In: *Pamięć kulturowa i pamięć lingwistyczna w przekładzie*. Bielsko-Biala: Akademia techniczno-humanistyczna, s. 95–100.
- Vilímek V.**, 2008, Principy tlumočnické notace. In: *Úvod do teorie, praxe a didaktiky tlumočení*. Ostrava: OU, s. 46–59.
- Vilímek V.**, 2008, Slovníky v překladatelské práci. In: *Rádce pro (začínající) spisovatele, novináře a překladatele 2008*. Praha: Mezera, s. 214–221.
- Vilímek V.**, 2008, Tlumočení jako translační činnost. In: *Úvod do teorie, praxe a didaktiky tlumočení*. Ostrava: OU, s. 7–16.
- Vilímek V.**, 2010, Česká a slovenská bibliografie prací o překladu odborného textu. In: *Antologie teorie odborného překladu. Výběr z prací českých a slovenských autorů*. Ostrava: FF OU, s. 243–271.
- Vilímek V.**, 2010, Česká a slovenská bibliografie prací o strojovém a počítačem podporovaném překladu. In: *Antologie teorie odborného překladu. Výběr z prací českých a slovenských autorů*. Ostrava: FF OU, s. 314–316.
- Vilímek V.**, 2010, Přehled českých a slovenských vysokoškolských pracovišť, institucí a profesních organizací zabývajících se odborným překladem. In: *Antologie teorie odborného překladu. Výběr z prací českých a slovenských autorů*. Ostrava: FF OU, s. 272–274.
- Vilímek V.**, 2010, Vývoj evropské intelektuální tradice interpretace gest. In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace III*. Ostrava: OU, s. 217–227.
- Vilímek V.**, 2012, Etické konflikty při překladu a tlumočení a etické kodexy. In: *Kritický stav prekladu na Slovensku? Modus vivendi a modus operandi v európskom kultúrnom priestore*. Bratislava: Slovenská spoločnosť prekladateľov umeleckej literatúry, s. 127–144.
- Vilímek V.**, 2012, Neverbální komunikace při mezikulturní komunikaci jako součást curricula filologických a translátologických oborů. In: *Preklad a kultura 4*. Nitra: FF UKF, s. 381–388.
- Vilímek V.**, 2013, Taktiky pro tvorbu časové rezervy při konsekutivním tlumočení. In: *Odkaz Antona Popoviča, zakladateľa slovenskej prekladovej školy – pri príležitosti 80. výročia jeho narodenia*. Bratislava: Slovenská spoločnosť prekladateľov odbornej literatúry, s. 199–208.
- Vilímek V.**, 2014, Prameny etických nároků na překladatele a tlumočnicka a míra jeho odpovědnosti na současném globálním trhu. In: *Čas a priestor v preklada-*

tel'skej praxi. Od osvietenstva k temnu. Bratislava: Slovenská spoločnosť prekladateľov odbornej literatúry, Slovenská spoločnosť prekladateľov umeleckej literatúry, s. 65–70.

Vilímek V., 2015, Ethische Ansprüche an die Ausübung des Dolmetscherberufs: Quellen und Argumente. In: *Dolmetschen – Interpreting*. Wien: Praesens Verlag, s. 207–218.

Vilímek V., 2015, Metodické materiály pro rozvíjení kognitivních a řečových dovedností tlumočnicků. In: *Tlmočenie v interdisciplinárnej perspektíve so zameraním na osobnostné charakteristiky a kognitívne aspekty*. Banská Bystrica: UMB, s. 104–111.

Vilímek V., 2015, Pes a současní uživatelé slovanských jazyků – výsledky výzkumů. České jazykové prostředí. In: *Pes v jazyce a myšlení. Sonda do slovanské frazeologie a idiomatiky*. Ostrava: OU, s. 89–100.

Vilímek V., 2015, Pes ve frazeologii slovanských jazyků. "Sobaka" i "pjos" v ruské frazeologii. In: *Pes v jazyce a myšlení. Sonda do slovanské frazeologie a idiomatiky*. Ostrava: OU, s. 53–62.

Vilímek V., 2015, Překladatel a metaforika: frazeologie a zkušenost v ní ukrytá. In: *Minulosť a budúcnosť prekladu. Od Ľudovíta Štúra po strojový preklad*. Bratislava: Slovenská spoločnosť prekladateľov odbornej literatúry, Slovenská spoločnosť prekladateľov umeleckej literatúry, s. 118–124.

Vilímek V., 2015, Rostliny používané na Těšínském Slezsku v lidovém léčitelství a jejich názvy. In: *Léčení a léčitelství v lidové tradici*. Uherské Hradiště: Slovácké muzeum v Uherském Hradišti, s. 139–162.

Vilímek V., 2017, Metaforizovaná erotická a sexuální témata v lidových písních z Valašska a Slovácka. In: Petr Čáhal, ed. *Erotika v lidové kultuře*. Uherské Hradiště: Slovácké muzeum v Uherském Hradišti, s. 223–234.

Vilímek V., 2020, Professional ethics as a part of interpreting curricula. In: *Interpreter Training – Experience, Ideas Perspectives. Dolmetschtraining – Erfahrungen, Ideen, Perspektiven*. Z. Bohušová, M. Djovčoš, M. Melicherčíková (eds.). Wien: Praesens Verlag, s. 175–186.

Vilímek V., 2021, Alkohol, alkoholik a alkoholismus v ustálených rčeních z Valašska. In: *Tradiční kulturní kontexty pití alkoholu a kouření*. P. Čáhal, V. Vilímek (eds.). Uherské Hradiště: Slovácké muzeum v Uherském Hradišti, s. 163–170.

Vilímek V., Bryol R., 2019, Luční hospodaření v horské obci Morávka. In: *Valašsko – historie a kultura II. Obživa*. S. Urbanová, L. Dokoupil, J. Ivánek, P. Pumpr (eds.). Ostrava: OU ve spolupráci s Národním muzeem v přírodě, s. 103–119.

Vilímek V., Holá I., 2015, Pes ve frazeologii slovanských jazyků. "Pes" v české frazeologii. In: *Pes v jazyce a myšlení. Sonda do slovanské frazeologie a idiomatiky*. Ostrava: OU, s. 39–46.

Vilímek V., Majer D., 2012, Úvodní studie. In: *Země věčného ohně III. Přehled dějin Ázerbájdžánu*. I. Aliev (ed.). Ostrava: Ostravské muzeum, příspěvková organizace, s. II–XII.

Vilímek V., Strážová J., 2015, Pes a současní uživatelé slovanských jazyků – výsledky výzkumů. Ruské jazykové prostředí. In: *Pes v jazyce a myšlení. Sonda do slovanské frazeologie a idiomatiky*. Ostrava: OU, s. 117–133.

Vorel J., 2009, Koncepce *Východ – Západ* v genezi románové tvorby Andreje Bělého. In: *Die Ost-West-Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen Ausgewählte Aspekte / Problematika Východ – Západ v evropských kulturách a literaturách. Vybrané aspekty*. Praha – Dresden: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. / Neisse Verlag, s. 705–734.

Vorel J., 2010, Andrej Bělyj a Otokar Březina (Skryté příbuzenství básníků). In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace III*. Ostrava: OU, s. 279–310.

Vorel J., 2011, Cesty Julia Zeyera do jiných světů. In: *Julius Zeyer, lumírovský básník v duchovním dění Evropy*. Brno: Host, s. 110–123.

Vorel J., 2012, Šaldovy cesty k duchovní integraci moderního umění. In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace IV*. Ostrava: FF OU, s. 313–334.

Vorel J., 2014, Esteticko-filozofické metamorfózy české a ruské literární dekadence (Od kantovského modelu autonomní krásy k hegelovskému zjevo-
vání absolutní ideje v umění). In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace V*. Ostrava: FF OU, s. 355–370.

Vorel J., 2015, Noetické dimenze českého a ruského literárního symbolizmu (Hledání hodnotového systému v umění). In: *Revitalizace hodnot: umění a literatura II*. Brno: Ústav slavistiky FF MU, s. 389–396.

Vorel J., 2015, Vnější a vnitřní forma ruského experimentálního románu (Andrej Bělyj: "Petrohrad"). In: *Tajemství tvaru. Proměny vnější a vnitřní formy artefaktu v ruské literatuře 20. století*. Ostrava: FF OU, s. 21–54.

Vorel J., 2016, Myšlenkové kontexty ruského symbolizmu (Hermeneutické rozpětí symbolizmu A. Bělého). In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace VI*. Ostrava: OU, s. 207–220.

Vorel J., 2017, Teurgický symbolizmus ve slovanských literaturách. In: K. Marcol, J. Kajfosz (eds.). *Językowe i kulturowe modelowanie świata 1*. Český Těšín: Kongres Polaków w RC, Uniwersytet Śląski, s. 257–270.

Vorel J., 2018, Andrej Bělyj: slovo-symbol jako prostředek vyjádření životní jednoty. In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace VII*. Ostrava: OU, s. 253–265.

Vorel J., 2018, Die ästhetisch-philosophische Metamorphose des tschechischen und russischen Modernismus. Vom Kantschen Modell der autonomen Schönheit zur Hegelschen Darstellung der absoluten Idee in der Kunst. In: *Literatur und menschliches Wissen. Analysen zu einer grenzüberschreitenden Beziehung*. H. Ulbrechtová, F. T. Grub, E. Platen, S. Ulbrecht (eds.). Berlin: Kulturverlag Kadmos Berlin, s. 153–193.

Vorel J., 2019, Hodnotový systém v esteticko-filozofických koncepcích Andreje Bělého. In: *Revitalizace hodnot: umění a literatura IV*. J. Dohnal (ed.). Brno: Ústav slavistiky FF MU: Česká asociace slavistů: Tribun EU, s. 273–280.

Vorel J., 2020, Destrukce vědomí versus hledání duchovní integrity ve struktuře žánru experimentálního románu Andreje Bělého. In: *W kręgu szaleństwa 1*. Kielce: Kieleckie Towarzystwo Naukowe, s. 209–224.

Vorel J., 2020, Fjodor Sologub – mezi dekadencí a symbolizmem. In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace VIII*. Ostrava: OU, s. 141–158.

Vorel J., 2022, Destruction of Consciousness vs. Searching for Spiritual Integrity in Structure of Genre of Experimental Novel of Andrey Bely. In: *Studia humanitatis. Ars hermeneutica. Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace IX*. Ostrava: OU, s. 127–143.

Vorel J., Rudincová B., 2020, Ostravská rusistika (historie a současnost). In: *Proměny české slavistiky po roce 1989*. E. Šlaufová, K. Skwarska, V. Čermák (eds.). Praha: Slovanský ústav AV ČR, v.v.i., s. 301–312.

Г. Статья в журнале

Вавречка М., 1995, Глагол «идти» в словаре и в тексте. In: *Studia Slavica*, 2, s. 79–68.

Вавречка М., 1996, Названия жителей народов и народностей стран Европы и Азии. *Opera Slavica*, 6, 4, с. 36–48.

Вавречка М., 2002, Названия жителей, народов и народностей стран Африки, Америки, Австралии и Океании. In: *Studia Slavica*, 5, s. 107–115.

Вилимек В., 2003, Невербальная коммуникация в процессе перевода. *Informační bulletin ČAR*, 17, s. 19–25.

Вилимек В., 2013, Несколько заметок к проблематике перевода русских научных текстов с тематикой азербайджанской истории на чешский язык. *Elmi askar*, 2, с. 16–24.

Вилимек В., 2020, Номинации лекарственных растений в Тешинской Силезии, мотивированные их лечебным действием. *Славянский альманах – Slavic Almanach*, 3–4, с. 270–288.

Ворел Я., 2008, Герменевтика русского символизма. Философско-эстетические концепции Андрея Белого. *Studia Slavica*, 12, s. 29–37.

Ворел Я., 2008, Эстетико-философские основы творчества Андрея Белого. *Slavia, Česká slavistika, Příspěvky k XIV. mezinárodnímu sjezdu slavistů, Ochrid 10. – 16. 9. 2008.* 77, s. 339–348.

Елинек И., 2010, Феномен интертекста и персвазии в песенных произведениях В.С. Высоцкого. *Meninis tekstas*, 7, s. 58–64.

Елинек И., 2014, Высоцкий в чешских переводах Я. Моравцовой, М. Дворжака и Радужы. *Studia Slavica*, 17, s. 169–180.

Елинек И., 2016, Искусствоведческое направление и научная концепция кафедры славянской филологии Остравского университета. *Novaja rusistika*, 9, s. 77–87.

Зимек, Р., 1996, Расхождения между чешским и русским языками, вызванные историческим влиянием немецкого языка на чешский. *Opera Slavica*, 6, 4, s. 1–9.

Клименко Д., 2018, Вопросы изучения фрагментов коллективной и индивидуальной картин мира в формировании языкового и культурного образа птиц. *Szkoła otwartego umysłu*, 9, s. 130–140.

- Купцевич Е.**, 2003, Коммуникативно-игровые задания и ситуации на уроках русского языка как иностранного. In: *Studia Slavica*, 7, s. 285–300.
- Купцевич Е.**, 2010, Рифмы и средства их реализация в русских народных приметах о погоде. *Opera Slavica*, 2010, 20, s. 11–23.
- Лепилова К.**, 1993, Художественный перевод и адресат (юный читатель) In: *Studia Slavica*, 1, s. 36–45.
- Лепилова К.**, 1993, Читательское и переводческое восприятие М. Цветаевой (Художественные перевод Ярослава Тейхманна). *Opera Slavica*, 4, s. 25–29.
- Лепилова К.**, 2001, Успехи Института славистики (Leopold-Franzens-Universität). *Opera Slavica*, 11, s. 36–37.
- Маршик Л.**, 2018, Интернациональные эпонимы в лингвистической терминологии русского языка. *Studia Slavica*, 21, 2, s. 65–74.
- Микулашек М.**, 2007, «Кардиогносис» – духовная сердцевина в герметивчешской интерпретации. *Studia i skice slawistyczne*, 8, s. 9–17.
- Мрвцецова Л.**, 2006, Продуктивные универбаты в современных русских и чешских экономических периодиках (в сопоставительном аспекте) *Opera Slavica*, 26, 12, с. 59–67.
- Мрвцецова Л.**, 2011, Лингвокультурологическая специфика пословиц с компонентом ложь в русском и чешском языках. *Rossica Olomucensia*, 2014, 53, с. 57–71.
- Мрвцецова Л.**, 2017, Типы терминов-неологизмов в чешском и русском субъязыках (диахронический и синхронический аспект). *Studia Slavica*, 21, с. 191–203.
- Недомова З.**, 2003, Деньги как объект лингвистики? *Studia Slavica*, 7, s. 279–284.
- Недомова З.**, 2004, Культура делового общения: практическое пособие. *Studia Slavica*, 8, s. 363–365.
- Недомова З.**, 2006, Категория количественности в новом освещении. *Przegląd Rusycystyczny*, 28, 3, s. 82–88.
- Недомова З.**, 2021, Наследие Яна Амоса Коменского в аспекте современной чешской и словацкой методики преподавания русского языка (размышление над новыми изданиями). *Opera Slavica*, 31, 2, s. 57–68.

Недомова З., 2021, О некоторых особенностях терминов курортологии в русском и чешском языках. *Przeгляд Rusycystyczny*, 175, s. 185–200.

Недомова З., 2022, Синтаксические средства выражения количества в русском и чешском языках. *Linguistica Brunensia*, 70, 2, s. 53–67.

Недомова З., Рудинцова Б., Лепилова К., 2011, Незабываемое научно-методическое сотрудничество Т.В. Козловой с чешскими русистами. *Русский язык за рубежом*, 3, с. 128–128.

Плесник Л., 2015, Культурная ценности топонимических терминов и способы их передачи. *Studia Slavica*, 19, s. 261–266.

Плесник Л., 2016, Префиксоиды как активные строевые элементы сложных слов в современном русском языке (теоретический обзор). *Studia Slavica*, 20, s. 131–137.

Плесник Л., 2017, Актуальные языковые тенденции в современном русском языке (теоретический обзор). *Studia Slavica*, 21, s. 129–136.

Плесник Л., 2018, К вопросу о языках-источниках аналитических прилагательных узкого понимания (на примере русского и чешского языков). *Opera Slavica*, 28, s. 49–60.

Плесник Л., 2019, Формально-структурная характеристика аналитических прилагательных (русско-чешский сопоставительный аспект). *Rossica Olomucensia*, 58, s. 35–45.

Плесник Л., 2020, Аналитические прилагательные в форме родовых определителей (на примере русского и чешского языков). *Philologia Rossica*, 3, s. 57–71.

Плесник Л., 2020, Иноязычные вкрапления польского происхождения в лексике современного русского языка (общие положения). *Studia Slavica*, 24, s. 67–75.

Плесник Л., 2021, Возможности лингвистического анализа иноязычных вкраплений польского происхождения в лексике русского языка. *Studia Slavica*, 25, s. 101–110.

Плесник Л., 2021, Картографические визуальные средства в обучение РКИ (общие положения в условиях дистанционного обучения). *Известия ИППО*, 2, с. 27–30.

Плесник Л., 2021, Новейшие аналитические прилагательные в области спортивной терминологии (русско-чешский сопоставительный аспект). *Поволжский педагогический вестник*, 33, с. 190–196.

Плесник Л., 2021, Родовые компоненты топонимических терминов русского и чешского языков (сопоставительный аспект). *Przeгляд Rusycystyczny*, 175(3), s. 172–184.

Плесник Л., 2022, К вопросу о словоизменительных разрядах русского глагола. *Linguistica Brunensia*, 70, s. 51–67.

Плесник Л., 2022, Лексико-семантический анализ новейших аналитических прилагательных в области музыкальной терминологии (русско-чешское сопоставление). *Philologia Rossica*, 7, s. 82–97.

Рудинцова Б., Недомова З., Лепилова К., 2011, Незабываемое научно-методическое сотрудничество чешских русистов с Татьяной В. Козловой. *Opera Slavica*, 21, s. 54–55.

Янковичова, М., 2009, Русские просторечные фраземы и их словацкие эквиваленты. *Rossica Olomucensia*, 68, s. 313–317.

Hrdlička M., 1995, K jednomu z modelů teorie překladu. *ToP*, s. 2–4.

Hrdlička M., 1996, Jiří Levý – zakladatel moderní české vědy o překladu. *ToP*, 7, s. 4–6.

Hrdlička M., 1996, Spisovnost a nespisovnost. *ToP*, 7, s. 2.

Hrdlička M., 1996, Translatologie a byznys. *ToP*, 7, s. 10.

Hrdlička M., 1997, Translatologie – cesty a rozcestí. *ToP*, 8, s. 5–7.

Hrdlička M., 1997, Vztah jazykové a odborné kompetence při převodu. *ToP*, 8, s. 4–6.

Hrdlička M., 1998, Básník, překladatel, pedagog-kulturní činitel (B. Mathe-sius). *ToP*, 9, s. 13.

Hrdlička M., 1998, Bohuslav Ileš (1902–1998). *ToP*, 9, s. 17.

Hrdlička M., 1998, Csiriková M., Česko-ruský slovník aktuálních pojmů z oblasti ekonomické, finanční, politické a právní. Praha 1997. *ToP*, 9, s. 43.

Hrdlička M., 1998, Iluzionistická metoda. *ToP*, 1998, 9, 6, s. 6.

Hrdlička M., 1998, Ještě k překladu frazeologizmů. *ToP*, 9, s. 17.

- Hrdlička M.**, 1998, Kavecká R. K., Lenčenko K. P., Cizojazyčná slova na stránkách současného tisku. *ToP*, 9, s. 43.
- Hrdlička M.**, 1998, prof. PhDr. Anton Popovič, DrSc. *ToP*, 9, s. 5.
- Hrdlička M.**, 1998, Systém odchylek překladatele. *ToP*, 9, s. 5.
- Hrdlička M.**, 1998, Zaměření překladu na čtenáře. *ToP*, 9, s. 12.
- Hrdlička M.**, 1999, Čmejrková S., Daneš F., Světlá J. Jak napsat odborný text. Praha 1999, 155 s. *ToP*, 11, s. 3.
- Hrdlička M.**, 1999, Jinakost, cizost v jazyce a literatuře. Ústí/L. 1999. *ToP*, 11, s. 1.
- Hrdlička M.**, 1999, Lepilová K., Verbální a neverbální komunikace. *ToP*, 10, s. 3.
- Hrdlička M.**, 1999, Překlad jako zrcadlo stylu originálu? *ToP*, 10, s. 1–5.
- Hrdlička M.**, 1999, Stručné dějiny uměleckého překladu na Slovensku. *ToP*, 10, s. 24.
- Hrdlička M.**, 1999, Vysloužilová a kol. Cvičebnice překladatelství a tlumočnictví. *ToP*, 10, s. 3.
- Hrdlička M.**, 2000, Aktual'nyje problemy mežkul'turnoj kommunikacii. Moskva 1999, 234 s. *ToP*, 11, s. 3.
- Hrdlička M.**, 2000, Homoláč J., Intertextovost a utváření smyslu textu. Praha, UK 1995. *ToP*, 11, s. 1.
- Hrdlička M.**, 2000, Chiméria prekladania. Bratislava 1999, 236 s. *ToP*, 11, s. 3.
- Hrdlička M.**, 2000, Jazyk a jeho užívání. Praha 1996, 315 s. *ToP*, 11, s. 11–12.
- Hrdlička M.**, 2000, K počátkům ruské vědecké terminologie. *Opera Slavica*, 10, s. 37–44.
- Hrdlička M.**, 2000, K překladatelským postupům. *ToP*, 11, s. 4.
- Hrdlička M.**, 2000, Karlík P., Krčmová M., Jazyk a kultura vyjadřování. Brno 1998, 215 s. *ToP*, 11, s. 3.
- Hrdlička M.**, 2000, Kontext. Překlad. Hranice. Praha 1996. *ToP*, 11, s. 1.
- Hrdlička M.**, 2000, Martincová O. a kol., Nová slova v češtině. Praha 1998, 360 s. *ToP*, 11, s. 3.
- Hrdlička M.**, 2000, Mounin O., Teoretické problémy překladu. Praha 1999, 265 s. *ToP*, 11, s. 1.

- Hrdlička M.**, 2000, Odborný text a jeho translace. *ToP*, 11, s. 54–59.
- Hrdlička M.**, 2000, Pojmový slovník managementu (česko-anglicko-německoruský). Ostrava 1999, 200 s. *ToP*, 11, s. 3.
- Hrdlička M.**, 2000, Savický N., Šišková R., Šloufová E., Rusko-český a českoruský slovník neologizmů. Praha 1999. *ToP*, 11, s. 1.
- Hrdlička M.**, 2000, Sipko J., Etnokulturnyj bazis rusko-slovackich perevodov. Prešov 1999. *ToP*, 11, s. 1.
- Hrdlička M.**, 2000, Šebesta K., Od jazyka ke komunikaci. Praha, UK 2000. *ToP*, 11, s. 1.
- Hrdlička M.**, 2000, Škvareninová O., Rečová komunikácia. Bratislava 1995. *ToP*, 11, s. 1.
- Hrdlička M.**, 2000, Tetradí perevodčika 24, Moskva 1999, 212 s. *ToP*, 11, s. 3.
- Hrdlička M.**, 2000, Valcerová-Bacogálová A., Vzťah a význam tvaru v prekladu poézie. Prešov 1999. *ToP*, 11, s. 1.
- Hrdlička M.**, 2001, K překladatelskému porovnání jazyků. *Opera Slavica*, 4, s. 1–6.
- Hrdlička M.**, 2001, Ke komunikaci a překladu jako komunikačnímu aktu. *ToP*, 12, s. 1–5.
- Hrdlička M.**, 2001, O komunikaci a překladu jako komunikačním aktu. *ToP*, 12, s. 1–5.
- Hrdlička M.**, 2001, Z rusko-českých zkratek. *ToP*, 12, s. 18–20.
- Hrdlička M.**, 2002, Kritéria hodnocení překladu a dynamika současné komunikace I. *ToP*, 13, s. 1–8.
- Hrdlička M.**, 2002, Kritéria hodnocení překladu II. *ToP*, 13, s. 1–6.
- Hrdlička M.**, 2003, Oč jde při překládání? *ToP*, 14, s. 6–7.
- Hrdlička M.**, 2005, Vavrečka M., Lednický V., Pojmový slovník managementu I-II. *ToP*, 16, s. 26–27.
- Hrdlička M.**, 2006, Co s obecnou češtinou?. *ToP*, 17, s. 62–64.
- Hrdlička M.**, 2008, Andrzej Swierczynski, Dobrosława Swierczynska, Slovník přísloví v devíti jazycích. *ToP*, 19, s. 15.
- Hrdlička M.**, 1997, Frazeologie a frazeologizmy jako překladatelský problém. *ToP*, 7, s. 2–6.

- Hudečková M.**, 2020, Literární postava Zachara Prilepina v kontextu nového realizmu. *Studia Slavica*, 24, s. 137–154.
- Jankovičová M.**, 2009, K otázce vymedzenia homoným v ruskej a slovenskej frazeológii. *Studia Slavica*, 13, s. 37–43.
- Jankovičová M.**, 2011, Eva Mrhačová a kolektiv, Západoslovanské paremiologické dědictví. *Studia Slavica*, 15, s. 361–362.
- Jelínek I.**, 2008, Den s překladem potřetí na FF OU. *ToP*, 19, s. 28–29.
- Jelínek I.**, 2022, Vladimir Majakovskij Poemy – Svazek I. Poznámky k překladu. *Protimluv: revue pro kulturu*, s. 57–59.
- Klymenko D.**, 2018, Próba analízy profíli w językowym obrazie ptaków pod kątem zmysłów i emocji. *Szkoła otwartego umysłu*, 9, s. 182–188.
- Lepilová K.**, 1995, Leoš Janáček a ruská literatura, hudba a kultura. *Opera Slavica*, 5, s. 50–52.
- Lepilová K.**, 1995, Pohádka je literární zážitek. *Čtenář*, s. 8–14.
- Lepilová K.**, 1998, 3. seminář k překladu a tlumočení. *Cizí jazyky*, 42, s. 29.
- Lepilová K.**, 1998, Česko-ruský slovník aktuálních pojmů z oblasti ekonomické; finanční a právní. *Opera Slavica*, 7, s. 69.
- Lepilová K.**, 1998, Forejtův Kapesní slovník rusko-český a česko-ruský ku potřebě obchodní a turistické. *Opera Slavica*, 7, s. 67–68.
- Lepilová K.**, 1999, A. S. Puškin jako symbol kultury nejen ruské ("Tvůrčí zrada" a recepce poetiky konce tisíciletí). *Opera Slavica*, 9, s. 16–26.
- Lepilová K.**, 1999, F. L. Čelakovský, A. S. Puškin a F. Chopin – zrozenci téže doby. *Opera Slavica*, 9, s. 48–49.
- Lepilová K.**, 1999, Puškinův Evžen Oněgin, Čajkovskij a Dvořák. *Opera Slavica*, 9, s. 45–47.
- Lepilová K.**, 2001, Nad koncepcemi člověka a poetikou současné ruské prózy (Ke studiím Galiny Binové). *Opera Slavica*, 11, s. 61.
- Lepilová K.**, 2002, Akcelerace řečové komunikace, nečtenářství a multimediální sféra. *ToP*, 13, s. 11.
- Lepilová K.**, 2002, Tzv. paralelní slovník a cizojazyčná komunikace s uměleckým textem. *Cizí jazyky*, s. 9.

- Likhachev S., Likhacheva T., Silchenkova L., Krivorotova E., Plesník L.,** 2020, Controlling Research Activity of Students by Digital Tools. *SHS Web of Conferences*, 79 (19. 08. 2020).
- Mikulášek M.,** 1998, Badatelská osobnost Franka Wollmanna (1888-1969). *Studia Slavica*, 4, s. 31–32.
- Mikulášek M.,** 2000, Umění interpretace a jeho "metanoia" na přelomu tisíciletí. Umění teorie a Zdeněk Mathauser (soubor statí k osmdesátinám prof. PhDr. Zdeňka Mathausera, DrSc. Zvláštní čas). *Slavia*, 69, 4, s. 411–418.
- Mikulášek M.,** 2002, Pozapomenuté osobnosti literárněvědné slavistiky – prof. PhDr. Josef Jirásek (1884–1972). *Universitas*, s. 20–21.
- Mikulášek M.,** 2004, "Sen" o cestě do "věčnosti". "Gnostický mýtus" a fenomén "iniciace" v románu-mýtu (Mistr a Markétka M. Bulgakova). *Studia Slavica*, 8, s. 115–134.
- Mikulášek M.,** 2008, Umění interpretace a jeho soudobé hermeneutické vědní paradigma. *Slavia, Česká slavistika, Příspěvky k XIV. mezinárodnímu sjezdu slavistů, Ochrid 10. – 16. 9. 2008.* 2008, 77, s. 277–291.
- Mikulášek M.,** 2009, Duchovní substance hermeneutické exegeze. *Studia Slavica*, 13, s. 113–120.
- Mikulášek M.,** 2009, K metodologii duchovědného paradigmatu umění interpretace. *Studia Humanitatis. Ars Hermeneutica, metodologie a theurgie hermeneutické interpretace II, supplementum recenzovaného vědeckého časopisu Studia Slavica*, 2, s. 7–20.
- Mikulášek M.,** 2010, Vědní paradigma *techné hermeneutiké* v myšlenkových korelacích Východu a Západu. *Slavia*, 79, s. 295–306.
- Mikulášek M.,** 2011, Východ a Západ v techné hermeneutiké a jeho duchovědném paradigmatu. *Studia Slavica*, 15, s. 29–41.
- Mrověcová L.,** 1997, Tendence ve vývoji současné ruštiny. Komerční ruština má zelenou. *Sborník prací OPF SU*, s. 139–142.
- Mrověcová L.,** 2000, Pensylvánská univerzita a výuka slovanských jazyků. *Cizí jazyky*, 43, s. 134–136.
- Mrověcová L.,** 2002, Specifika podnikatelské činnosti v Rusku. Exkurz do dějin podnikatelství v Rusku, I. *Acta academica karviniensia*, s. 177–184.
- Mrověcová L.,** 2004, Historie Petrohradské univerzity a charakter kateder anglistiky a slavistiky. *Studia Slavica*, 8, s. 275–280.

- Mrověcová L.**, 2009, Stylově příznakové neologizmy v ruských a českých ekonomických periodikách. *Acta academica karviniesia*, s. 155–167.
- Mrověcová L.**, 2011, Lexikálně-sémantická analýza nominací ruských obchodníků v historickém kontextu. *Studia slavica*, 15, s. 285–295.
- Mrověcová L.**, 2015, Vývojové tendence a inovace v českém a ruském lexiku sféry hotelnictví. *Studia Slavica*, 19, s. 183–197.
- Naldoniová L., Vorel J.**, 2010, Pavel Florenskij a Andrej Bělyj – magie slova a symbolu II. *Paideia: Philosophical Ejournal of Charles University*, 7, s. 1–13.
- Nedomová Z.**, 1999, Setkání s autory učebnice Raduga. *Cizí jazyk*, 42, s. 68.
- Nedomová Z.**, 1999, Sovremennyj russkij jazyk. Leksikologija. Leksikografija. *Opera Slavica*, 4, s. 48–51.
- Nedomová Z.**, 1999, Studia philologica. Rossica Slovaca. *Opera Slavica*, 2, s. 64–68.
- Nedomová Z.**, 2001, Zvyšování kvalifikace učitelů ruštiny. *Cizí jazyky*, 45, 5, s. 170–171.
- Nedomová Z.**, 2003, Jazykovědná rusistika na počátku nového tisíciletí. *Opera Slavica*, 13, s. 61–63.
- Nedomová Z.**, 2004, Zvyšování kvalifikace učitelů ruštiny 2. *Cizí jazyky*, 47, 5, s. 190.
- Nedomová Z.**, 2007, Aršin, versta, veršok (Staré ruské měrné jednotky ve frazeologii). *Studia Slavica*, 11, s. 175–179.
- Nedomová Z.**, 2011, Nesklonná substantiva v ruštině počátku 21. století. *Studia Slavica*, 15, s. 277–283.
- Nedomová Z.**, 2012, Strukturní typy nesklonných slov v ruštině a jejich ekvivalenty v češtině. *Studia Slavica*, 16, s. 377–385.
- Nedomová Z.**, 2013, Paparazzi, security, macho, guru, yeti – Nesklonná životná apelativa v ruštině a češtině. *Studia Slavica*, 17, s. 91–101.
- Nedomová Z.**, 2014, Pojmenování s analytickými adjektivy v současné ruštině a jejich české reflexe. *Studia Slavica*, 18, s. 233–244.
- Nedomová Z.**, 2015, Geneze nesklonných slov v ruštině. *Studia Slavica*, 19, s. 171–182.
- Nedomová Z.**, 2016, Dynamické změny současné ruštiny. *Studia Slavica*, 20, s. 117–129.

- Nedomová Z.**, 2017, Proměny nesklonných přejatých substantiv v současné ruštině. *Opera Slavica*, 27, s. 33–40.
- Nedomová Z., Jakl, D.**, 1998, V. mezinárodní konference o ruštině v obchodě. *Cizí jazyky*, 41, s. 139–139.
- Plesník L.**, 2018, K otázce terminologické nominace analytických adjektiv v současné ruštině, češtině a polštině. *Studia Slavica*, 21, s. 55–64.
- Plesník L.**, 2019, Pojmenování apozičního typu jako předobraz konstrukcí s komponenty v podobě tzv. analytických adjektiv (na dokladovém materiálu ruštiny). *Studia Slavica*, 23, s. 59–67.
- Rudincová B.**, 1995, Přednášky významných rusistů. *Cizí jazyky*, 39, s. 69.
- Rudincová B.**, 1996, Zkratky v textech s komerční tematikou (Glosář ruských zkratk organizací). *ToP*, 6, s. 24–27.
- Rudincová B.**, 1998, Certifikáty učitelům, překladatelům a sféře podnikání. *Cizí jazyky*, 42, s. 139.
- Rudincová B.**, 1998, Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica XLII, Bratislava 1995, 274 s. *Opera Slavica*, 8, s. 60–63.
- Rudincová B.**, 1999, Certifikáty pro sféru podnikání, překladatele a tlumočníky i pro učitele v praxi. *ToP*, 10, s. 31.
- Rudincová B.**, 2001, Komerční ruština v praxi. Šebestová V., Šebesta J. *Cizí jazyky*, 45, s. 175–176.
- Rudincová B.**, 2003, K některým typům ruských substantivních kompozit (analýza materiálu jazyka podnikatelské sféry). *Studia Slavica*, 7, s. 265–270.
- Rudincová B.**, 2004, Problematika neologizmů v ruštině v porovnání s češtinou. *Studia Slavica*, 8, s. 189–198.
- Rudincová B.**, 2012, Tendence v současné ruské slovtvorbě (analýza materiálu jazyka ekonomické sféry). *Studia Slavica*, 16, s. 367–375.
- Rudincová B., Dekanová E.**, Adjektivália v translačnom procese, FF UKF v Nitre, Nitra 2006, s. 126. *Studia Slavica*, 12, s. 251–252.
- Severa V.**, 1999, Sémantické pole: myšlenkové procesy 1. *ToP*, 10, s. 22–23.
- Severa V.**, 1999, Sémantické pole: myšlenkové procesy 2. *ToP*, 10, s. 14–15.
- Severa V., Turčín P.**, 1997, Jak se Vám pracuje s vaší učebnicí němčiny. *Cizí jazyky*, s. 48–50.
- Vavrečka M.**, 1997, A. Šišková, Rusko-český právní slovník. *ToP*, 8, s. 28.

- Vavrečka M.**, 1999, Ze závěrečných bakalářských prací na katedře rusistiky FF OU. *ToP*, 10, s. 46.
- Vavrečka M., Hrdlička M.**, 2000, Slovník cestovního ruchu a pojišťovnictví. *ToP*, 11, s. 15.
- Vavrečka M., Smiga A.**, 2004, Ke zdrojům jazykových bariér v česko-polské a česko-ruské komunikaci. *Studia Slavica*, 8, s. 181–188.
- Vilímek V.**, 2006, České a ruské slovníky gest. *Studia Slavica*, 10, s. 279–284.
- Vilímek V.**, 2006, Česko-ruský a rusko-český slovník managementu. *ToP*, 17, 6, s. 80.
- Vilímek V.**, 2008, Gromová E., Müglová D., (ed.) Preklad a kultúra 2. Univerzita Konštantína Filozofa, Nitra 2007. 600 s. *Studia Slavica*, 12, s. 249–250.
- Vilímek V.**, 2009, Parémie národů slovanských IV. *Studia Slavica*, 24, s. 337–338.
- Vilímek V.**, 2011, Lingvistický pohled na taktiky získávání časové rezervy při konsekutivním tlumočení. *Rossica Olomucensia*, 50, s. 113–119.
- Vilímek V.**, 2012, Hodnocení efektivity a rizikovosti taktik tvorby časové rezervy při tlumočení (na analýze rusko-českých příkladů). *Studia Slavica*, 16, s. 433–450.
- Vilímek V.**, 2012, Štefčík J., Metodická príprava na súdne tlmočenie. *ToP*, 23, s. 4.
- Vilímek V.**, 2013, Biloveský, V., Šuša, I. Banskobystrická translatológia. História – osobnosti – bibliografia (1997–2011), Banská Bystrica: Fakulta humanitných vied Univerzity Mateja Bela, 2012. 112 str. ISBN 978-80-557-0422-7. *Studia Slavica*, 17, s. 237.
- Vilímek V.**, 2013, Krystyna Jarzabek, Niewierbalne aspekty komunikacji w kształceniu slawistów, Katowice, Studio Noa 2010. 180 s. *Studia Slavica*, 17, s. 333.
- Vilímek V.**, 2014, Some problems of translation tuition praxeology within the framework of newly established translation disciplines in the Czech Republic. *Вестник славянских культур*, 6, 34, с. 98–106.
- Vilímek V.**, 2014, Zuzana Bohušová, Anita Hutková (eds.): Gegenwärtige Translationswissenschaft in der Slowakei slovak translation studies today – súčasná slovenská translatológia. *ToP*, 25, s. 16.

Vilímek V., 2018, Tradiční názvosloví lučního hospodaření na Morávce – etnolingvistický pohled. *Studia Slavica*, 22, s. 145–152.

Vilímek V., 2020, Za Igorem Morozovem. *Studia Slavica*, 24, s. 179–183.

Vilímek V., 2021, Příležitostné zlaté a stříbrné medaile věnované 30. výročí vyhlášení CHKO Poodří. *Poodří – Časopis obyvatel Horní Odry*, 24, s. 77–79.

Vilímek V., Makhortova T.Y., Sidorova I.G., 2019, A model of non-verbal communication means structuring: An intercultural aspect (On material of the Czech and Russian culture). *Science Journal of VolSU*, 18(3), s. 239–250.

Vilímek V., Vorel J., 2006, VI. mezinárodní studentská vědecká konference Slavica iuvenum na Katedře slavistiky. *Studia Slavica*, 10, s. 323–324.

Vilímek, V., 2022, Folk Etymology of Medical Plant Names in Těšín Silesia: A Probe into the Current State. *Вестник славянских культур*, 64 (Июнь), s. 78–86.

Vorel J., 2003, Stesk po ztraceném světě (Poraněné sny Vladimíra Odojevského). *Studia Slavica*, 7, s. 41–50.

Vorel J., 2004, Gogolovy Petrohradské povídky. Bloudění labyrintem a hledání středu. *Eslavística Complutense*, 4, s. 121–125.

Vorel J., 2004, O smyslu poznání (gnozeologie Andreje Bělého). *Studia Slavica*, 8, s. 85–92.

Vorel J., 2005, Andrej Bělyj – Kóřa Letajev (Cesta "kosmického básníka" k vědomí "Plnosti"). *Studia Slavica*, 9, s. 75–84.

Vorel J., 2006, "Symbolizmus výstupu", magický let na cestě jako modus poznání na noetické pouti hrdinů Bělého románu Petrohrad. *Studia Slavica*, 10, s. 41–54.

Vorel J., 2009, Město jako odraz stavu bytí Kosmu – metafyzika vody v Bělého románu Petrohrad. *Studia humanitatis. Ars hermeneuticaý Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace II, supplementum recenzovaného vědeckého časopisu Studia Slavica*, 13, s. 195–200.

Vorel J., 2010, Čas konce a obnovy. Motivy Apokalypsy v próze Julia Zeyera a Andreje Bělého. *Slavia*, 79, s. 334–346.

Vorel J., 2011, D. S. Merežkovskij – od dekadence k teurgii. *Studia Slavica*, 15, s. 65–78.

Vorel J., 2012, Brjusovovy klíče k tajemstvím. *Studia Slavica*, 16, s. 223–239.

- Vorel J.**, 2013, Teurgický element slova v estetickém systému Andreje Bělého. *Poznańskie Studia Slawistyczne*, 4, s. 192–204.
- Vorel J.**, 2014, Psychoanalytický přístup v esteticko-filozofických koncepcích ruského a českého symbolizmu. *Studia Slavica*, 17, s. 49–60.
- Vorel J.**, 2014, Teurgický princip v českém a ruském symbolizmu. *Studia Slavica*, 18, s. 51–58.
- Vorel J.**, 2015, Umění a religiozita v esteticko-filozofickém systému Dmitrije Sergejeviče Merežkovského. *Poznańskie Studia Slawistyczne*, s. 377–390.
- Vorel J.**, 2016, Julius Zeyer – "Stavitel chrámu" a "Jan Křtitel západoslovan-ského literárního symbolizmu" (Ke konstituování esteticko-filozofického káno- nu). *Oriens Aliter*, 1, s. 53–71.
- Vorel J.**, 2016, Metafyzika prostoru v kontextu ruského symbolizmu (P. Floren- skij a A. Bělyj: mezi filozofií a uměleckou projekcí). *Studia Slavica*, 20, s. 19– 32.
- Vorel J.**, 2019, From Decadence to Teurgy (Connections in Genesis of Czech and Russian Literature at the End of 19th and Beginning of 20th Century). *Philological class*, 2(56), s. 17–21.
- Vorel J.**, 2019, Mezi idealistickým a realistickým symbolizmem. *Studia Slavica*, 23, s. 15–26.
- Vorel J.**, 2020, Arthur Rimbaud a Andrej Bělyj ve víru verbální magie. *Studia Slavica*, 24, s. 15–31.
- Vorel J.**, 2020, Genesis of Czech Decadence and Symbolism Towards Theurgy. *Bohemistyka*, s. 367–382.
- Vorel J.**, 2021, From Searching for Cultural Integrity to Symbolism of Temple Building and the Organic Picture of Reality. *Bohemistyka*, 21, s. 437–457.
- Vorel J.**, 2021, Hidden Affinities Of Andrey Bely And Otokar Březina. *Studia Slavica*, 25, s. 3–18.
- Vorel J., Fucimanová M.**, 2018, Smysl umění v esteticko-filozofickém systému Andreje Bělého a Bruna Schulze. *Studia Slavica*, 22, s. 25–36.
- Zimek R.**, 1998, Památce doc. PhDr. Zdeňka Oliveria, DrSc. (ke 20. výročí jeho úmrtí). *Opera Slavica*, 8, s. 45–48.
- Zimek R.**, 1998, Význam Isačenkovy interpretace morfologických kategorií ve vztahu k syntaxi. *Slavia*, s. 25–37.

Zimek R., Brandner A., Purm R., 1998, Mezinárodní rusistická konference (Bratislava 1997). *Opera Slavica*, 8, s. 41–45.

Д. Статья в сборнике

Богочова А., 2020, К вопросу о переводе медицинской терминологии. In: *Studenckie przestrzenie przekładu*. J. Lubocha-Kruglik, O. Małyśa, G. Wilk (eds.). Katowice: Instytut Językoznawstwa Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach, s. 23–34.

Богочова А., 2020, Развитие русской медицинской терминологии. In: *Slavica iuvenum XXI*. Ostrava: FF OU, s. 31–41.

Вавречка М., 1994, Полисемия глаголов в толковых словарях. In: *Rossica Ostraviensia 1994*. Ostrava: FF OU, s. 65–72.

Вавречка М., 1995, Компьютерный фонд русского делового подъязыка. In: *Rossica Ostraviensia 1995*. Ostrava: FF OU, s. 53–57.

Вавречка М., 1996, Современные чешские переводные словари. In: *Rossica Ostraviensia 1996*. Ostrava: FF OU, s. 141–148.

Вавречка М., 1997, Актуальные процессы в русской лексике. In: *Rossica Ostraviensia 1997*. Ostrava: FF OU, s. 53–56.

Вавречка М., 1998, Интерференция в обучении русскому языку чешских студентов. In: *Rossica Ostraviensia 1998*. Ostrava: FF OU, s. 13–20.

Вавречка М., 1999, Коммуникативные барьеры в речи гида-переводчика. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 1999*. Ostrava: FF OU, s. 11–18.

Вавречка М., 2000, Лексические барьеры в чешско-русской коммуникации. In: *Inovace postgraduální přípravy učitelů ruštiny*. Ostrava: FF OU, 2000, s. 9–17.

Вавречка М., 2000, Языковые барьеры в речи переводчика. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2000*. Ostrava: FF OU, s. 73–78.

Вавречка М., 2001, Коммуникативные барьеры в русско-чешском общении. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2001*. Ostrava: FF OU, s. 91–98.

Вавречка М., 2002, К ресурсам языковых барьеров в русско-чешском общении. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2002*. Ostrava: FF OU, s. 123–130.

Вавречка М., 2003, Языковые барьеры в деловом общении. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2003*. Ostrava: FF OU, s. 119–122.

Вавречка М., 2004, К ресурсам языковых барьеров в лексической сочетаемости слов. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2004*. Ostrava: FF OU, s. 115–122.

Вавречка М., 2004, Языковые барьеры в чешско-русской деловой коммуникации. In: *Русская речь в современном вузе*. Орёл, СТУ Орёл, с. 31–35.

Вавречка М., 2005, Ресурсы языковых барьеров в чешско-русской коммуникации. In: *Взаимодействие русского литературного языка и территориальных диалектов*. Волгоград: Издательство ВолГУ, с. 109–116.

Вайдо В., 2018, Лексика из области строительного производства в русском и чешском языках, сходства и различия. In: *Русский язык в славянском мире: история и современность*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, с. 66–74.

Ворел Я., 2003, Проь мифа в романе «Петербург» Андрея Белого. In: *Русисты Остравского университета X конгрессу МАПРЯЛ*. Ostrava: FF OU, s. 46–50.

Грдличка М., 2003, Переводческие аспекты межкультурной коммуникации. In: *Русисты Остравского университета X конгрессу МАПРЯЛ*. Ostrava: FF OU, s. 4–6.

Елинек И., 2004, Авторская песня в постмодернистском мире. In: *Dialog kultur III*. Hradec Králové: Oftisk, s. 245–253.

Зимек Р., 1995, Национально-культурная специфика речевого поведения русских и нерусских. In: *Rossica Ostraviensia 1995*. Ostrava: FF OU, s. 14–27.

Зимек Р., 1996, Синтаксическая синонимия и смежные явления. In: *Rossica Ostraviensia 1996*. Ostrava: FF OU, s. 11–24.

Зимек Р., 1997, Англоамериканизмы – новый пласт лексики сегодняшнего русского языка. In: *Rossica Ostraviensia 1997*. Ostrava: FF OU, s. 69–74.

- Зимек Р.**, 1997, Основные идеи этнопсихолингвистики. In: *Rossica Olomucensia XXXVI*. Olomouc: FF UP Olomouc, s. 143–152.
- Зимек Р.**, 1998, Изменения в стилистическом характере современной русской публицистики (перестроечного и постсоветского периода). In: *Rossica Olomucensia XXXVII*. Olomouc: UP Olomouc, s. 111–116.
- Зимек Р.**, 1998, Путеводитель как специфический стилевой жанр смешанного характера. In: *Rossica Ostraviensia 1998*. Ostrava: FF OU, s. 43–52.
- Зимек Р.**, 1999, Англо-американские выражения в современном русском языке – их плюсы и минусы. In: *Vystoupení členů katedry rusistiky na IX. Mezinárodním kongresu MAPRJAL*. Ostrava: FF OU, s. 9–12.
- Зимек Р.**, 1999, Характеристика речевого поведения гида. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 1999*. Ostrava: FF OU, s. 47–51.
- Купцевич Е.**, 2003, Использование коммуникативно-игровых заданий и ситуаций на уроках русского языка как иностранного. In: *Русисты Остравского университета X конгрессу МАПРЯЛ*. Ostrava: FF OU, s. 7–14.
- Купцевич Е.**, 2004, Применение и функции паремий. In: *Ukrajnistika – minulosť, prítomnosť, budúcnosť*. Vrno: MU, s. 161–166.
- Купцевич Е.**, 2007, Фразеологизмы и паремии украинского языка как обучающее средство. In: *Рідне слово в етнокультурному вимірі: зб. наук. праць*. Дрогобыч: Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, с. 295–300.
- Купцевич Е.**, 2010, Прозвища святых в русском народном календаре, пословицах и поговорках. In: *Parémie národů slovanských V*. Ostrava: FF OU, s. 87–96.
- Купцевич Е.**, 2010, Работа над формированием орфографических умений и навыков студентов. In: *Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания*. Будапешт: Российский культурный центр.
- Лепилова К.**, 1993, Дисциплина «Русская культура». In: *Rossica Ostraviensia 1993*. Ostrava: FF OU, s. 131–139.
- Лепилова К.**, 1994, Оптимизация учебного текста «Очерк русской культуры». In: *Rossica Ostraviensia 1994*. Ostrava: FF OU, s. 107–116.
- Лепилова К.**, 1995, Роль дисциплины «Родной язык» и «Невербальная коммуникация». In: *Rossica Ostraviensia 1995*. Ostrava: FF OU, s. 161–168.

Лепилова К., 1996, Антропологическое и сравнительное восприятие культуры. In: *Kulturologické aspekty vyučovania*. Nitra: UKF, s. 85–89.

Лепилова К., 1996, Речевая тактика в устной бизнес-коммуникации переводчика. In: *Rossica Ostraviensia 1996*. Ostrava: FF OU, s. 199–206.

Лепилова К., 1997, Бизнес-коммуникация для бакалавров-переводчиков. In: *Особенности лингвистической подготовки кадров в сфере предпринимательства*. Москва: Финансовая академия. с. 56–57.

Лепилова К., 1997, Пауза (молчание) и ритм в речевом, вербальном и невербальном общении. In: *Rossica Ostraviensia 1997*. Ostrava: FF OU, s. 169–174.

Лепилова К., 1998, Автоответчик и краткая устная информация (Типы речевой тактики путеводителя и переводчика). In: *Rossica Ostraviensia 1998*. Ostrava: FF OU, s. 69–76.

Лепилова К., 1999, Акцелерация и речь мультимедиа в сфере бизнеса (Иноязычная речевая коммуникация как филологический проект). In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 1999*. Ostrava: FF OU, s. 65–70.

Лепилова К., 1999, Бизнес-коммуникация, интернет, новая грамота. In: *Slavica Quinqueecclesiensia V*. Печс: Janus Pannonius tudományegyetem, s. 239–244.

Лепилова К., 2000, Акцелерация речи рекламы в маркетинге (Образ, слово, адресат). In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2000*. Ostrava: FF OU, s. 39–44.

Лепилова К., 2001, Дистанция как пространственно-временная категория информации (мобильный телефон, e-mail). In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2001*. Ostrava: FF OU, s. 45–50.

Лепилова К., 2003, А.С. Пушкин как символ русской культуры (Традиция чешской рецепции и межкультурный диалог перелома века). In: *Болдинские чтения*. Нижний Новгород: Издательство «Вектор-ТиС», с. 38–48.

Маршик Л., 2017, Интернациональные эпонимы в русском, польском и чешском языках. In: *Slavica iuvenum XVIII*. Ostrava: FF OU, s. 50–60.

Матыашкова Г., 2022, К вопросу о современном научном стиле в области естественных наук (в сопоставительном русско-чешском плане). In: *Slavica iuvenum XXIII*. Ostrava: FF OU, s. 153–161.

Мрвецова Л., 2000, Опыт работы по подготовке студентов к международному экзамену «Бизнес и коммерция». In: *Rossica Olomucensia XXXVIII*. Olomouc: FF UP, s. 587–590.

Мрвецова Л., 2001, Новые учебные пособия по русскому языку для иностранцев, изучающих экономику и бизнес в вузах в современном Санкт-Петербурге. In: *Sborník příspěvků z konference Profilingua 2001*. Plzeň: ZČU, s. 391–402.

Мрвецова Л., 2005, Актуальные эмоционально окрашенные коммерческие термины в современной русской и чешской экономической печати. In: *Lingua et communicatio in sphaera culturae 2005*. Ostrava: FF OU, s. 93–97.

Мрвецова Л., 2005, Фразеологические единицы в современных русских и чешских периодиках. In: *Rossica Olomucensia*. Olomouc: FF UP, s. 470–478.

Мрвецова Л., 2007, Обучение деловому русскому языку – новая форма обучения e-Learning. In: *Мир русского слова и русское слово в мире, том 3 – Русский язык: Диахрония и динамика языковых процессов. Функциональные разновидности русского языка*. Sofia: Heron Press Sofia, с. 430–436.

Мрвецова Л., 2007, Чешский язык для иностранных студентов, говорящих на русском языке I. In: *VIII Славистические чтения. Славянская филология в современной системе университетского образования*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, с. 199–205.

Мрвецова Л., 2008, Новое учебное пособие «Русский язык в торговле» In: *Rossica Olomucensia*. Olomouc: FF UP, s. 237–241.

Мрвецова Л., 2008, Электронное учебное пособие «Русский язык в сфере бизнеса I». In: *Lingua et communicatio ... 2008*. Ostrava: FF OU, s. 115–125.

Мрвецова Л., Руберова И., 1999, «Бизнес-курс для деловых людей» – учебное пособие для подготовки будущих переводчиков в области экономики, торговли и сферы услуг. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 1999*. Ostrava: FF OU, s. 83–84.

Недомова З., 1997, Актуальные проблемы лингводидактики подъязыка бизнеса. In: *Rossica Ostraviensia 1997*. Ostrava: FF OU, s. 147–150.

Недомова З., 1997, Новое в лингводидактике. In: *Transformace rusistického vzdělávání (Alternativy výuky konce tisíciletí)*. Ostrava: FF OU, s. 40–43.

Недомова З., 1998, К вопросу официально-делового стиля русского языка и системы его обучения в Остравском университете. In: *Rossica Olomucensia XXXVII*. Olomouc: FF UP, s. 327–331.

Недомова З., 1998, Русские дробные числительные в сопоставлении с чешским. In: *Porovnávací opis statiky a dynamiky súčasného ruského jazyka z teoretického a praktického hľadiska*. Bratislava: FF UK, s. 83–87.

Недомова З., 1999, Единицы измерения в коммерческих и технических текстах. In: *Vystoupení členů katedry rusistiky na IX. Mezinárodním kongresu MAPRJAL*. Ostrava: FF OU, s. 23–29.

Недомова З., 1999, Несчётное количество туристов? (Средства выражения неопределённой множественности в текстах путеводителей). In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 1999*. Ostrava: FF OU, s. 75–78.

Недомова З., 2000, Гид, знающий с десятков слов? (Способы выражения приблизительного количества в текстах по турбизнесу). In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2000*. Ostrava: FF OU, s. 49–54.

Недомова З., 2000, К характеру количественной информации в коммерческих текстах. In: *Slavica Quinqueecclesiensia VI*. Pecs: PTE BTK, s. 163–169.

Недомова З., 2001, Коммуникативные барьеры на синтаксическом уровне. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2001*. Ostrava: FF OU, s. 59–62.

Недомова З., 2002, К функции количественной информации в текстах делового характера. In: *Jazykovědná rusistika na počátku nového tisíciletí*. J. Gazda (ed.). Brno: FF MU, s. 131–136.

Недомова З., 2002, Язык рекламы банков в РФ и ЧР. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2002*. Ostrava: FF OU, s. 95–100.

Недомова З., 2003, Банковское дело глазами лингвиста (предикаты моделей русского языка в сопоставлении с чешским). In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2003*. Ostrava: FF OU, s. 109–114.

Недомова З., 2003, К некоторым особенностям выражения количественных отношений в русском языке в сопоставлении с чешским (на словообразовательном уровне). In: *X международный конгресс МАПРЯЛ: Русское*

слово в мировой культуре. Санкт-Петербург: Политехника издательство, с. 146–152.

Недомова З., 2003, К некоторым особенностям русского и чешского языков в области выражения количественных отношений. In: *Philologica LVII. Tradície a perspektívy rusistiky*. Bratislava: UK, s. 87–92.

Недомова З., 2003, К особенностям выражения количественных отношений в русском языке в сопоставлении с чешским (на словообразовательном уровне). In: *Русисты Остравского университета X конгрессу МАПРЯЛ*. Ostrava: FF OU, s. 31–36.

Недомова З., 2005, О специфических чертах количественной информации в русской и чешской публицистике. In: *Język i rzeczywistość. Rusystyczne studia konfrontacyjne*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, s. 292–298.

Недомова З., 2007, Как изменяется грамматика русского языка наших дней. In: *Русская словесность в контексте мировой культуры. Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, с. 315–319.

Недомова З., 2007, Некоторые активные процессы в грамматике русского языка начала XXI века. In: *Dialog kultur IV*. O. Richterek (ed.). Ústí nad Orlicí: Oftis, s. 85–89.

Недомова З., 2008, Сенсации, слухи, сплетни, скандалы и др. In: *Lingua Rossica et communicatio... 2008*. Ostrava: FF OU, s. 125–138.

Недомова З., 2009, Динамика развития несклоняемости существительных в современном русском языке. In: *Новые направления в изучении лексикологии, словообразования и грамматики начала XXI века*. Самара: Издательство Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, с. 147–151.

Недомова З., 2009, Несклоняемые существительные иноязычного происхождения на полосах газет и журналов. In: *Rossica Olomucensia XLVIII*. Olomouc: UP, s. 155–158.

Недомова З., 2009, Несклоняемые существительные на рубеже веков. In: *Príspevky k aktuálnym otázkám jazykovedné rusistiky (3)*. J. Gazda (ed.). Brno: Tribun EU, s.r.o, s. 119–124.

Недомова З., 2009, Проявления аналитизма в современном русском языке. In: *Hľadanie ekvivalentnosti IV*. Prešov: FF PU, s. 181–189.

Недомова З., 2018, Место несклоняемых существительных в терминологии русского и чешского языков. In: *Русский язык в славянском мире: история и современность*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, с. 184–193.

Недомова З., Рудинцова Б., 2005, Коммуникативная грамматика в обучении студентов-бакалавров. In: *Sborník příspěvků z konference Profilingua 2005*. Plzeň: Západočeská univerzita, s. 322–325.

Недомова З., Якл Д., 1996, Актуальный уровень знаний по русскому языку (Тестирование бакалавров на первом и третьем курсах). In: *Rossica Ostraviensia 1996*. Ostrava: FF OU, s. 61–67.

Плесник Л., 2013, Проблематика экзонимов и эндонимов и их мемориальный мотив в топонимике. In: *Slavica iuvenum XIV*. Ostrava: FF OU, s. 141–146.

Плесник Л., 2016, Греко-латинские квазипрефиксальные терминологические элементы как база терминологического словообразования в русском языке. In: *Slavica iuvenum XVII*. Ostrava: FF OU, s. 70–79.

Плесник Л., 2016, Несклоняемые прилагательные как результат прогрессивной тенденции аналитизма в современном русском языке. In: *Prace naukowe młodych filologów Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Śląskiego z udziałem studentów i doktorantów z polskich i zagranicznych uczelni III*. A. Gasz, G. Wilk (eds.). Katowice: Uniwersytet Śląski w Katowicach, s. 88–96.

Плесник Л., 2017, Квазипрефиксальные греко-латинские терминологические элементы в современном русском и чешском языках. In: *Русистика: русский язык, культура и литература*. Т. Фед, И. Георгиева, Д. Янкова (eds.). София: Новый болгарский университет, с. 110–118.

Плесник Л., 2018, К вопросу формирования грамматической компетенции РКИ (на примере чешских обучающих материалов «Радуга по-новому» и «Класс!»). In: *Русский язык в славянском мире: история и современность*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, с. 213–223.

Плесник Л., 2021, Применение платформы Яндекс.Карты в обучении РКИ (на примере среднего образования Чехии). In: *Менеджмент в образовании: достижения, вызовы, перспективы*. Москва: Московский городской педагогический университет, с. 158–163.

Рудинцова Б., 1995, Аббревиатуры в русских текстах из сферы бизнеса. In: *Text i slovník w nauczaniu języka i literatury rosyjskiej*. Opole: Uniwersytet Opolski, s. 103–106.

Рудинцова Б., 1995, Принципы построения пособия по функциональной грамматике русского языка для студентов-бакалавров. In: *Rossica Ostraviensia 1995*. Ostrava: FF OU, s. 130–135.

Рудинцова Б., 1997, Место аббревиатур в русских и чешских газетных текстах. In: *Rossica Olomucensia XXXVI*. Olomouc: UP, s. 99–104.

Рудинцова Б., 1997, Функциональная грамматика. In: *Transformace rusistického vzdělávání. (Alternativy výuky konce tisíciletí)*. Ostrava: FF OU, s. 33–39.

Рудинцова Б., 1998, Некоторые структурные типы наименований в русском коммерческом языке (семантико-словообразовательная характеристика с учётом морфолого-синтаксического аспекта). In: *Rossica Ostraviensia 1998*. Ostrava: FF OU, s. 93–100.

Рудинцова Б., 1999, Аналитизмы в современном русском деловом языке (анализ материала текстов из сферы бизнеса и делопроизводства). In: *IX международный конгресс МАПРЯЛ. Тезисы докладов и сообщений: Русский язык, литература, культура на рубеже веков*. Bratislava: Univerzita Bratislava, s. 152–153.

Рудинцова Б., 1999, Аналитизмы в современном русском деловом языке (анализ материала текстов из сферы бизнеса и делопроизводства). In: *Vystoupení členů katedry rusistiky na IX. Mezinárodním kongresu MAPRJAL*. Ostrava: FF OU, s. 33–38.

Рудинцова Б., 1999, Проявление интерференции в области лексики и грамматики в тексте путеводителя. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae 1999*. Ostrava: FF OU, s. 85–90.

Рудинцова Б., 2001, Процессы номинации и языковые барьеры. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercatura 2001*. Ostrava: FF OU, s. 67–70.

Рудинцова Б., 2002, Активизация некоторых словообразовательных типов в современном русском и чешском языках. In: *Aktuálne otázky lingvometodického výzkumu ruského jazyka*. Nitra: FF UKF, s. 155–164.

Рудинцова Б., 2002, К характеристике русских рекламных текстов. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae 2002*. Ostrava: FF OU, s. 105–110.

Рудинцова Б., 2002, Процессы универбизации в современном русском языке. In: *Jazykovědná rusistika na počátku nového tisíciletí*. J. Gazda (ed.). Brno: FF MU, s. 192–200.

Рудинцова Б., 2003, К вопросу коммуникативных барьеров в текстах из сферы турбизнеса. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae 2003*. Ostrava: FF OU, s. 115–117.

Рудинцова Б., 2003, Процессы номинации и коммуникативные барьеры. In: *Русисты Остравского университета X конгрессу МАПРЯЛ*. Ostrava: FF OU, s. 37–40.

Рудинцова Б., 2004, Модели рекламного текста. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae 2004*. Ostrava: FF OU, s. 111–114.

Рудинцова Б., 2005, Аббревиатуры в языке делового общения. In: *VI Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, с. 206–212.

Рудинцова Б., 2005, К вопросу об образовании и употреблении существительных названий действия в современном русском и чешском языках. In: *Język a rzeczywistość. Rusycystyczne studia konfrontatywne*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, s. 59–67.

Рудинцова Б., 2007, К вопросу продуктивных словообразовательных типов в современном русском языке делового общения. In: *Dialog kultur IV*. O. Richterek (ed.). Ústí nad Orlicí: Oftis, s. 73–77.

Рудинцова Б., 2007, Некоторые продуктивные типы сложных имён существительных в современном русском языке. In: *Русская словесность в контексте мировой культуры. Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, с. 377–380.

Рудинцова Б., 2009, Некоторые активные процессы в современном русском словообразовании. In: *Hľadanie ekvivalentnosti IV*. Prešov: FF PU, s. 212–219.

Рудинцова Б., 2013, Закон языковой экономии и его проявление в современном русском языке. In: *Dialog kultur VII*. O. Richterek, M. Půža (eds.). Hradec Králové: UHK, s. 45–51.

Стенхлакова М., 2022, К вопросу о словоизменении имени прилагательного в русском, польском и словацком языках. In: *Slavica iuvenum XXII*. Ostrava: FF OU, s. 205–212.

Якл Д., 1997, Проблемы обучения переводу, культурологии и речевой коммуникации. In: *Rossica Ostraviensia 1997*. Ostrava: FF OU, s. 189–190.

Янковичова М., 2009, Русские просторечные фраземы и их словацкие эквиваленты. In: *Rossica Olomucensia XLVIII*. Olomouc: UP, s. 313–317.

Янковичова М., 2010, Русские безэквивалентные фраземы и словацкие фразеологические лакуны. In: *Язык и культура. Материалы Международной научной конференции*. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, с. 186–190.

Jakl D., 1997, J. Zamjatin v české a slovenské literárnej kritike. In: *História vyučovania ruštiny na Slovensku*. Prešov: PU, s. 199–204.

Jankovičová M., 2009, Pohyby rúk v slovenskej a ruskej frazeológii. In: *Актуальные проблемы обучения русскому языку IX*. Brno: MU, s. 73–79.

Lepilová K., 1995, Artistic translation and its addressee (Young reader). In: *Acta Universitatis Carolinae. Philologica 2*. Praha: FF UK, s. 23–28.

Lepilová K., 1997, Komunikace ve sféře byznysu a bakalářské studium ruštiny. In: *Vzdelávanie v meniacom sa svete*. Nitra: UKF, s. 172–174.

Lepilová K., 2000, Akcelerace řeči v multimediální sféře. In: *Inovace postgraduální přípravy učitelů ruštiny*. Ostrava: FF OU, s. 85–89.

Lepilová K., 2001, Adresát (žák) – řečová komunikace – učitel na přelomu tisíciletí. In: *Inovace pregraduální a postgraduální přípravy učitelů ruštiny*. Ostrava: FF OU, s. 45–54.

Lepilová K., 2001, Akcelerace v naraci při konkretizaci uměleckého textu. In: *Litteraria humanitas*. Brno: FF MU, s. 133–142.

Lepilová K., 2002, Dynamika cizojazyčné řečové komunikace ve sféře podnikání. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2002*. Ostrava: FF OU, s. 9–18.

Lepilová K., 2003, Ohlédnutí – 1993 a výhledy – 2003. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2003*. Ostrava: FF OU, s. 9–16.

- Lepilová K.**, 2004, Potřebnost teorie (interdisciplinárnost a modely řečové situace). In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2004*. Ostrava: FF OU, s. 87–92.
- Lepilová K.**, 2005, Showbyznys a mobilománie (interkulturní komunikace). In: *Lingua et communicatio in sphaera culturae 2005*. Ostrava: FF OU, s. 81–86.
- Lepilová K.**, 2008, Koloběh života? (Lingua et communicatio inter scientiam et educationem). In: *Lingua Rossica et communicatio... 2008*. Ostrava: FF OU, s. 87–99.
- Mrhačová E.**, 1993, Obecná čeština a překlad. In: *Rossica Ostraviensia 1993*. Ostrava: FF OU, s. 83–88.
- Mrověcová L.**, 2000, Profesní jazyk v rámci cizojazyčné výuky (ruština, španělština). In: *Sborník prací z mezinárodní konference*. Opava: OPF SU, s. 693–699.
- Mrověcová L.**, 2001, Kompozita analyticko-adjektivního typu v komerčních textech jako výsledný produkt při procesu univerbizace. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2001*. Ostrava: FF OU, s. 45–51.
- Mrověcová L.**, 2001, Reklama v současném Sankt-Peterburgu. In: *Sborník prací z mezinárodní konference*. Opava: SU Opava, s. 338–347.
- Mrověcová L.**, 2004, Analýza a komparace aktuálních a produktivních kvazikompozit v současném ruském a českém ekonomicko-komerčním tisku. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica. Britannica. Germanica. Rossica Ostraviensia 2004*. Ostrava: FF OU, s. 93–96.
- Mrověcová L.**, 2004, Nominace některých nových výrobků z oblasti elektrotechniky v ruské a české reklamě. In: *Eurolingua & Eurolitteraria*. Liberec: TU Liberec, s. 179–186.
- Mrověcová L.**, 2005, Produktivní internacionální afíxy v ruštině a češtině sféry obchodu a podnikání. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (2)*. Brno: Ústav slavistiky FF MU, s. 70–77.
- Mrověcová L.**, 2006, Analýza nominací domácích elektrospotřebičů v současné ruštině, češtině a slovenštině (ve srovnávacím aspektu). In: *Hľadanie ekvivalenosti III*. Prešov: PU, FF, s. 628–640.
- Mrověcová L.**, 2008, Abreviatyry názvů podniků, firem a institucí v současných ruských a českých periodikách: (synchronně-konfrontační analýza). In: *Acta academica karviniensia*. Karviná: OPF SU, s. 128–142.

Mrověcová L., 2009, Pojmenování nových profesí a pozic v oblasti ekonomiky a podnikání: v rusko-českém srovnávacím plánu. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (3)*. Brno: Ústav slavistiky FF MU, Tribun EU, s. 154–163.

Mrověcová L., 2009, Pojmenování nových profesí a pozic v oblasti ekonomiky a podnikání (v rusko-českém srovnávacím plánu). In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (3)*. J. Gazda (ed.). Brno: Tribun EU, s.r.o., s. 154–162.

Mrověcová L., 2010, E-learningová výuka cizích jazyků v distanční formě studia. In: *IV. vedecká mezinárodní konferencia Medzinárodné vzťahy*. Bratislava: Ekonóm, 2010.

Mrověcová L., 2010, Některé aktuální frazémy v ruských a českých ekonomických periodikách komentující realitu nové tržní ekonomiky. In: *Odkazy a výzvy modernej jazykovej komunikácie. Zborník príspevkov zo 7. medzinárodnej vedeckej konferencie*. Banská Bystrica: FHV UMB, s. 91–104.

Mrověcová L., 2013, Analýza některých frazémů s komponentem „práce“/“rabota“ v češtině a ruštině. In: *Dialog kultur VII*. O. Richterek, M. Půža (eds.). Hradec Králové: UHK, s. 205–213.

Mrověcová L., 2013, Mezinárodní projekt l-pack v zahajovací etapě: Citizenship Language Pack for Migrants in Europe. In: *Sborník příspěvků ze závěrečného semináře projektu L-Pack Citizenship Language Pack for Migrants in Europe*. SU OPF, s. 11-19.

Mrověcová L., 2013, Rozvíjení komunikativních / komunikačních kompetencí migrantů prostřednictvím L-Packu. In: *Sborník příspěvků ze závěrečného semináře projektu L-Pack Citizenship Language Pack for Migrants in Europe*. Karviná: SU OPF, s. 32–38.

Nedomová Z., 1999, Konstrukce vyjadřující přesný rozměr v ruských komerčních textech. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky*. J. Gazda (ed.). Brno: FF MU, s. 50–54.

Nedomová Z., 2005, Konfrontační analýza valence ruských a českých sloves v textech podnikatelské sféry jako zdroje komunikačních bariér. In: *Dialog kultur III*. O. Richterek (ed.). Ústí nad Orlicí: Oftis, s. 87–90.

Nedomová Z., 2005, Myšlenky profesora Rudolfa Zimka nás stále inspirují. In: *Lingua et communicatio in sphaera culturae 2005*. Ostrava: FF OU, s. 15–17.

Nedomová Z., 2006, Krátká exkurze do Slovanské knihovny (Skutečný ráj pro českého učitele ruského jazyka). In: *Inovace pregraduální a postgraduální přípravy učitelů ruštiny* (CD-ROM). Ostrava: FF OU, s. 5–10.

Nedomová Z., 2013, Nesklonná přejatá neutra jako projev tendence k analytismu v současné ruštině. In: *Dialog kultur VII*. O. Richterek, M. Půža (eds.). Hradec Králové: UHK, s. 34–44.

Nedomová Z., 2015, Historická metonymie jako zdroj nesklonných substantiv v ruštině. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (4)*. J. Gazda (ed.). Brno: Česká asociace slavistů. Ústav slavistiky FF MU, s. 105–115.

Plesník L., 2015, Analytická adjektiva v ruštině včera a dnes. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (4)*. J. Gazda (ed.). Brno: Česká asociace slavistů, Ústav slavistiky FF MU, s. 117–123.

Rudincová B., 1993, Gramatika v bakalářském studiu komerční a průvodcovské ruštiny. In: *Rossica Ostraviensia 1993*. Ostrava: FF OU, s. 168–172.

Rudincová B., 1998, Pojmenování apozitivního typu v současném ruském jazyce. In: *Porovnávací opis statiky a dynamiky současného ruského jazyka*. Bratislava: UK, s. 129–133.

Rudincová B., 1999, Sdružená pojmenování v komerční ruštině a jejich české ekvivalenty. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky*. J. Gazda (ed.). Brno: FF MU, s. 45–49.

Rudincová B., 2002, Jazykové bariéry a způsoby jejich překonávání (analýza chyb studentů na gramatické úrovni ruského jazyka). In: *Problematika výběru učiva pro vyučování ruštině v české škole, otázky jeho prezentace a nácvičku v učebnicích (učebních pomůckách) a při vlastním vyučovacím procesu*. Hradec Králové: Gaudeamus, s. 77–82.

Rudincová B., 2003, Analýza chyb v písemném projevu současných studentů rusistiky. In: *Text a dialog (Cizojazyčná řečová komunikace)*. Ostrava: FF OU, s. 37–40.

Rudincová B., 2005, Perspektivy funkční gramatiky. In: *Lingua et communicatio in sphaera culturae 2005*. Ostrava: FF OU, s. 11–13.

Rudincová B., 2009, Prefixoid evro- jako komponent ruských hybridních kompozit. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (3)*. J. Gazda (ed.). Brno: Tribun EU, s.r.o., s. 20–24.

Rudincová B., 2015, Slovo tvorný potenciál přejímek v současné ruštině. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (4)*. J. Gazda (ed.). Brno: Česká asociace slavistů. Ústav slavistiky FF MU, s. 125–130.

Severa V., 2000, Některé problémy počáteční výuky ruského jazyka na vysoké škole. In: *Актуальные проблемы обучения русскому языку IV*. Brno: PdF MU, s. 80–82.

Severa V., 2000, Nové technologie ve výuce jazyka. In: *Inovace postgraduální přípravy učitelů ruštiny*. Ostrava: FF OU, s. 90–92.

Vavrečka M., 1998, Interference ve výuce ruštiny (lexikální plán). In: *Rossica Ostraviensia 1998*. Ostrava: FF OU, s. 13–18.

Vavrečka M., 2001, Podíl předložek na jazykových bariérách v cizojazyčné komunikaci. In: *Čeština – jazyk slovanský*. Ostrava: PF OU, s. 218–224.

Vavrečka M., Raclavská J., 2005, Předložky jako potenciální zdroj řečových bariér v česko-polské a česko-ruské komunikaci. In: *Zapadoslovanské jazyky v 21. století*. Banská Bystrica: UMB, s. 220–227.

Vavrečka M., Raclavská J., 2005, Překladové ekvivalenty českých dativních vazeb v ruštině a polštině. In: *Zapadoslovanské jazyky v 21. století*. Ostrava: PdF OU, s. 169–174.

Zimek R., 1994, Projekt funkční sémanticky orientované praktické učebnice ruské syntaxe pro bakalářské studium. In: *Rossica Ostraviensia 1994*. Ostrava: FF OU, s. 10–19.

Zimek R., 1998, Průvodce jako specifický stylový žánr smíšeného typu. In: *Rossica Ostraviensia 1998*. Ostrava: FF OU, s. 43–52.

Zimek R., 1999, Několik poznámek k výpovědím s být a mít. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky*. J. Gazda (ed.). Brno: FF MU, s. 19–27.

Е. Учебное пособие

Djovčoš M., Melicherčíková M., Vilímek V., 2021, *Učebnica tlmočenia: skúsenosti a dôkazy: Vysokoškolská učebnica*. Banská Bystrica: Belianum UMB.

Kurcevičová J., 2003, *Деловое письмо. Уřední dopis. Учебно-практическое пособие по написанию деловых и коммерческих писем*. Ostrava: Repronis.

- Kurcevičová J.**, 2004, *Úřední dopis v ruštině (studijní opora)*.
- Kurcevičová J.**, 2006, *Русская орфография в правилах, упражнениях и таблицах. (Ruská ortografie)*. Ostrava: OU. 2009, 2014, 2017, 2021.
- Kurcevičová J.**, 2019, *Практический язык 1–2 (studijní opora)*.
- Kurcevičová J.**, 2019, *Фонетика и фонология (studijní opora)*.
- Kurcevičová J.**, 2021, *Практический язык 2 (studijní opora)*.
- Kurcevičová J.**, 2021, *Практический язык 3 (studijní opora)*.
- Kurcevičová J.**, 2021, *Практический язык 4 (studijní opora)*.
- Kurcevičová J., Vilímek V.**, 2006, *Русский речевой этикет (Ruská řečová etiketa)*. Ostrava: OU.
- Kurcevičová J., Vilímek V.**, 2013, *Современный русский речевой этикет для чехов (Současná ruská řečová etiketa pro Čechy)*. Ostrava: OU.
- Kurcevičová J., Vilímek V., Vavrečka M.**, 2006, *Člověk a jeho svět*. Ostrava: FF OU.
- Lepilová K.**, 2001, *Řečová komunikace verbální a neverbální: pro tlumočníky a průvodce ve sféře podnikání a cestovního ruchu*. Ostrava: OU.
- Lepilová K.**, 1996, *Очерк русской культуры. Nástin ruské kultury*. Ostrava: FF OU. 2000.
- Lepilová K.**, 1998, *Řečová komunikace verbální a neverbální*. Ostrava: FF OU.
- Lepilová K., Vorel J.**, 2003, *Kapitoly z ruské literatury a kultury I (I. pol. 19. stol.)*. Ostrava: FF OU.
- Mikulášek M.**, 2008, *"Zření duchovního kosmu" a "ars interpretandi"*. Ostrava: OU.
- Mikulášek M.**, 2009, *Umění interpretace. "Techné hermeneutiké": anatomie literární hermeneutiky: umění hermeneuticko-genologické exegeze: (Rukověť propedeutického studia literární hermeneutiky)*. Banská Bystrica: UMB.
- Mrhačová E.**, 1991, *Praktická cvičení z ruského jazyka. IV. Učitel ve třídě*. Praha: SPN.
- Mrověcová L.**, 2007, *Čeština pro zahraniční studenty hovořící slovanskými jazyky I. (studijní opora)*.
- Mrověcová L.**, 2007, *E-Learningová opora pro výuku ruštiny ve sféře obchodu a podnikání. (studijní opora)*.

- Mrověcová L.**, 2007, *Obchodní ruština. Русский язык в торговле*. Brno: Computer Press.
- Mrověcová L.**, 2009, *Чешский язык для русскоговорящих. Čeština pro rusky mluvící*. Brno: Computer Press.
- Mrověcová L.**, 2010, *Деловая переписка в России (studijní opora)*.
- Mrověcová L.**, 2011, *Čeština pro rusky mluvící 2 (studijní opora)*.
- Mrověcová L.**, 2011, *Ruština pro komunikaci v podnikání (studijní opora)*.
- Mrověcová L.**, 2012, *Ruština pro pracovní jednání a úřední korespondenci (studijní opora)*.
- Nedomová Z.**, 2007, *Stylistika ruského jazyka*. Ostrava: FF OU.
- Nedomová Z.**, 2010, *Функциональная стилистика русского языка. (Funkční stylistika ruského jazyka)*. Ostrava: FF OU. 2014, 2017.
- Nedomová Z.**, 2020, *Gramatika ruštiny 3 – syntax (studijní opora)*.
- Nedomová Z.**, 2020, *Základy funkční stylistiky (studijní opora)*.
- Nedomová Z., Rudincová B.**, 2003, *Vybrané kapitoly z funkční stylistiky a funkční gramatiky ruštiny*. Ostrava: OU.
- Nedomová Z., Vlhová K.**, 2009, *Metodika výuky ruského jazyka na II. stupni základních škol a středních školách z pohledu pedagogické praxe – náměty pro začínajícího učitele*. Ostrava: OU.
- Plesník L.**, 2017, *Rusky.info: Internetové stránky pro výuku ruštiny*.
- Plesník L.**, 2019, *Gramatika ruštiny – morfologie 1 (studijní opora)*.
- Plesník L.**, 2020, *Gramatická cvičení (studijní opora)*.
- Plesník L.**, 2020, *Gramatika ruštiny – morfologie 2 (studijní opora)*.
- Plesník L.**, 2020, *Kapitoly z funkční lexikologie a tvoření slov (studijní opora)*.
- Plesník L.**, 2020, *Kapitoly z funkční morfologie (studijní opora)*.
- Plesník L.**, 2020, *Kapitoly z praktické mluvnice (studijní opora)*.
- Plesník L.**, 2020, *Lexikologie a tvoření slov (studijní opora)*.
- Plesník L.**, 2020, *Praktikum z ruské terminologie (studijní opora)*.
- Plesník L.**, 2020, *Ruská frazeologie (studijní opora)*.
- Plesník L.**, 2020, *Vývojové tendence v současné ruštině (studijní opora)*.
- Plesník L.**, 2022, *Historie a současnost slovanských jazyků (studijní opora)*.

Rudincová B., 1998, *Практическая функциональная грамматика русского языка (для студентов-бакалавров)*. Ostrava: OU.

Rudincová B., 2004, *Funkční gramatika ruského jazyka 1 (studijní opora)*.

Rudincová B., 2007, *Vývojové tendence v současné ruštině. Studijní opora pro studenty kombinované formy navazujícího magisterského studijního programu oboru Učitelství ruského jazyka a literatury*.

Vavrečka M., 1995, *Русский язык для сферы туризма. Ruština pro oblast cestovního ruchu*. Ostrava: FF OU.

Vavrečka M., 2000, *Русский язык для сферы турбизнеса. Ruština pro oblast cestovního ruchu*. Ostrava: FF OU.

Vavrečka M., 2004, *Funkční lexikologie 1, 2*. Ostrava: OU.

Vavrečka M., 2004, *Ruština pro podnikatele 1, 2*. Ostrava: OU.

Vavrečka M., 2005, *2000 nejpoužívanějších ruských slov*. Brno: Computer Press,

Vavrečka M., 2007, *Ruská slovesa a jejich české ekvivalenty*. Brno: Computer Press.

Vavrečka M., Kupcevičová J., 2005, *Obchodní korespondence v ruštině*. Brno: Computer Press.

Vavrečka M., Lepilová K., Kozlova T. a kol., 2004, *Dogovorilis! Obchodujeme, podnikáme a komunikujeme v ruštině*. Plzeň: Fraus.

Vilímek V., 2017, *Russky.info: Internetové stránky pro výuku ruštiny*.

Vilímek V., 2020, *Речевая коммуникация: Průvodce studiem*.

Vilímek V., Raclavská J., Hodáková S., 2019, *Nová cvičebnice pro rozvíjení kognitivních a komunikačních dovedností tlumočnicků*. Ostrava: OU.

Vorel J., 2004, *Kapitoly z ruské literatury a kultury II*. Ostrava: FF OU.

Vorel J., 2019, *Dějiny a kultura Ruska 1 (studijní opora)*.

Vorel J., 2019, *Dějiny a kultura Ruska 2 (studijní opora)*.

Vorel J., 2020, *Dějiny a kultura Ruska 3 (studijní opora)*.

Vorel J., Klymenko D., 2019, *Úvod do studia literatury (studijní opora)*.

Учебное пособие для учителей и преподавателей русского языка

Kol., 1997, *Transformace rusistického vzdělávání (Alternativy výuky konce tisíciletí)*. Ostrava: FF OU.

Lepilová K. a kol., 2001, *Inovace pregraduální a postgraduální přípravy. Evropský rok jazyků 2001. Od počáteční výuky k maturitě z ruštiny*. Ostrava: FF OU.

Lepilová K. a kol., 2003, *Text a dialog (Cizojazyčná řečová komunikace)*. Ostrava: FF OU.

Lepilová K., 2012, *Dynamika řečové a literární komunikace („multimediální čtenář“)*. Ostrava: FF OU.

Rudincová B., 2006, *Inovace pregraduální a postgraduální přípravy učitelů ruštiny. Ostrava–Brno (CD-ROM)*. Ostrava: FF OU.

Area Slavica 4
(Současná rusistika a proměny univerzitního studia)

Vydala Ostravská univerzita,
Dvořákova 7, 701 03 Ostrava.

Vědecká redakce: Zdeňka Nedomová, Ljuba Mrověcová, Lukáš Plesník
Technická redakce: Lukáš Plesník
Obálka: Markéta Pačková
Místo a rok vydání: Ostrava 2023
Vydání: první
Počet stran: 312
Náklad: 100 ks

ISBN 978-80-7599-379-3 (print)
ISBN 978-80-7599-380-9 (online)

Informace o nabídce titulů vydávaných Ostravskou univerzitou jsou k dispozici na webu Univerzitního obchodu a knihkupectví: <http://oushop.osu.cz>.

ISBN 978-80-7599-380-9

9 788075 993809